

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL
RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кезекті санын ұсынамыз. Бұл журнал **Ф. Эберт** қорымен бірлесіп дайындалды және Қазақстандағы Германия жылына арналған.

Әр түрлі салалардағы Германия мен Қазақстанның қарым-қатынастары осы нөмердің негізгі тақырыбы болып, осы туралы журнал беттерінде Қазақстан, Германия, Ресей және АҚШ мемлекеттерінен авторлар жазуда.

Журналдың осы нөмерінде біз «**Ауызша тарих**» атты жаңа айдар аша-мыз. «Ауызша тарих» – оқиға қатысушыларынан және куәгерлерінен ақпарат алудың әлеуметтік әдісі. Бұл **1930-1950 жж. халықтардың Қазақстанға жер аударылуы: тарих ортақтығы**» халықаралық әлеуметтік жобаның шеңберінде басталған Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының (ЭСЗИ) қызметіндегі жаңа бағыт болып табылады. Осы айдар шеңберінде журналда ұсынылған алғашқы материал – Қазақстанға неміс халқының жер аударылуы туралы балалық шағында қуғын-сүргінді басынан кешірген куәгердің әңгімесі.

2010 жылдың тамызында ЭСЗИ Қазақстан тарихындағы қайғылы оқиғалардың бірі – **XX ғасырдың 30 жылдарындағы жұтқа** арналған «Ауызша тарих» жанрында жобаның екінші бөлімін бастауда. Зерттеу барысында біз Қазақстандағы 1930 жылдары болған ашаршылық куәгерлерімен сұхбаттасу жоспарланып отыр.

Жобаның жаңа сериясында біз неміс әріптесіміз *Матиас Клингенбергпен* бірлесіп жұмыс істейміз. Журналдың осы нөмерінде Матиас Клингенбергдің Орталық Азиядағы ауызша тарих жанры шеңберінде тәжірибесі туралы мақаласы жарияланады.

Журналдың осы нөмерінде «**Мәдениет**» атты жаңа айдар «АРТЭРИА» өнер жұмыскерлерінің орталық үйінің шығармашылық экспериментальды алаңында «Неміс клубы» атауымен классикалық музыка кештерінің шеңберінде қайта құрылған революцияға дейінгі Мәскеу неміс клубының мысалында неміс-ресейлік байланыстар туралы әңгімелеуден басталады.

Редакциялық кеңес мүшесі, мақала авторы *Д.В. Полетаевтың* пікірінше, неміс-ресейлік мәдени байланыстарды қайта жандандырудың осындай тәжірибесін Қазақстанда да дамыту қажет.

Осыны пайдалана отырып, біз Мәскеудегі өнер жұмыскерлерінің орталық үйінің алаңында журналдың бірқатар жобаларын таныстыруда ынтымақтастық көрсеткені үшін АРТЭРИА басшыларына алғысымызды білдіреміз.

Журнал редакциясы және Редакциялық кеңес **Ф. Эберт қорына**, сонымен бірге қордың Астанадағы өкілдігінің директоры *Зәуреш Шүтоваға* осы нөмерді дайындауда көмек көрсеткені үшін ризашылығын білдіреді.

*Құрметпен,
Журналдың баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исләмқызы*

*Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейқызы*

Dear readers!

We would like to introduce another issue of the journal “**International Research. Society. Politics. Economics.**” This issue has been designed in cooperation with the **Fund named after Fridrih Ebert** and is devoted to the Year of Germany in Kazakhstan.

The Germany and Kazakhstan relations in different spheres have become the key topic for this issue and the writers from Kazakhstan, Germany, Russia, and U.S.A are writing about it on the pages of this issue.

We are opening a new rubric “**Oral History**”. “Oral History” is a sociological method of information collection from events’ spectators and participants. This is a new direction in the work of the Institute for Socio-Political Research that has been started within the international sociological study “**Deportation of the People to Kazakhstan in 1930-1950: History Commonality**”. The first material presented under this rubric is deportation history of the Germans to Kazakhstan that was told by one of those who had been deported being a child.

In August 2010 ISPR began its second series of the project “Oral History” devoted to one of the most tragic events in the Kazakhstan history – **Zhut in the Steppe in 30s of the XXth century**. Within this study we are going to interview the people who witnessed the zhut in 1930s in Kazakhstan.

In this new series of the project we have much in common with our German colleague *Matthias Klingenberg* who published an article about his professional experience of using oral history in the work in Central Asia.

The rubric “**Culture**”, which has been opened in this issue as well, begins with the article about German-Russia cultural relations within club culture and is illustrated by pre-revolutionary “Moscow German Club”, which has been renewed under the cyclus of classical musicale by Moscow club ART’ERIA working in the building where the Moscow German club used to be located. The similar experience of renewing German-Russian cultural relations may be and should be developed in Kazakhstan, according to the member of Editorial Board *D.V. Poletaev*. So, we would like to thank ART’ERIA’s leaders for their cooperation in doing presentation for a series of projects under the Central House of Artworkers in Moscow.

The editorial staff and board would like to thank **Fridrih Ebert’s Fund** and *Zauresh Shutova*, Director of the Representative Office to Astana, Fund named after Fridrih Ebert, for her assistance in preparing this issue of the journal.

Sincerely yours,

Rakisheva Botagoz Islyamovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Magazine publisher

Kozhirova Svetlana Bassegovna,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Предлагаем Вашему вниманию очередной номер журнала «**Международные исследования. Общество. Политика. Экономика**». Этот номер подготовлен совместно с **Фондом Ф.Эберта** и посвящен **году Германии в Казахстане**.

Отношения Германии и Казахстана в самых разных сферах стали основной темой этого номера и об этом на страницах журнала пишут авторы из Казахстана, Германии, России и США.

В этом номере журнал мы открываем новую рубрику – «**Устная История**». «Устная история» -социологический метод получения информации от участников или очевидцев событий. Это новое направление деятельности Института социально-политических исследований начатое в рамках международного социологического исследования «**Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории**». Первый материал представленный в журнале в рамках этой рубрики – история о депортации немецкого населения в Казахстан рассказанная одним из тех, кто прошёл через такую депортацию, будучи ещё ребёнком.

В августе 2010 г. ИСПИ начал вторую серию проекта в жанре «Устной истории», посвященную одному из трагических событий истории Казахстана – **Жуту в степи в 30 годы XX века**. В ходе исследования мы намерены опросить свидетелей голодомора в Казахстане в 1930-е гг.

В этой новой серии проекта мы перекликаемся с нашим немецким коллегой *Матиасом Клингенбергом*, статья которого об опыте работы в рамках жанра устной истории в Центральной Азии публикуется в этом номере.

Рубрика «**Культура**», также открываемая в этом номере, начинается с рассказа о немецко-российских культурных связях в рамках клубной культуры, на примере дореволюционного «Московского немецкого клуба», возрождённого в цикле музыкальных вечеров классической музыки московским клубом АРТ'ЭРИА, работающим в том же здании, где некогда находился Московский немецкий клуб. Подобный опыт возрождения немецко-российских культурных связей, по мнению автора статьи, члена Редакционного совета *Д.В. Полетаева* можно и нужно развивать и в Казахстане. Пользуясь случаем, хотим поблагодарить руководителей АРТ'ЭРИА за сотрудничество в презентации ряда проектов журнала на площадке Центрального дома работников искусств в Москве.

Редакция журнала и Редакционный совет благодарит **Фонд Эберта** и директора представительства в Астане *Зауреш Шутову* за помощь в подготовке данного номера!

*С уважением,
Ракишева Ботагоз Ислямовна,
кандидат социологических наук,
Издатель журнала*

*Кожирова Светлана Басейовна,
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

FRIEDRICH EBERT STIFTUNG

ШУТОВА ЗАУРЕШ ЕСТАУЛЕТОВНА

Руководитель представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Астане

Фонд имени Фридриха Эберта был создан в 1925 г. согласно политическому завещанию первого, рейхсканцлера Германии Фридриха Эберта, избранного демократическим путём. Социал-демократ Фридрих Эберт (1871-1925) – профессиональный шорник из Хайдельберга, с 1905 г. – член правления социал-демократической партии в Берлине, в 1912 г. стал членом Рейхстага, в 1916 г. – председателем социал-демократической фракции в Рейхстаге и председателем социал-демократической партии. Являясь сторонником парламентской демократии, он инициирует выборы Веймарского национального собрания, в результате которого 11.02.1919 г. он избирается рейхспрезидентом. Руководствуясь собственным жизненным опытом, Фридрих Эберт завещал создать фонд, целью которого являлась реализация следующих целей:

- политическое и общественное образование людей из самых разных слоёв общества в духе демократии и плюрализма;
- посредством стипендий обеспечить доступ к образованию в высших учебных заведениях для талантливых молодых людей, независимо от материального положения родителей;
- вносить свой вклад в дело международного взаимопонимания и сотрудничества.

Фонд им. Ф. Эберта, запрещённый в 1933 г. пришедшими к власти национал-социалистами, восстановив свою деятельность в 1947 г., и в настоящее время стремится к осуществлению обозначенных целей, оставаясь верным идеям и ценностям социальной демократии.

Фонд им. Ф. Эберта представлен в более чем 100 странах, в том числе в странах Западной и Восточной Европы, СНГ, США, Японии. Совместно с представителями различных общественных групп и организаций, такими как государственные структуры, профессиональные союзы, политические партии, образовательные и научно-исследовательские учреждения, администрации городов и районов, осуществляется поддержка диалога демократических сил с целью выравнивания интересов, совместного решения конфликтных ситуаций.

В новых и будущих странах-членах ЕС немаловажными являются вопросы содействия и укрепления демократизации, процессов реформирования, дальнейшего развития гражданского общества, улучшение политических, экономических и социальных рамочных условий, содействие деятельности профессиональных союзов, поддержка независимых медийных структур, укрепление

добрососедских отношений. Деятельность в странах Балтии, Кавказа, Центральной Азии направлена, кроме обозначенного выше, на укрепление и поддержку сотрудничества со странами ЕС, развитие совместной европейской политики внешней и внутренней безопасности, европейской экономической и социальной модели.

Всего в Фонде работают более 600 сотрудников: в Центральном офисе в Берлине, Бонне и во всех представительствах за пределами Германии.

Фонд является некоммерческой общественной ассоциацией, призванной оказывать содействие в продвижении социально-демократических ценностей.

В Центральной Азии Фонд им. Ф. Эберта представлен с 1993 г., в этом году был открыт офис в Казахстане (Алматы), годом позже в Кыргызстане (Бишкеке), в 1997 г. – в Узбекистане (Ташкенте), в 2004 г. – в Таджикистане. С 2003 г. региональная деятельность Фонда в Центральной Азии координируется из Ташкента. Основными задачами деятельности Фонда им. Ф. Эберта являются укрепление гражданских, демократических, правозащитных структур; стабилизация социального и экономического развития, расширение регионального сотрудничества.

Партнёрами Фонда им. Ф. Эберта являются правительства, министерства, университеты, партии, профсоюзы и неправительственные организации, целью которых является содействие развитию гражданского общества.

В формате международных региональных конференций, семинаров-тренингов, мастер-классов встречаются известные международные и региональные эксперты по Центральной Азии, журналисты, представители государственных структур, гражданского общества, студенты с целью обмена опытом, информацией, аналитическими данными, повышения квалификации, формирования культуры политической дискуссии, гражданской ответственности.

Из наиболее значимых мероприятий можно обозначить следующие:

Центрально-Азиатский германский женский диалог – с 1997 по 2007 гг. В рамках данного проекта женские НПО из Центральной Азии и Европы имели возможность встречаться, обмениваться опытом работы, проводить совместные образовательные мероприятия для женских НПО как в Центральной Азии, Казахстане, так и в Германии.

Становление ювенальной юстиции в Республике Казахстан. Данный проект стартовал в 2007 г. – в формате международных конференций, информационных поездок казахстанских судей в г. Берлин. При непосредственном сотрудничестве с Верховным судом РК осуществляется консультативная экспертная поддержка двух ювенальных судов, работающих на сегодняшний день в Казахстане.

Процесс реформирования системы КУИС Министерства юстиции РК – конференции с участием представителей системы КУИС Министерства юстиции Федеральной земли Берлин и КУИС РК, информационная поездка в мае 2010 г. представителей Министерства юстиции, КУИС РК в г. Берлин с целью ознакомления с опытом Германии в данной сфере.

Поддержка СМИ, серии медиа-семинаров-тренингов, медиа-конференций – 1998, 2001, 2003 гг. Серия образовательных семинаров для дальнейшего развития экожурналистики в Казахстане и странах Центральной Азии в 2004-2007 гг. Серия семинаров-тренингов для радиожурналистов при экспертной и организационной поддержке Германской академии «Deutsche Welle» («Немецкая волна») в 2005-2007 гг. Образовательно-информационные поездки казахстанских журналистов в Германию с целью повышения квалификации.

Повышение квалификации сотрудников Министерства юстиции РК в Академии государственного управления в г. Берлине (2007 г.).

Важными и достаточно активно обсуждаемыми являются и вопросы энергетической безопасности, региональной безопасности и регионального сотрудничества – ежегодные Берлинские конференции при участии экспертов из Европы, Центральной Азии, России. Начиная с 2003 г., осуществляется поддержка встреч экспертов в рамках КИСИ – конференции по региональной безопасности в Центральной Азии. Дискуссионные подиумы и конференции по инициативе и при непосредственном участии ЦАПИ, также по проблемам региональной безопасности с участием экспертов из Германии, России, стран СНГ и др. стран.

Одной из фокусных тем является тема «права человека» при поддержке Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности. Проводятся серии семинаров-тренингов по данной теме для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей вузов и школ, журналистов, студентов, представителей НПО.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

Халықаралық ғылыми-сараптамалық және ақпараттық журнал

Бастырушы:

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты
(Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдар докторы

Бас редактордың орынбасары:

Пак Марина, психология магистрі

Шығарушы редактор:

Руднева Евгения, социология бакалавры

Дизайнер:

Мақсурина Гүлмира

Корректор:

Әдіханова Венера

Аударма:

Колобаев Руслан (ағыл.)
Жолдыбалина Алуа (қаз.)

Редакция алқасы:

Калмыков Сергей,
философия ғылымдар кандидаты
Сәдуақасова Айгүл,
әлеуметтану ғылымдар докторы
Тукаева Дариға,
халықаралық мемлекеттік басқару магистрі
Жолдыбалина Алуа, ізденуші
Мәжитова Айнұр, әлеуметтану бакалавры
Ахметжанова Наила, агрономия магистрі
Еркебаева Гүлден, әлеуметтану бакалавры
Шалова Гүлден, әлеуметтану бакалавры

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Бекетаева Дамиля

Негізгі серіктес:

Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер
институты ЦЕССИ-Қазақстан

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86 (30), 1 кеңсе.
Телефондары: 466 234, 457 002, 457 003
Электрондық адрес: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Басуға 31 тамыз 2010 жылы қол қойылды.

Пішімі 170x260 мм.

Таралымы: 1000 дана

ЖШС "Жарқын Ко"

баспаханасында басылған.

Жазылу индексі: 74270

Журнал ақпарат және архивтер Комитеті
мен Қазақстан Республикасы Мәдениет
және ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

Авторлар ұсынған материалдар үшін
редакция жауап бермейді.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан 3

ШУТОВА ЗАУРЕШ

Фридрих Эберт қоры 6

Теория және методология сұрақтары ...

ТОРСТЕН БОНАКЕР – Шиеленіс, қоғамдық тәртіп
және шиеленіске талдау жасау – пікірталастар және
көзқарастар 14

Қазақстандағы Германия жылы

ХОСЕ ПАСКАЛЬ ДА РОКА – Германияда талас-
тартыстарды баламалы шешу – үдерістер, мекемелер,
бастамалар және арнайы шығарылымдар 25

ЕЛМURЗАЕВА Р. С. – Қазіргі кезеңдегі Қазақстан
мен Германия серіктестігінің басым бағыттары 32

КРИГЕР ВИКТОР – Ресей немістерінің тари-
хи тәжірибесі ресей, қазақстан және германия
қоғамдарының ұжымдық жадының құрамдас бөлігі
ретінде 42

ЛАУМУЛИН М. Т. – Қазақстан мен Германия
арасындағы экономикалық байланыстар 48

МАТТИАС КЛИНГЕНБЕРГ – Oral History, уақыт
күгерлерімен жұмыс және Орталық Азиядағы тарихи
жобалар 60

МОВКЕБАЕВА Г.А. – ЕО-тың сыртқы саяси
құрылымындағы сыртқы саяси стратегиялар және
Германияның ролі: Қазақстан Республикасы үшін
тәжірибесі 70

ПОЛЯН П.М. – 1941-1943 жылдардағы кеңестік
немістерінің жер аударылуы ірі жер аудару кампания-
сы ретінде 77

САВОСКУЛ М. С. – Германиядағы ресейлік
немістердің қоғамға сіңісуі және этникалық
идентификациясының түрлері 100

ЧЕРКЕЗ О. – Еуропа мен Азия арасындағы көпірлер
Қазақстанда салынады 108

ШЕРЬЯЗДАНОВА К. Г. – Қазақстан және Еуроодақ
ынтымақтастығы шеңберіндегі Қазақстан-Германия
қарым-қатынастарының негізгі бағыттары 112

Ауызша тарих

Дегенмен, біз аман қалдық 120

Қазіргі және өткен заман

Ақши драмасы 126

Ғалымдарымен сұхбат.

Ширин Акинер 142

Мәдениет

«АРТ-ЭРИА» «Неміс клубы» неміс-ресейлік мәдениет
байланыстарының феномені ретінде 150

Түйіндеме 160

Кітапқа шолу 166

Авторлар үшін ақпарат 173

РЕДАКЦИЈАЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:

ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры, ИСПИ-Қазақстан Бағдарламасының директоры, әлеуметтік ғылымдар кандидаты
Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Алексеевко Александр Николаевич – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержбицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, саясаттану ғылымдарының докторы (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы азиаттық зерттеу Институтының қызметкері, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеуінің үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті шығыс және африканың зерттеулер Мектебі жанындағы заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико Университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу Бағдарламасының директоры, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – ҚР Парламенті мәжілісінің Ақпараттық-талдау бөлімі секторының меңгерушісі, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Ресей институты, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясы директорының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркут мемлекеттік университеті әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспоры» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» Зерттеу Орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей).

Каюм Кесиж – Людвиг Максимилиан Институты профессоры, Батыс Еуропа еуропалық мәдени орталықтар Федерациясының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, түркітілдес

халықтар әлеуметтанушылары Одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру Институты мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет Зерттеу Орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Шығыстану және жазба мұралар ғылыми Академиясы Институтының тарих және аймақтық шиеленіс зерттеулер бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (CPAPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресі шетел ісі бойынша төрағасының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – миграциялық зерттеулер Орталығының (Ж.А. Зайончковская Орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясы Халықшаруашылық болжау институты миграцияны сараптау мен болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Раса Алишаускиене – Baltic Sarveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультеті деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы стратегиялық зерттеулер Қазақстан институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (PhD) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохико – Хоккайдо университеті славян зерттеулері Орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия Институтының директоры, әлеуметтік ғылымдар докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – халықаралық зерттеулер факультеті профессоры, Азиаттық-тынықмұхиттық зерттеулер Орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

International Research Magazine

Publisher:

Institute for Socio-Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:

Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:

Pak Marina, Master of Psychology

Copy Editor:

Rudneva Yevgeniya, Bachelor of Sociology

Designer:

Maksurina Gulmira

Proofreader:

Adykhanova Venera

Translators:

Kolobayev Ruslan (English)
Zholdybalina Alua (Kazakh)

Editorial Staff:

Kalmykov Sergei,
Candidate of Science (Philosophy)
Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)
Tukayeva Dariga, MPA
Zholdybalina Alua, Ph.D Candidate
Mazhitova Ainur, Bachelor of Sociology
Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Yerkebayeva Gulden, Bachelor of Sociology
Shalova Gulden, Bachelor of Sociology

Financial Department:

Beketayeva Damilya

The main partner:

Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan

The magazine is issued four times a year.

Address:

of. 1, 86 (30) Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 466 234, 457 002, 457 003
Email: ispr@ispr.kz
Website: www.ispr.kz

Signed for printing August 31, 2010

Format 170x260 mm.

Circulation: 1000 copies

Printed LLC "Zharkyn Co "

Subscription index: 74270

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.
License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.

No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference.

Editorial board is not responsible for materials
afforded by the authors .

CONTENT

From the Publisher 3

ZAURESH SHUTOVA

Fridrih Ebert's Fund 6

Issues of theory and methodology

THORSTEN BONACKER – Peace, Conflict and
Conflict Analysis – Debates and Positions 14

The year of Germany in Kazakhstan

JOSE PASCAL DA ROCHA – Alternative Dispute
Resolution in Germany – Processes, Institutions,
Initiatives and Special Issues 25

Yelmurzayeva R. S. – Prioritized Directions in
Cooperation of Kazakhstan and Germany
at the Modern Stage 32

VIKTOR KRIEGER – Historical experience of the
russian germans as a part of the collective memory
of the russian, kazakhstan and german societies 42

LAUMULLIN M. T. – Economic relations between
Kazakhstan and Germany 48

MATTHIAS KLINGENBERG – Oral History,
Contemporary Witnessing and History Projects in
Central Asia 60

MOVKEBAYEVA G. A. – Foreign political strategies
in the structure of foreign policy of the
European Union and the place of Germany:
experience for the Republic Kazakhstan 70

POLYAN P. M. – Deportation of the Soviet Germans
in 1941-1943 as the Most Massive Deportation
Campaign 77

SAVOSKUL M.S. – Integration and the types of
ethnic identities of Russian Germans
in Germany 100

CHERKEZ O. – Bridges between Europe and
Asia are built in Kazakhstan 108

SHERYAZDANOVA K. G. – Key Directions in
Kazakhstan-Germany Relations within the Cooperation
of Kazakhstan and European Union (EU) 112

Oral History

We survived it nevertheless 120

Past and present

«Akchi» play 126

Interviews with scholars

Ширин Акинер 142

Culture

«German Club» in «ART'ERIA» as a phenomenon of
German Russian cultural connections 150

Summary 160

Book review 166

Information for Future Authors 173

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board:

Rakisheva Botagoz Islyamovna,

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;

Program Director, Institute for Socio-Political
Research ISPR-Kazakhstan,
Candidate of Science (Sociology)

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich –

Head, Demography Laboratory,
Eastern Humanitarian Institute, Ph.D (History),
Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political

Science, Warsaw University,
Department of the Eastern (Post-Soviet)
Studies; Ph.D (Political Science),
(Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad

Institute of Asian Studies,
Ph.D (Political Science), Professor
(Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East

European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science)
(Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central

Asia and the Caucasus under the School of
Oriental and African Studies, University of
London; Ph.D (Political Science), Professor
(London, Great Britain)

Gregory Gleason – Director, National Security

Studies Program, University of New-Mexico,
Professor, Ph.D (Political Science)
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhana Khassymovna – Head, Sector

of the Information and Analytical Department,
Majilis of Parliament of the Republic of
Kazakhstan; Ph.D (Political Science),
Professor (Astana, Kazakhstan)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,

Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Dyatlov Viktor Innokentyevich – Professor,

Department of the World History and
International Relations, Irkutsk State
University; Deputy Editor-in-Chief,
Magazine "Diasporas"; Director, Research
Center "Internal Asia", Ph.D (History)
(Irkutsk, Russia)

Kayyum Kesici – Professor, Ludvig-Maximilian

Institute; Chairman, Federation of the
European Cultural Centers of Western Europe;
Ph.D (Political Science)
(Munich, Germany)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department

of Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History)
(Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School,

Istanbul University; President, the Union of
Turkish World Sociologists, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research

Center for Public Administration and
Public Service, Institute of Advanced
Training of Public Officers (IAT PO) of
the Republic of Tajikistan; Chairman,
Division of History and Regional Conflicts,
Institute of Oriental Studies and Written
Heritage of the Academy of Sciences of the
Republic of Tajikistan; Ph.D (History)
(Dushanbe, Tajikistan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People's

Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People's
Congress of the Chinese People's Republic,
Professor (Beijing, China)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich –

Expert, Center of Migration Studies
(J.A. Zaionchkovskaya's Center);
Leading Researcher, Laboratory of
Migration, Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science (Economics)
(Moscow, Russia)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research

Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Sara O'Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,

School of Geography, Nottingham
University, Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Syroezhkin Konstantin Lvovich – Senior

Researcher, Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of the
Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D
(Political Science), (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana Dronzina – Professor, Department

of Political Science, Kliment Ohridski
University of Sofia; Ph.D (Political Science)
(Sofia, Bulgaria)

William Fierman – Professor, Department of

Central Eurasian Studies, Indiana University,
Ph.D (Political Science) (Bloomington, USA)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian

Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,

Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of

International Studies; Head, Hanyang
University's Asia-Pacific Research Center
(APRC) (Seoul, South Korea)

Издатель:Институт социально-политических
исследований (Казахстан)**Главный редактор:**Кожирова Светлана,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**

Пак Марина, магистр психологии

Выпускающий редактор:

Руднева Евгения, бакалавр социологии

Дизайнер:

Максурина Гульмира

Корректор:

Адыханова Венера

Перевод:Колобаев Руслан (анг.),
Жолдыбалина Алуа (каз.)**Редакционная коллегия:**

Калмыков Сергей,
кандидат философских наук
Садвакасова Айгуль,
доктор социологических наук
Тукаева Дарига,
магистр государственного управления
Жолдыбалина Алуа, соискатель
Еркебаева Гульден, бакалавр социологии
Ахметжанова Наиля, магистр агрономии
Мажитова Айнур, бакалавр социологии
Шалова Гульден, бакалавр социологии

Финансово-административный отдел:

Бекетаева Дамиля

Основной партнер:Институт сравнительных социальных
исследований ЦЕССИ-Казахстан

Журнал выходит 4 раза в год.

Адрес редакции:

000001, Астана, Пр. Абая 86 (30), оф. 1
Телефоны: 466 234, 457 002, 457 003
Электронная почта: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Подписано в печать 31 августа 2010 года.

Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО "Жаркын Ко"

Подписной индекс: 74270

Журнал зарегистрирован
Комитетом информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан.
Свидетельство № 10291-Ж.

Точка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.
При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.

Редакция не несет ответственности за
материалы, предоставленные авторами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	3
ЗАУРЕШ ШУТОВА Фонд Фридриха Эберта	6
<i>Вопросы теории и методологии</i>	
ТОРСТЕН БОНАКЕР – Конфликт, общественный порядок и анализ конфликта – дебаты и точки зрения.....	14
<i>Год Германии в Казахстане</i>	
ХОСЕ ПАСКАЛЬ ДА РОКА – Альтернативное разрешение споров в Германии – процессы, учреждения, инициативы и спецвыпуски	25
ЕЛМУРЗАЕВА Р. С. – Приоритетные направления сотрудничества Казахстана и Германии на современном этапе	32
КРИГЕР ВИКТОР – Исторический опыт русских немцев как составная часть коллективной памяти российского, казахстанского и германского обществ	42
ЛАУМУЛИН М. Т. – Экономические связи между Казахстаном и Германией.....	48
МАТТИАС КЛИНГЕНБЕРГ – Oral History, работа со свидетелями времени и исторические проекты в Центральной Азии.....	60
МОВКЕБАЕВА Г.А. – Внешнеполитические стратегии в структуре внешней политики Экономического союза и место Германии: опыт для Республики Казахстан.....	70
ПОЛЯН П.М. – Депортации советских немцев в 1941-1943 гг. как крупнейшая депортационная кампания	77
САВОСКУЛ М. С. – Интеграция и типы этнической идентичности российских немцев в Германии	100
ЧЕРКЕЗ О. – Мосты между Европой и Азией прокладываются в Казахстане.....	108
ШЕРЬЯЗДАНОВА К. Г. – Основные направления казахстанско-германских отношений в рамках сотрудничества Казахстана и ЕС.....	112
<i>Устная история</i>	
Мы все-таки уцелели.....	120
<i>Прошлое и настоящее</i>	
Драма Ақчи	126
<i>Интервью с учеными</i>	
Ширин Акинер	142
<i>Культура</i>	
«Немецкий клуб» в «АРТ-ЭРИА» как феномен немецко-российских культурных связей	150
<i>Резюме статей</i>	160
<i>Книжное обозрение</i>	166
<i>Информация для авторов</i>	173

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета: Ракишева Ботагоз Ислямовна,

директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Алексеевко Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анджей Вержбицкий – сотрудник Института Политических наук Варшавского Университета, кафедра Восточных (Постсоветских) исследований, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Мауланы Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Грегори Глиссен – директор Программ исследований Национальной Безопасности Университета Нью-Мексико, профессор, доктор политических наук (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая сектором Информационно-аналитического отдела Мажилиса Парламента РК, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии Социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Дiasпоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Каюм Кесижи – профессор Института Людвига Максимилиана, Председатель Федерации европейских культурных центров Западной Европы, доктор политических наук, профессор (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения, КазНУ им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан Гуманитарного факультета Стамбульского университета, Президент

Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской Народной Ассоциации за Мир и Разоружение (СРАПД), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального Народного Конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории Анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук, университета Ноттингем профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, профессор, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор Факультета Центрально-Азиатских Исследований, Университет штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, Профессор, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Эм Гу-хо – профессор факультета международных исследований, Директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований (Сеул, Южная Корея)

PEACE, CONFLICT AND CONFLICT ANALYSIS – DEBATES AND POSITIONS

DR. THORSTEN BONACKER

Professor for Peace and Conflict Studies at the Center for Conflict Studies,
Philipps-University (Marburg, Germany).

In the following I would like to provide you with an overview of the main perspectives in Peace and Conflict Studies as an academic discipline, and in doing so, firstly introduce and then summarise the various perspectives and positions on the definition of these two key terms: peace and conflict. I will bring your attention on a few classic positions as well as introducing more recent approaches. Whilst there is a long tradition of debate on the key concepts in Peace and Conflict Studies, these debates have only seldom been interconnected with the actual empirical concerns of P&C Studies, namely the categorical analysis of conflicts. Thus I will conclude by introducing a few dimensions and categories involved in the analysis of conflicts.

1 Conflict

What is a conflict? Obviously answering this question will depend on the conceptual and theoretical framework that is applied. Conflicts may be described at the same time as ‘conflicts of interest,’ ‘differing positions’ or as (armed) struggles over scarce resources. The subsequent suggested definition of Conflict attempts to integrate these various paradigm-dependent descriptions, in that it can abstract from the specifics of each conflict and further, that it does not incorporate existing main issue, or cause, of the conflict.

In general a conflict exists in the form of an expressed incompatibility of expectations. A conflict then presents itself when two opposing and manifest expectations converge. Whether such an antagonism – in this case due to the incompatibilities– results is wholly and freely determined by the respective actors. We cannot speak of a conflict if the actors involved don’t perceive incongruence in their expectations. On a positive note, the social-scientific observer is thus time and again left to wonder why actors with highly differing expectations can frequently negotiate and deal with one another without it coming to conflict. Nonetheless, the observer can still speak of a latent conflict and further inquire into the conditions under which the transformation of the latent conflict into a manifest one becomes more likely. This entails, for example, the manner in which the actors’ respective expectations are understood. If the conflict involves normative expectations that steadfast held, irrespective of opposition or non-compliance [i.e. in the case of human rights], then a conflict is likely to result, because in the case of a contradiction of expectations the respective actors will hold steadfast to their initial expectations/positions. In contrast to this, cognitive expectations are much more flexible. They can be altered and corrected in the case of incompatibilities, before a conflict erupts. It follows that one strategy for conflict resolution could be to convert normative expectations/positions into cognitive ones. In complex social conflicts, that usually involve multiple incompatibilities, such a strategy can lead to an incremental rapprochement between the parties, thereby reducing the barriers to achieving a mutual understanding.

If conflict is conceived of as incompatible or contradicting expectations that lead to conflicts of interest, the question arises: where do these expectations emerge [or in what context]? Thus the context of the emergence determines what type of conflict is concerned. The clash of expectations can either occur in the consciousness (and perceptions) of the actors, in which case one can speak of a cognitive/mental conflict. Or, the incompatibility occurs at the level of social interaction, between individuals, which signifies a social conflict. In this regard, it is important to determine whether the incompatibilities [are tangible, and] can be observed, or if they are only to be found in the form of the respective actors' mental perceptions; because, otherwise cognitive and social conflicts cannot be distinguished from one another.

Social Conflicts can occur on multiple levels. More precisely, we can analyse social conflicts at varying levels: the micro-level of everyday interaction, the level of collective actors, social movements and organisations and at the macro-level between everything from large Groups to states. We attempt to describe the progression of conflicts with the conflict-cycle – from their latency, during their escalation, through to their violent execution, i.e. the collective carrying out of violence in wars and civil wars. Ideally, after a violent dispute/conflict is concluded, this is directly followed by a process of peace building, which leads to a state of sustainable peace between the formerly hostile parties.

Core Conflict Issues

Social conflicts normally involve a particular, central issue, around which the incompatible expectations revolve. In conflicts of distribution, for example, the core issue of the conflict is about goods and the possession thereof; power conflicts involve contention over position or political offices with decision-making authority; conflicts of recognition are over symbolic capital, which actors employ to both increase their sense of worth involved in their identity and/(or) articulate their specific grievances; risk-conflicts involve the controversial calculations about risk and the dangers of particular technologies; and legal conflicts involve the importance and assertion of norms. Expectations can be based upon interests, values, norms or feelings.

The main issues at stake in conflicts can be divided into two groups on the basis of whether they are divisible or indivisible. Divisible Conflicts “revolve around a contention over the distribution of the national product between various classes, sectors or regions. As different as these disputes may be, most importantly they involve an object of contention that can be divided, which is more-or-less the complete opposite of a categorical conflict, which involves ‘all-or-nothing/either-or’ approaches to indivisible conflicts” (Hirschman, 1994: 302).

Particularly ethnic conflicts, in which the parties' expectations are aimed at the recognition of their own identity, are accordingly, indivisible conflicts. Admittedly it can neither be predetermined nor externally decided as to whether the issue at stake in a conflict is divisible or not. This is, on the one hand, a question of how the conflict parties define the issues central to the conflict, and on the other hand, there is always the possibility (discounting categorical disputes) that indivisible conflicts be transformed into divisible conflicts.

Conflict Parties

The emergence of a social conflict assumes the direct confrontation of two incompatible expectations– which logically requires at least two parties to the conflict. When discussing conflict parties, it is important to determine, firstly, whether they stand in symmetrical or asymmetrical relations to one another, and secondly the form of the conflict parties' relations. Numerous studies have demonstrated the tendency towards conflict repression that simply results through

interaction. Interactions are either conflict-laden or not. When two parties stand in relation to one another, they can only either disagree or not disagree.

Therefore interactions tend to prevent the emergence of conflict. If a conflict arises, however, escalation rather often follows, as there are few mechanisms inherent in interaction that enable a departure from the well-trodden path of escalation. Rather, one often gets the impression, that the parties feel they have it in their power to decide the conflict in the here and now. This is particularly the case in societies lacking an awareness of justice under the rule of law.

Conflicts do not only occur between participant individuals, but also between groups (with informal affiliation) or organisations (with formal membership), in the process spreading the conflict internally among the group/organisation. Intergroup conflict often serves to strengthen cohesion within the group. Furthermore, conflicts can be quite integrative in terms of strengthening the unity within a group and the structure of an organisation. At the societal level there are two types of conflict parties that are of particular importance, because they typically feature in so-called 'cross-cutting conflicts.' That is, conflicts that arise out of multiplex affiliation to multiple subsystems and social communities.

- 1) Conflict parties can be formed through the perspective of a particular subsystem, whose expectations differ from those of another subsystem. A classic example of this would be conflict between the political expectations of the demonstrated utility of academic research and the scholarly interest in maintaining the fundamentals of basic research. Subsystems may not deliberately define themselves in the role of conflict parties, but conflicting parties – such as unions, organisations or political actors – can direct their expectations (in terms of politics, science, the economy or religion) to certain subsystems.
- 2) The second type of party to a conflict (at the societal level) deals with communities that are struggling for recognition of their specific way of living/customs, who first constitute themselves (as a conflict party) as the conflict develops. Social movements as well as ethnic or religious communities are examples of this. Recognition-conflicts are frequently defused in liberal societies primarily because these societies are based upon a plurality of belonging and identities, which means that such struggles for recognition do not spread to encompass the entire society.

The Conduct of Conflict

Conflicts are conducted in a certain manner, and it is frequently the form of this execution that is the subject matter of Peace and Conflict Studies. Basically, we can discern between violent and non-violent conflicts, although further differentiation in both categories is possible and useful. In principle, Peace and Conflict Studies first and foremost assumes, that conflicts that are carried out in a violent manner represent a serious problem. It follows that the discipline's normative focus is not concerned with abolishing conflict as such, but rather imparting approaches to conflict, so that they are carried out in a form that is integrative. Violence is thus never suited to this end, as the aggrieved [receiving] party will never approve of its application. A further task of conflict research is to determine under which conditions a conflict is more likely to be carried out in a violent manner. Further, numerous studies confirm Coser and Dahrendorf's thesis, that violence mainly erupts, in contexts with a stiff and inflexible social system, where social structures are restrictive and social change is therefore unwelcome. Further contributing factors that can be named are: collective frustration (and grievances), the indivisibility of the central conflict issue, extreme social inequality or collective social exclusion, the collapse of political or social order, the erosion of social norms, and severe changes in the economic-opportunity structure.

The Reflexivity of Conflicts

For a long time the search for the conditions under which a latent conflict would manifest itself was the focus of Peace and Conflict research. It was questioned, e.g. at which critical stage poverty suddenly turns into protest. Which factors are decisive in the ethnification of conflict? In more recent years we have become aware that the varying dimensions of a social conflict (the main issue of contention, conflict parties, history, and how the conflict is conducted) themselves can become a part of the conflict. It mustn't always be clear which issue of contention is at stake in a conflict. Indeed, the conflicting parties may disagree over the type of issue of contention that is being contested. One side may accuse the other side of only being interested in power, whereas they are ostensibly only interested in promoting the common welfare of all. But also, alone the existence of conflict parties can lead to them becoming a central conflict issue. A conflict may escalate *inter alia* because the parties are no longer disputing something, but rather conflicting over the right to dispute. Moreover, the history of a conflict can become the main issue of contention, where this history's interpretation, in turn, becomes a source of further conflict. This is particularly observable in the case of ethnic conflicts.

Enquiring as to the causes of the conflict can itself become a factor in the conflict. This raises the problem for Peace and Conflict studies, that it can become involved with its subject. This problem is discussed in sociological circles under the keyword reflexivity. According to this concept, Peace and Conflict studies makes a contribution to conflict, whether it wants to, or not. The question is then, how the discipline (P&C Stud.) deals with this state of affairs, and how far researchers claim responsibility for themselves and [the implications of] their research.

2 Peace

The notion that peace is more than simply the absence of war or direct/physical violence led to the distinction in Peace & C Studies between positive and negative peace. Negative peace is understood as the absence of military/warlike disputes and/or direct personal violence.

Hence the so-called OECD Peace relates, to a large extent, to a negative peace, and efforts in crisis regions such as the Middle East or parts of sub-Saharan Africa aim to restore such a state of negative peace. In contrast, positive peace involves the absence of structural, indirect violence and which means that extensive and comprehensive justice can be achieved. This justice naturally entails more than the formal, political-legal equality among states and individuals (within states). Thus the notion of positive peace is strongly connected to the concept of justice, which is necessary for achieving stable peace.

The dispute over the content of the central notion of peace can be divided into positive and negative approaches to the definition of peace. Proponents of a broader, positive definition of peace advocate considering peace a regulative concept that can then serve as 1) a basis for political action, and 2) a point of reference for the further construction and development of theory in P & C Studies. Concurrently, according to this perspective, peace is indivisible and can therefore not be restricted or confined to a certain region. A regional peace is thus, in a sense, a contradiction in terms, because only total peace, i.e. world-peace, is stable (and sustainable). Finally, these proponents understand peace to mean the elimination of the causes of discord/antagonism. Only when the provision of equal opportunities for all has been achieved, will the social causes of the collective use of force/violence diminish. The most prominent representative of the case for a broader definition of peace is Johan Galtung, who devoted his research

to the concept of structural violence, and envisaged the overcoming of social-structurally conditioned relations of violence/power [which sort of Gewaltverhältnisse are you referring to here].

According to Galtung, peace is inconceivable without the achievement of equal opportunities, and thus the elimination of social injustice, political oppression and cultural discrimination. Also, because repressed groups normally resort to using violence in order to alter unjust and unjustified relations of dominance and power.

The critique of a broader definition of peace is based on three main points: First of all, such a definition can serve, under certain circumstances, – and this is no-doubt in contrast to the intentions of its protagonists – to legitimise violence, because the elimination of the causes of violence itself could necessitate the application of violence. At this point Peace & C Studies finds itself skating on thin ice when it must determine what justified or illegitimate violence constitutes. Secondly, a pivotal intention of the application of a wider definition of peace seemed to be overtaken, after the end of the East-West Conflict (or Cold War), by the problems of preventing war, and thereby the prevention and containment of collective violence, which today appear to be more pressing than ever. Given that negative peace is directly threatened in so many societies around the world, employing a positive concept of peace seems, to a certain extent, anachronistic. Finally, by keeping the terms peace and justice in a close relationship in the concept of positive peace, it remains unclear as to what the main subject matter of Peace and Conflict Studies research should be. Occasionally critics of the broader conception of peace have the impression that P & C studies should busy itself with all the evils in the world. But this would not only entail the loss of the academic discipline's identity but also the necessary delimitation of the subject matter.

In contrast, a narrower conception of peace articulates three requirements: Our conception of peace itself should not form a path to new wars or conflicts (e.g. the war on conflict), it should remove the potential for exploitation in legitimising existing domination (falsely framed as the achievement of peace), and rather incorporate actual developments, both historical and current, so that we don't get stuck in the rut of wishful thinking! These requirements exclude two conceptions of peace: on the one hand is the broader conception of peace, which is focussed on structural violence. On the other hand is the positivist conception that purely focuses on the absence of physical violence – which in effect means that every case of a state monopolising violence is understood as the realisation of peace. Whilst the narrower conception of peace does assume the successful monopolising of force by the state, it also aims for more than simply eliminating direct violence. Advocates of a narrow understanding of peace that nonetheless transcends a purely negative conception of peace, point out, above all, that the definition of the term peace should be kept separate from both the causes of stable peace, as well as from the causes of collective violence. Accordingly, with regard to the definition of peace, the discipline should confine itself to understanding peace as process of transformation towards a situation in which conflict is carried out in a civil, i.e. non-violent, manner. From this position we can then begin to inquire into the necessary conditions of a stable peace and conversely what factors can endanger peace. These conditions must be both empirically researched and then theoretically systematised.

Correspondingly, from the perspective of this conception of peace, the main focus is on the labelling of the conditions of peace.

Conditions of Peace

When differentiating between instable and stable Peace, the transition from a situation of instable peace to stable peace can be seen in the fulfilment of cer-

tain conditions, which make a relapse into the state of affairs, in which conflict is carried out violently, improbable. The goal in reconstructing/replicating these conditions of peace is not a world free of conflict, but rather the transformation of how conflict is carried out, and further, the (global) social establishment of this transformation towards the non-violent carrying out of conflicts. In other words, a narrower concept of peace is content when conflicts are carried out without physical violence (or the threat thereof), because pluralist societies always prone to conflict. Hence the conditions of a stable peace come to the fore. Roughly speaking, conditions of peace can be separated into two types: conditions of peace within a society, as formulated in the democratic peace theory and the civilisational hexagon model; and international conditions of peace that deal with the structure of the international political system.

We will begin with the conditions of peace at the intra-societal level that must be fulfilled in order to achieve a stable state of peace: Dieter Senghaas (2004) systematically collated six conditions that, in the case of European states, led to a relatively stable, general framework for peace, i.e. a transformation of the handling of conflicts to a state of relative non-violence. Senghaas' conditions are inductive, reconstructed in light of empirical societal development processes and collated into a hexagonal model. These conditions can thus be understood as building blocks for a civilisational process, which reduces the chance of conflicts being carried out in a violent manner, and vice versa; the absence of such conditions increases the risk of a relapse into non-civil forms of conducting conflict – the application of collective violence. Historically speaking, the monopoly on the use of force by the state is the first building block for a stable peace framework. Here Senghaas subscribes to Thomas Hobbes' theory of peace, but departs in so far as he shares the critique of an (over-) statist concept of peace, because the monopoly on (the use of) force itself can generate violence if it is not legitimate and controlled in accordance with the rule of law.

These controls over the state's monopoly on force (and violence) are complemented by the influences of the democratic participation by the citizenry, which serves, on the one hand, to tie the decisions on violence and force to the democratic process, and on the other hand should guarantee that the citizens will begin to identify themselves as a body politic, so that civil wars over political power are replaced by democratic contests and processes. On top of these political and constitutional conditions of a stable peace, Senghaas identifies the necessity of a just distribution of socio-economic possibilities, because only then can it be guaranteed, that disadvantaged groups will no longer adopt violence as a method for obtaining public (or private) goods. Historically, the growth of industrial societies has been additionally accompanied by 1) individuals' development of the control over their emotions (which is e.g. connected to the inhibition of aggression), and 2) an increased interdependence, i.e. both interlinkages as well as dependence among varying societal sub-strata, which results in violence becoming improbable in so far as the instigators will also suffer the destructive results of the violence.

If these five conditions – monopoly on force, rule of law, democratic participation, social justice, and emotional restraint and interdependence [this is six really...] – are fulfilled, then the chance of the sixth condition occurring becomes more likely. This entails the emergence of a political culture of constructive conflict management – and handling conflicts in an integrative manner.

Thus for Senghaas, peace is the result of long, continual, and sustainably affecting civilisational processes, which eventually result in the non-violent handling of conflicts. The question remains open however, to what extent the Hexagon constitutes a model for the successful implementation of such frameworks for peace, and whether, for example, such a catch-up civilising process can re-

ally promote or support peace in non-European societies. While the Hexagon's conditions of peace were related to differing societal sub-strata, the research on [the] democratic peace [hypothesis] concentrates on the political context in which peace occurs, and the form/condition of the political system. This theory also employs a narrow concept of peace: As Ernst-Otto Czempiel states, "peace prevails in an international system when the subsiding conflicts taking place in this system between states are continually and perpetually handled without the exercise of organised military force." The democratic peace doctrine has been developed subsequent to Emanuel Kant's work "Perpetual Peace," in which Kant postulates a close connection between a republican political system (democracy) and a stable peace. Whether this correlation exists in empirical fact, still remains an open and indeed central issue for peace and conflict studies. Regardless thereof, two internal societal factors are considered relevant for the behaviour of states, in terms of their foreign policy, in the context of the research on democratic peace. According to this theory, a democratic political system is much less likely to be inclined to employ force in foreign-policy matters, because governments must be able to justify their decisions to a democratic public, and because they have an interest in reaching decisions that have widespread endorsement. Kant was therefore of the opinion, that democracies rarely begin wars, because: "if the agreement of the citizens is required to decide whether war should be waged, then nothing is more natural than that they would consider very carefully whether to enter into such a terrible game, since they would have to resolve to bring the hardships of war upon themselves (which would include: themselves fighting, paying the costs of the war from their own possessions, meagrely repairing the ravages that war leaves behind, and finally, on top of such afflictions, assuming a burden that embitters the peace and will never be repaid [due to imminent, constantly impending wars])."

Thus the threshold for the endorsement of war in democracies is very high, also, because the taxpayers will work out whether a war can at all be in their own interests. Not only the political system, but also the political culture of democracies (according to the theory of Dem. Peace) protects them from a foreign policy disposed to the use of force. This culture is characterised by amongst others: individual rights of freedom, an aversion to violence, the protection of minorities, and a plurality of values and interests. Thus, as Czempiel argues, democracies feel compelled to manage conflicts in a non-violent manner. Meanwhile, the empirical work on the democratic peace hypothesis shows that democracies' aptitude for peace is indeed demonstrated in varying degrees. Democracies wage significantly fewer wars against other democracies. Admittedly, democracies have a much higher disposition to wage war against autocracies, which can be explained because these wars can be legitimised in such circumstances, and because of the likelihood of mutual mistrust between states of different political cultures. For this reason, research has lately concentrated on democracies' specific inclination to war. The self-evident conclusion to be drawn from this 'Antinomy of democratic peace,' that is, the fact that democracies are really only more peaceful under certain conditions, consists of the postulation of a stronger global diffusion of democracy. Because if democracies are more peaceful among themselves, then preferably all states should be democratic. Another way to construct a stable framework of peace, rather than the democratisation of all states, is the transformation of the international system. This approach addresses the international conditions of a stable peace. If peace is understood to entail a process of transformation to a situation in which conflicts are conducted in a non-violent way, then five requirements that contribute to the probable success of such a process can be named:

- international organisations must guarantee the cooperation of states in the international system;
- increased distributive justice in the form of societal development opportunities must balance out the political inferiority, or superiority, of states;
- the influence of lobby- or interest groups must be minimised and/or made transparent;
- regional and global regulatory instruments must be discovered, such as the creation of transnational regimes and forms of good governance;
- the strategic competencies of actors operating internationally must be improved, and the education of such actors must be professionalized.

The implementation of these requirements would lead to changes in the international system and thereby come closer to the establishment of an enduring international peace framework.

One central aspect of this, among others, is the legalisation (juridification) of international relations – e.g. institutions such as an international court or tribunal – on the basis of which wars have become illegitimate, and why they will remain illegal under international law. In this regard international law is an integral part of the transformation from violent to nonviolent conflict mechanisms.

Civil Conflict Management

Both domestic and international societal conditions of peace aim to change the social framework of reference in order to make the achievement of peace more likely. Concurrently, there are also approaches that rather concentrate on the practices of societal actors, emphasising prevention, post-conflict measures and practical conflict management. These approaches are also concerned with transforming the handling of conflicts in a more nonviolent and hence civil manner through conflict management. “Civilian peace management is a constructive course of action in which both state and non-state actors can collaborate, in accordance with their own methods and instruments, in a civil and cooperative manner. It signifies a preventative, de-escalating approach to conflict management, including postconflict measures, that is free from military force, or the threat thereof, in which the conflict parties are supported in cooperating with one another – rendering reconciliation possible.” The main focus of civil conflict management is twofold: firstly, the transformation of the social relations between the conflict parties through trust-building interactions, and secondly, violence prevention measures. Thus, as well as the long-term peace strategies of developing and evaluating instruments, an additional task for research on prevention is the question of how to narrow the gap between early warning and early action, thus enabling a prompt intervention in conflicts that threaten to escalate. On the other hand, the transformation of social relations through civil conflict management is of utmost highest importance in places where wars have ceased, and where civil peace management has (temporarily) taken the place of violent hostilities, but nonetheless needs to be established as a lasting institutional model (of best practises). This involves peace building in conflict-laden societies, where success is hampered by various challenges: the necessity of demilitarisation, the reconstruction of the political system, replacing the wartime economy with new civil economic structures, and in general, effectively coping with the consequences of war.

Research on conflict management has shown that the success of peace building measures directly after the conclusion of occurrences of collective violence depends on the following elements: first of all, the conflict parties must exhibit a desire for peace; secondly, there must be a shared interest in

the reestablishment or restoration of a functioning state; thirdly, the parties must agree upon binding rules of a new political and power-sharing framework; fourth, parallel to offers of reconstruction aid, external pressure to 'stay-the-course' must continue to be applied to all parties; fifthly, the peace process should/[must] include all societal groups; sixth, this inclusion should lead to the foundation of civil society groups, that are supported among the wider population; and seventh, the state's administrative processes of consolidation and rebuilding must be supported by state-welfare measures, so that a socially just peace can be achieved. Furthermore, civil peace management entails a structural element as well: because with the decision to conduct conflicts in a civil, non-violent manner, societies are launched into a comprehensive civilisational process, which aims to replace violent processes with non-violent conflict management.

To sum up the debate on the concept of peace and the various analyses of the conditions of peace and research on civil peace management, we can conclude that, on the one hand, despite all disagreements, there exists a relatively large consensus on the central elements and tasks of peace research/studies, but on the other hand, a newer debate has revealed the central concept of peace is still (much) disputed. Such that constructivist studies have plainly demonstrated, that the concept of peace itself plays an integral part of public processes of legitimising violence. It is therefore of paramount importance, now more than ever, that Peace Studies pays heed to the fact that the discipline itself remains a part of the discourse on what is understood under the term 'peace.'

3 Approaches to conflict analysis

Conditions of peace and the causes of conflict are the central aspects of every comprehensive conflict analysis. To conclude I would like to make a few observations about the various dimensions of conflict analyses. Generally one can say that the choice of categories of an analysis and the methodology that is applied depend on which theoretical framework is chosen. Individualist approaches tend to see the causes of conflict lying in the preferences of action of the respective actors, whereas structuralists hold that societal transformation processes, social inequality and the dynamics of exclusion are the main causes of conflict.

Between these positions are approaches that more heavily concentrate on the discursive and mobilisation processes involved in the escalation of conflict.

From a more application-oriented perspective, NGOs and development agencies and organisations have also developed approaches to conflict analysis. In Germany notable for their developments of thorough conflict analyses are the Friederich-Ebert-Foundation and the German Agency for Technical Cooperation (GTZ). The conflict resolution NGO, International Alert, which I reference in the following, conducted an international comparison of different conflict-analysis concepts, and generated categories out of this comparison that a conflict analysis should comprise of. This study distinguishes four central elements in a conflict analysis:

- conflict profile
- causes
- actors
- dynamics

A conflict profile provides a brief characterisation of the context within which the intervention will be situated. Key questions for a conflict profile are:

- What is the political, economic, and socio-cultural context?
- What are emergent political, economic, ecological, and social issues?
- What specific conflict prone/affected areas can be situated within this context?
- Is there a history of conflict?

In order to understand a given context it is fundamental to identify potential and existing conflict or root causes, as well as possible factors contributing to peace. Conflict causes can be defined as those factors which contribute to people's grievances. As most of the approaches of conflict analysis International Alert distinguishes between:

- structural causes – pervasive factors that have become built into the policies, structures and fabric of a society and may create the pre-conditions for violent conflict
- proximate causes – factors contributing to a climate conducive to violent conflict or its further escalation, sometimes apparently symptomatic of a deeper problem
- triggers – single key acts, events, or their anticipation that will set off or escalate violent conflict.

Protracted conflicts also tend to generate new causes (e.g. weapons circulation, war economy, culture of violence), which help to prolong them further. As the main causes and factors contributing to conflict and to peace are identified, it is important to acknowledge that conflicts are multi-dimensional and multi-causal phenomena – that there is no single cause of conflict.

People and actors are central when thinking about conflict analysis. Conflict analysis approaches usually use the term “actors” to refer to all those engaged in or being affected by conflict. This includes individuals, groups and institutions contributing to conflict or being affected by it in a positive or negative manner, as well as those engaged in dealing with conflict. Actors differ as to their goals and interests, their positions, capacities to realise their interests, and relationships with other actors. From a more constructivist point of view at that point the question of the construction of agency arises. A conflict could be seen as a system which generates conflicting actors.

Conflict dynamics can be described as the resulting interaction between the conflict profile, the actors, and causes or the conflict system. Understanding conflict dynamics will help identify windows of opportunity, in particular through the use of scenario building, which aims to assess different possible developments and think through appropriate responses. Scenarios basically provide an assessment of what may happen next in a given context according to a specific timeframe, building on the analysis of conflict profile, causes and actors. If history is the key to understanding conflict dynamics, it may be relevant to use the timeline to identify its main phases. But to speak of conflict dynamics means more than just telling what was happening. Conflict systems are constructing their own history and actors within the system usually have very different histories in mind when they are talking about the past.

Unfortunately, conflict analyses are still not adequately theoretically founded. Furthermore, they often apply an unclear or overly broad (/vague) concept of peace. The previous discussion of the benefits of employing relatively narrower (and thus more precise) conceptions of violence(/force) and peace respectively have shown that conflict analyses should be oriented toward a prospect of conflict transformation that conceives of a peace in which, first and foremost, the application (or the threat) of direct physical force between groups is absent; and a peace that fundamentally recognizes the right of other, different groups to live in a common, shared territory.

References

1. **Bonacker, T.** 2009: Warum Gesellschaften Konflikte brauchen. Streitkultur in sozialwissenschaftlichen Konflikttheorien, in: *kursiv. Journal für politische Bildung* 3, 12-20.
2. **Coser, L.** 1956: *The Functions of Social Conflict*, Glencoe.
3. **Czempiel, E.-O.** 1996: Kants Theorem - Oder: Warum sind die Demokraten (noch immer) nicht friedlich? *Zeitschrift für Internationale Beziehungen* 3, Nr. 1: 79 - 101.
4. **Diez, T./ Stephan S./ Albert, M.** 2006: *The European Union and Border Conflicts: The Transformative Power of Integration*. *International Organization* 60: 563-593.
5. **Galtung, J.** 1969: Violence, Peace, and Peace Research, in: *Journal of Peace Research*, Vol. 6, No. 3., pp. 167-191.
6. **Hirschman, A. O.** (1994). Wieviel Gemeinsinn braucht die liberale Gesellschaft? In: *Leviathan*, 16, 293-304.
7. **Honneth, A.** 1995: *The struggle for recognition*, Cambridge.
8. **International Alert** (2009). *Conflict-sensitive approaches to development, humanitarian assistance and peace building: tools for peace and conflict impact assessment*. London: IA. [Online] <<http://www.saferworld.org.uk/publications.php?id=148>>
9. **Luhmann, N.** 1995: *Social Systems*, Stanford.
10. **Lund, M.** 1996: *Preventing Violent Conflicts*, Washington, D.C.
11. **Messmer, H.** 2003: *Der soziale Konflikt. Kommunikative Emergenz und systemische Reproduktion*. Stuttgart.
12. **Müller, H.** 2003: Begriff, Theorien und Praxis des Friedens. In: Hellmann, G./ Wolf, K. D./ Zürn, M. (ed.): *Die neuen Internationalen Beziehungen*, Baden-Baden, 209-250.
13. **Müller, H.** 2004: The Antinomy of Democratic Peace, in: *International Politics*, Vol. 11, No 4, 494-520.
14. **Rambootham, O./ Woodhouse, T./ Miall, H.** 2006: *Contemporary Conflict Resolution*, Cambridge.
15. **Russett, B.** 1995. The Democratic Peace: And Yet It Moves, in: *International Security* 19 (4): 164-175.
16. **Sandole, D.J.D./ Byrne, S./ Sandole-Staroste, I./ Senehi, J. (ed.)** 2009: *Handbook of Conflict Analysis and Resolution*, London/ New York.
17. **Senghaas, D.** (1995). Frieden als Zivilisierungsprojekt. In: D. Senghaas (Hrsg.). *Den Frieden denken*. Frankfurt am Main, S. 196-223.
18. **Wallensteen, P.** 2007: *Understanding Conflict Resolution*, London.
19. **Webel, C. & Galtung, J. (ed.)** 2007: *Handbook of Peace and Conflict studies*. New York.

ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION IN GERMANY – PROCESSES, INSTITUTIONS, INITIATIVES AND SPECIAL ISSUES

JOSE PASCAL DA ROCHA

JD, MA, Professor, M.Sc. Program in Negotiation & Conflict Resolution Columbia University (New York, USA)

I. Starting with Conflict Management

Most of the time, conflicts are a nuisance. They are scary, can become uncontrollable, preferably one avoids them and hopes that they become inexistent after a while. Yet, conflicts have the negative attitude of unfolding their dynamics into something intractable, a frozen situation. In this event, there is no rational outcome to dealing with conflict. The conflicting parties get stuck, the conflict drives the parties and takes over their thinking, emotions, and behaviors. This unfolding dynamic destroys partnerships, relationships, communication, it increases conflict costs, and renders a formerly divisible dispute into an indivisible, frozen conflict. The question is: Are there any alternatives? When dealing with situations, one has to transition from a reacting being into an empowered problem solving, who activates his decision-making skills through active conflict management. A professional conflict manager chooses 4 strategic stages in order to effectively manage conflict:

- 1) First Step: The Conflict Manager analyses and understands the conflict;
- 2) Second Step: The Conflict Manager identifies the appropriate dispute resolution system that will effectively address the conflict;
- 3) Third Step: The Conflict Manager engages the conflict with the appropriate means of conflict resolution;
- 4) Fourth Step: The Conflict Manager is in charge for the process of the dispute resolution, the settlement or termination of the conflict, and the effective and sustainable maintenance of the reached agreement.

One pertinent issue with conflict management systems is that their choice is flawed due to a limited understanding of available and appropriate dispute resolution mechanisms. In most cases, the parties compromise, make concessions, return to distributive bargaining, and, ultima ratio, bring the conflict to litigation. Hence, the variety of available processes and initiatives for ADR are never being understood and used to their fullest extent.

Before taking a look at ADR in the wider context of Germany, it is worth recalling a few general ADR systems and processes.

II. ADR: A Simple, Yet Complex Landscape

1. Towards a Definition of ADR

Although practiced in a variety and range of forms and procedures, ADR is still a fuzzy, often misunderstood and misinterpreted concept (at times, literature refers to it as ‘Appropriate Dispute Resolution’). It has been used as an umbrella term for a variety of dispute resolution systems which will be discussed

in the following. The term «alternative dispute resolution» or «ADR» is often used to describe a wide variety of dispute resolution mechanisms that are short of, or alternative to, full-scale court processes. The term can refer to everything from facilitated settlement negotiations in which disputants are encouraged to negotiate directly with each other prior to some other legal process, to arbitration systems or minitrials that look and feel very much like a courtroom process. Processes designed to manage community tension or facilitate community development issues can also be included within the rubric of ADR. ADR systems may be generally categorized as negotiation, conciliation/mediation, or arbitration systems. Negotiation systems create a structure to encourage and facilitate direct negotiation between parties to a dispute, without the intervention of a third party. Mediation and conciliation systems are very similar in that they interject a third party between the disputants, either to mediate a specific dispute or to reconcile their relationship. Mediators and conciliators may simply facilitate communication, or may help direct and structure a settlement, but they do not have the authority to decide or rule on a settlement. Arbitration systems authorize a third party to decide how a dispute should be resolved.

It is important to distinguish between binding and non-binding forms of ADR. Negotiation, mediation, and conciliation programs are non-binding, and depend on the willingness of the parties to reach a voluntary agreement. Arbitration programs may be either binding or non-binding. Binding arbitration produces a third party decision that the disputants must follow even if they disagree with the result, much like a judicial decision. Non-binding arbitration produces a third party decision that the parties may reject. It is also important to distinguish between mandatory processes and voluntary processes. Some judicial systems require litigants to negotiate, conciliate, mediate, or arbitrate prior to court action. ADR processes may also be required as part of a prior contractual agreement between parties. Involuntary processes, submission of a dispute to an ADR process depends entirely on the will of the parties.

2. Main Characteristics of ADR

Although the characteristics of negotiated settlement, conciliation, mediation, arbitration, and other forms of community justice vary, all share a few common elements of distinction from the formal judicial structure. These elements permit them to address development objectives in a manner different from judicial systems.

2.1. Informality

Most fundamentally, ADR processes are less formal than judicial processes. In most cases, the rules of procedure are flexible, without formal pleadings, extensive written documentation, or rules of evidence. This informality is appealing and important for increasing access to dispute resolution for parts of the population who may be intimidated by or unable to participate in more formal systems. It is also important for reducing the delay and cost of dispute resolution. Most systems operate without formal representation.

2.2. Application of Equity

Equally important, ADR programs are instruments for the application of equity rather than the rule of law. Each case is decided by a third party, or negotiated between disputants themselves, based on principles and terms that seem equitable in the particular case, rather than on uniformly applied legal stan-

dards. ADR systems cannot be expected to establish legal precedent or implement changes in legal and social norms. ADR systems tend to achieve efficient settlements at the expense of consistent and uniform justice. In societies where large parts of the population do not receive any real measure of justice under the formal legal system, the drawbacks of an informal approach to justice may not cause significant concern. Furthermore, the overall system of justice can mitigate the problems by ensuring that disputants have recourse to formal legal protections if the result of the informal system is unfair, and by monitoring the outcomes of the informal system to test for consistency and fairness.

2.3. Direct Participation and Communication between Disputants

Other characteristics of ADR systems include more direct participation by the disputants in the process and in designing settlements, more direct dialogue and opportunity for reconciliation between disputants, potentially higher levels of confidentiality since public records are not typically kept, more flexibility in designing creative settlements, less power to subpoena information, and less direct power of enforcement. The impact of these characteristics is not clear, even in the United States where ADR systems have been used and studied more extensively than in most developing countries. Many argue, however, that compliance and satisfaction with negotiated and mediated settlements exceed those measures for court-ordered decisions. The participation of disputants in the settlement decision, the opportunity for reconciliation, and the flexibility in settlement design seem to be important factors in the higher reported rates of compliance and satisfaction.

III. ADR in the Context of Commercial Disputes in Germany

In recent years, Germany has seen a significant increase in interest concerning out-of-court dispute resolution between companies. Yet, it is to no surprise that the use of alternative dispute resolution procedures still remains small compared to Common Law countries, such as the USA, the UK, or even Australia. The reason is quite simple: Germany has a recognized litigation procedure. In order to find out in a more detailed fashion on how ADR has entered the commercial practice, The Dispute Analysis & Investigations (DA&I) practice at PricewaterhouseCoopers and the European University Viadrina Frankfurt/Oder explored this development with two objectives:

- 1) To assess current corporate preferences and expectations in handling disputes under civil law; and
- 2) To identify the need for changes and future trends in civil dispute resolution.

A survey was designed based on six types of dispute resolution procedure: negotiation, litigation, arbitration, expert determination, conciliation and mediation. The survey, in the form of an anonymous questionnaire, generated responses from 158 German companies. The general results will be discussed herein, in order to present a brief summary on the ADR landscape in Germany.

3.1. Utilization of dispute resolution procedures

It was no surprise to find that negotiation and litigation are by far the most frequently used methods in settling disputes. However, the study's major finding proved surprising – at least at first sight. In certain cases, corporate perceptions and expectations about which dispute resolution procedure should be adopted do

not correspond with the actual procedure eventually chosen. The discrepancy between perception and action appears in two areas:

- Litigation, the procedure most frequently used, is perceived to be disadvantageous in many respects;
- Procedures involving out-of-court dispute resolution procedures (supported by third parties), which are generally perceived to be relatively beneficial, are used very rarely.

Despite widespread knowledge of the different types of alternative, out-of-court resolution procedures, the majority of companies surveyed still tend to use negotiation and litigation for both national and international disputes. In fact, 17% of the companies who responded use only these two types of procedure. Nevertheless, 80% of the surveyed companies have gained some initial experience with arbitration, expert determination, conciliation, and mediation. In fact, close to one-third, or 28%, of all survey respondents have used mediation in resolving disputes. The willingness to use such procedures increases in direct proportion to company size. The main reasons for using court proceedings cited in the survey – i.e. the failure of previous procedures, legal action taken by the other party or a lack of willingness by the other party to consider alternative procedures - indicate that court action is often perceived to be inevitable. However, the specific advantages provided by litigation were considered to be virtually insignificant.

If alternative dispute resolution procedures are chosen, such actions are justified mainly by corporate philosophy or by pre-existing agreements – in particular, contractually-defined arbitration or mediation clauses.

3.2. Trends in Dispute Management

Overall, the survey identified a trend towards a systematic approach to dispute resolution. This trend increases significantly in direct proportion to company size. As the size of the company increases, the influence of the legal department rises and in larger companies, decisions for selecting dispute resolution procedures are made mainly by corporate lawyers and only secondarily by company management. In smaller companies, management tends to make the decision.

3.3. Appraisal of Various Dispute Resolution Procedures

According to survey results, the key selection criteria for procedures are the dollar amount involved, the sensitivity of issues being addressed, the potential financial impact, and the strength of business relationship at stake. Where the invested financial resources for the disputes are high, negotiation is the first choice, followed by litigation, arbitration, and expert determination as equally preferred options. In contrast, mediation or conciliation are the preferred options if the dispute is of a sensitive nature or if financially important and crucial business relations are involved. The discrepancy between perception and reality is particularly striking in regard to the question of what benefits can be attributed to the various dispute resolution procedures, measured in terms of costs and duration of the procedure, the quality of results, sustainability, maintenance of business relations, confidentiality and autonomy of the parties. Participants in the study had strong views of the different benefits associated with specific procedures. Negotiation received the highest value in all categories (from 77% to 99%), while court proceedings achieved the lowest values (with the exception of two categories: sustainability and quality of results). On the basis of the

overall assessment, negotiation was rated the most beneficial approach, followed by mediation, conciliation and expert determination. After arbitration, litigation is perceived to be by far the least beneficial approach. With ratings of 70% to 75%, arbitration is considered the most beneficial procedure in relation to three criteria: the quality of results, the sustainability of the dispute resolution process and confidentiality. Based on the high values given in the first two of these three categories and the low values then related to the direct and indirect costs of this procedure, arbitration is perceived in a very similar manner to litigation. However, there are significant differences in the evaluation of these two procedures in the categories of confidentiality, duration of proceedings, and subsequent continuation of business relations. In these three areas, arbitration is perceived to be much more beneficial. The major advantages of expert determination (with ratings from 50% to 73%), are perceived to be confidentiality, the subsequent continuation of business relations, the quality of results, and the duration of procedure. While the arbitration findings are perceived to be very similar to litigation in terms of quality of results and confidentiality, expert determination is perceived to be much better in the categories of costs of procedure, duration of procedure and party autonomy. With results ranging from 68% to 93%, mediation consistently ranks second for all criteria (with the exception of two categories: quality of results and the sustainability of dispute resolution process). And compared with other procedures, conciliation is perceived to be relatively similar to mediation. However, the absolute advantages of conciliation across all categories are on average only 9 percentage points behind those of mediation.

The discussions concerning the advantages and disadvantages of dispute resolution procedures are based on numerous assumptions. According to survey findings, the following statements generated the highest approval:

- In German companies, there is a clear desire for greater cooperation between management and the legal department for the purpose of dispute management.
- In choosing a dispute resolution procedure, it is very important for corporate decision-makers that the risks associated with a particular procedure are known and manageable. On the other hand, cost is of relatively minor significance in the choice of dispute resolution method.
- In the handling of disputes, major emphasis is given to the continuation of existing business relations.
- And finally, along with the desire to influence the procedure and result, survey respondents strongly agreed with the statement, “Cooperation and safe-guarding of one's own interests are not mutually exclusive.”

3.4. Discrepancies and Initial Explanations

The discrepancy between the dispute resolution procedures chosen by companies and their perceptions as to the different procedures' benefits is clear:

- Parties initially choose negotiation as their preferred procedure and then have recourse to court proceedings, which they often reject for a variety of reasons.
- The advantages of out-of-court procedures are understood by the parties; however, in practice, they are regarded as being of minor significance.

The conducted study does not provide any conclusive findings regarding the reasons for the discrepancy between perception and reality; instead, it provides useful indicators. The study shows that, as company size increases, so does the frequency with which out-of-court procedures are used. In combination with the increased influence of the legal department in large companies, this appears to point to broader knowledge of and a more systematic approach to dispute resolu-

tion which takes into account the different benefits of procedures. If the reasons for choosing litigation, despite the perceived lack of benefits, are considered (i.e. legal action instituted by the other party or the unwillingness of the other party to consider out-of-court procedures), the following conclusion could be supported: a structured approach to dispute resolution is required in advance of a dispute arising. This will help reduce the gap between the initial perception of which procedure would be most beneficial and the subsequent action choosing of a different procedure. Overall, the perceptions and preferences of the surveyed companies, as well as the trends evident in larger companies, indicate that the advantages of out-of-court procedures will be exploited to a greater degree in the future. According to survey results, of greatest promise are procedures - or combinations of procedures - that provide autonomy for the parties similar to that available through negotiation -- along with the advantages of support by third parties.

IV. Special issue: Mediating Cultural Issues

Let's begin with a definition for culture that is sensitive to conflict. Nadler et al. (1985) define culture as „the system of socially created and learned standards for perceiving and acting, shared by members of an identity group“ (p. 89). The key to this definition is its focus on identity groups. These groups set the standard for determining what counts as acceptable or unacceptable, cooperative or uncooperative communication. Whenever outsiders lack access to these standards, they risk miscommunication and expanded relational distance. An out-group member's inability to predict, to anticipate, and interpret results in greater communication uncertainty (Gudykunst & Nishida, 1984). Further, Nadler et al. (1985) contend that culture impacts conflict in three ways: how it is conceived, how it is conducted, and how it is resolved. This conceptualization is particularly useful because it emphasizes that culture affects the way in which people interpret differences, how they communicate to manage those differences, and how they create options for resolving those differences. Whether the dispute resolution profession itself has become an international culture itself is hotly debated. Differences in cultural traits have often been proposed as one of the main differences in conflict behavior (eg. Triandis, 1995). These differences are usually discussed in terms of their impact on negotiation (e.g. Cohen, 1991). Here we propose to take this idea one step further and argue that we should expect mediation, in itself an extension of the parties' own bargaining and negotiation efforts, to be affected (both in terms of the process and outcome) by cultural differences. Cultural dimensions or differences are an integral aspect of the context of any conflict. They may define the identity of a party and its perceptions. As such they will clearly have an influence on the way negotiation or mediation evolve and the outcome these processes achieve. Phatak and Habib (‘‘The Dynamics of International Business Negotiations’’ *Business Horizons* 39 (1996), pp. 30-38) have suggested that two contexts have an influence on the level of intervention and the level of interaction in mediation: the environmental context and the immediate context. The environmental context refers largely to environmental forces (not in the sense of nature) that influence the process and the interveners without the two of them having control over it, such as bureaucracy, cultural differences, instability, legal structures, etc.; the immediate context refers to factors over which the negotiators might have control. From the author's own perspective and experience, culture is a powerful concept, brought in by the negotiators, mediators and the parties involved in resolving the dispute. They

all hold a set of expectations that guide and inform their decision-making processes. Moreover, once our ‘assumptions’ about the Other are in place, it becomes difficult to get rid of them. We tend to gather interpersonal information in such a way, that we tend to stereotype, re-categorize the ‘facts’ in such a way that support our preconceived ideas, even to the point of ignoring or dismissing data that might prove otherwise. Probably the best way to deal with the intercultural process of negotiation that is mediation is to be aware of one’s own biases, acquire as much data as possible about our counterpart as an individual, and learn about the Other’s customs and norms.

V. Conclusion

In Germany, the field of intercultural competence has grown exponentially since the 1980s. Furthermore, most of the German accept the fact that their society has gone multicultural. Globalization has increased the numbers of interactions between humans due to an interconnected and ever-changing world. Hence, companies must deal with internal and external cultural diversity. Although the impact and tools for intercultural competence have been well understood, actual ‘knowledge’ on the soft topics is relatively limited in companies, and only a handful of multinational companies in Germany conduct intercultural training. Yet, the training still lacks of concise procedures and the requisite condition of Knowledge Development and Management within the companies in order to acquire the baseline assessment for actions and development. One main critique is that German publications and practice refer a lot to US scholarship. Yet, the intricate aspects of communication are left out in most of the works. On one hand, the demand for recipe-like ‘How-To’ about other cultures, on the other hand the difficulties to establish cross-disciplinary studies in Germany tend to render the activities in the field of intercultural competence useless or without much measuring element. Apart from other obstacles (the introduction of the German ‘Leitkultur’ since 2000), the peculiarities and discrepancies in the German discourse on intercultural competence above all constitutes a challenge for theorists and researchers alike. It is based on this analysis, that the notions for intercultural mediation in the German context become even fuzzier. Consequently, the effectiveness of Appropriate Dispute Resolution in the commercial framework of globalized trade and industry is connected with cultural aspects, which has been understood by the majority of German companies, yet its extent needs to be properly managed and implemented, not only within a legal context but within a holistic understanding.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ЕЛМУРЗАЕВА РАУШАН САПАРХАНОВНА

Кандидат исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений факультета международных отношений ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

После распада Советского Союза и возникновения новых независимых государств в Германии в отношении стран Центральной Азии сформировался так называемый «региональный подход», т. е. когда политика строилась в отношении всего региона, а не отдельно взятой страны. При этом германская политика базируется на следующих критериях:

- политическая стабильность;
- приверженность демократическим реформам и их практическая реализация;
- осуществление рыночных экономических реформ;
- фактор наличия немецкого населения в том или ином государстве.

На начальном этапе такой подход оправдывался тем, что государства региона пребывали в одинаковых условиях и столкнулись с аналогичными проблемами политического и экономического развития. В современных условиях назрела необходимость перехода от регионального подхода к дифференцированному, что особенно актуально для торгово-экономического взаимодействия. Германская сторона также учитывает транзитный потенциал региона, и в особенности Казахстана, на фоне возрастания заинтересованности немецких компаний в рынках приграничных государств. Осенью 1996 г. министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель, формулируя внешнеполитические приоритеты своей страны, подчеркнул значимость Казахстана для Германии с экономической точки зрения.

Для Казахстана Германия представляет собой, образно говоря, «ворота в Европу». Налаживанию взаимовыгодного двустороннего сотрудничества во многом способствует отсутствие существенных разногласий в политической сфере между Германией и Казахстаном. Кроме того, ФРГ поддержала предложение о председательствовании Казахстана в ОБСЕ и оказывает всемерное содействие в процессе вступления в ВТО.

Германия признала суверенитет Казахстана 31 декабря 1991 г. Дипломатические отношения были установлены 11 февраля 1992 г. Открытие в 1992 г. посольства ФРГ в Казахстане и в 1993 г. посольства РК в Германии стало дополнительным стимулом для дальнейшего развития диалога на высоком уровне^[1].

Основы двусторонних отношений были заложены в сентябре 1992 г. во время визита в ФРГ Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. В общей сложности было принято шесть основополагающих соглашений. Наиболее важными с политической и экономической точки зрения мож-

[1] Политическое сотрудничество // <http://www.botschaft-kasachstan.de>.

но признать Совместное заявление об основах отношений и Соглашение о создании казахстанско-германского совета по экономическому сотрудничеству. Казахстанская сторона была заинтересована в инвестициях и экономической помощи, а немецкая – в решении судьбы казахстанских немцев и открытии рынка Казахстана для своей продукции.

Осенью 1996 г. в Алматы свое представительство открыл Фонд им. Фридриха Эберта. Целью проектов фонда является развитие демократии и рыночной экономики, финансирование предусматривалось по линии Министерства по сотрудничеству и развитию ФРГ. Второй визит Главы государства Н. Назарбаева в Германию в 1997 г. был совершен после поездки в Вашингтон, где накануне были подписаны документы, значимые для Казахстана и перспектив развития каспийских ресурсов. В декабре 2003 г. состоялся официальный визит в Казахстан канцлера ФРГ Г. Шредера.

Значительный стимул дальнейшему развитию взаимовыгодных контактов между нашими странами придал состоявшийся в 2007 г. официальный визит Президента РК Н. Назарбаева в Германию. Федеральная канцлер А. Меркель подчеркнула, что Германия и Европейский союз проявляют особый интерес к экономическому сотрудничеству с Казахстаном. Преимущественно речь идет о взаимодействии в энергетическом секторе, чтобы в большей степени диверсифицировать источники энергоресурсов для Европы. В ходе прошедших переговоров было отмечено, что представители немецкого бизнеса заинтересованы в том, чтобы ускорить технологическое развитие РК, и готовы содействовать этому путем реализации конкретных программ.

Со 2 по 4 сентября 2008 г. Казахстан посетил Федеральный президент ФРГ Х. Кёллер. В ходе встречи было принято решение о проведении в 2009 г. Года Казахстана в Германии.

В феврале 2009 г. состоялся шестой по счету визит Президента РК Н.А. Назарбаева в ФРГ с момента установления дипломатических отношений. Казахстан с интересом воспринял инициативу Германии по выработке новых механизмов регулирования мировой экономики и учреждению Всемирного экономического совета под эгидой ООН. В свою очередь, немецкая сторона внимательно изучает предложение нашего государства по внедрению единой мировой денежной единицы. Кульминационной точкой визита явилось открытие Н. Назарбаевым Года Казахстана в ФРГ. Подобное событие впервые проводится Казахстаном за пределами стран СНГ^[2].

Создание Казахстанско-Немецкого университета в г. Алматы, председательство Казахстана в ОБСЕ и его сотрудничество с ЕС, а также проведение Года Казахстана в Германии стали основными пунктами Программы совместных действий, подписанной в Берлине 7 мая 2009 г.

В 2009 г. во Франкфурте-на-Майне приступил к работе новый генеральный консул Республики Казахстан Б. Атамкулов. Полномочия Генерального консульства РК во Франкфурте-на-Майне распространяются на четыре федеральные земли – Гессен, Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц и Саарланд. Деятельность данного учреждения преимущественно направлена на консульское обслуживание, защиту прав и интересов как граждан РК, так и казахстанских юридических лиц.

Консульство осуществляет практически все виды консульских услуг и действий:

- консульский учет;
- продление срока действия паспорта или его обмен;
- внесение данных детей в документы родителей;
- выдача виз;

[2] Германия внимательно изучает инициативу Президента Казахстана о создании единой мировой валюты – //http://mirtv.ru/content/view/53817/45/

- нотариальное заверение документов;
- вопросы усыновления детей из РК;
- выход из гражданства РК;
- посещение в тюрьмах задержанных или арестованных казахстанцев;
- постоянный мониторинг условий проживания и содержания усыновленных детей – граждан Казахстана и т. д.

На данном этапе процедура выдачи виз максимально упрощена: для однократной поездки в Казахстан на срок до трех месяцев гражданам Германии не требуется специального приглашения. Необходимо заполнить анкету, предъявить паспорт, фотографии и оплатить консульский сбор – паспорт с визой будет выдан в течение пяти дней. С 3 января по 1 марта 2009 г. Генеральное консульство проводило перепись граждан РК, постоянно и временно проживающих на территории консульского округа^[3].

Недостаточное инвестиционное вовлечение немецкого бизнеса в Казахстане имеет объективные и субъективные причины. На первоначальном этапе независимого развития Казахстана главный поток иностранных инвестиций был сосредоточен в нефтегазовом секторе. Исторически же сложилось так, что в Германии нет крупных нефтегазовых компаний, занимающихся добычей углеводородного сырья. Необходимо также брать в расчет тот факт, что процессы интенсивного инкорпорирования экономики присоединившихся восточных земель в единую общегерманскую экономику отвлекали огромные финансовые средства и вели к снижению активности немецкого бизнеса на внешних рынках. Казахстанско-германскому экономическому сотрудничеству была необходима и организационная поддержка, к примеру Кооперационный совет, являющийся основным координирующим органом в сфере экономического сотрудничества, с 1995 г. бездействовал.

С начала 1990-х гг. германские фирмы осваивают регион. В 1994 г. Союз промышленных и торговых палат Германии открыл представительство германской экономики в Казахстане, созданное в соответствии с двусторонним Договором о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники от 22 сентября 1992 г. Кроме того, 1 октября 1999 г. в Астане начало свою деятельность контактное бюро представительства.

Согласно данным на начало 2009 г., ФРГ инвестировала в Казахстан приблизительно 0,5 млрд. евро, Казахстан в Германию – 4,5 млрд. евро [367].

Германия, наряду с другими государствами Западной Европы, является одним из целевых пунктов «челночной торговли» (что показано на рисунке 1).

Что касается энергетического сектора, ФРГ стремится к диверсификации источников импорта углеводородов с тем, чтобы освободиться от влияния России как единственного поставщика в Европу. По данным министерства экономики и технологии ФРГ, Германия нуждается в 100 млрд. куб. метров в год. В настоящее время ФРГ добывает лишь 16,48 млрд. куб. метров, импортируя остальное. Более 30 % спроса газа в ФРГ покрывает Россия^[4].

До недавнего времени Германия не являлась глобальным игроком в энергетическом секторе Казахстана. В области энергетического сотрудничества казахстанская сторона не брала в расчет особенности социально-экономической структуры Германии, основу которой составляют средние и малые предприятия. Инвестиции Германии первоначально предусматривались на подобном уровне, экономические взаимоотношения с другими центральноазиатскими государствами рассматривались аналогично.

[3] Мы готовы оказать помощь всем, кто в ней нуждается: интервью А. Томаса с генеральным консулом Республики Казахстан во Франкфурте-на-Майне Б. Атамкуловым – http://www.euxpress.de/archive/artikel_13034.html

[4] Germany to intensify energy cooperation with Kazakhstan // <http://eng.gazeta.kz/art.asp?aid=97756>

Рисунок 1.
Распределение трудовых мигрантов, занятых в «челночном» бизнесе, по странам, в которые они выезжают (%)

Примечание:

1. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма составляет больше 100 %.
2. Составлено по данным источника^[5].

Министры ФРГ неоднократно акцентировали внимание на том, что немецкие фирмы не обладают достаточным опытом в эксплуатации нефтегазовых месторождений, как американские или британские, и ограничивают свое участие в большей степени в развитии инфраструктурных проектов, однако Германии совсем безразлично, как будет развиваться Каспийский регион. В 1998 г. Казахстан присоединился к Европейской энергетической хартии, которая как раз нацелена на создание единой энергетической системы, объединяющей энергетические системы ЕС, Восточной Европы и СНГ^[6].

ФРГ входит в число крупнейших стран-энергопотребителей в мире. Ее энергоснабжение основано на использовании шести типов энергии, из которых нефть составляет 39 %, а природный газ – 20,6 %. Две трети энергоносителей ввозятся из-за рубежа. В результате перехода с использования традиционного для немцев угля на нефть она стала важнейшим энергетическим сырьем в Германии, и ее потребление выросло в 1960-х гг. в четыре раза. В 1970-х гг. оно несколько снизилось, однако до сих пор нефть занимает лидирующее положение в энергопотреблении Германии. Постоянно возрастает и доля потребления природного газа.

Сегодня в политических и деловых кругах ФРГ растут опасения из-за иссякания нефтегазовых ресурсов Северного моря, непосредственным потребителем которых является экономика ФРГ. Германия заинтересована не только в принятии активного экономического участия в реализации различных проектов в области транспортировки и создания инфраструктуры для каспийской нефти, но и в том, чтобы сделать свой голос весомым при принятии политических решений по вопросам объемов и квот распределения энергии, полученной в Каспийском и других регионах и предназначенной для нужд ЕС. Следовательно, можно резюмировать, что каспийская политика ФРГ является, прежде всего, частью ее стратегии в рамках ЕС.

Немецкие фирмы, с учетом международного разделения труда, занимаясь в основном обслуживанием инфраструктуры нефте- и газодобыва-

[5] Садовская Е.Ю. Трудовые миграции казахстанских граждан в период суверенитета // Труд в Казахстане: проблемы, факты, комментарии. 2007. № 5. С. 20

[6] Хасанов М., Муташев С. Казахстан и Германия в новом веке // Континент. 2001. № 18. С. 4.

ющей промышленности, принимая в расчет будущий объем добычи нефти почти всех национальных сегментов прикаспийских государств, не скрывают своей заинтересованности в участии в каспийских проектах. В то же время, пока еще существует достаточно большая доля неопределенности в отношениях между немецким бизнесом и крупными международными нефтяными корпорациями по вопросу степени участия каждой стороны в таких проектах.

В концептуальном виде изменения в политике Германии в отношении Каспийского региона были отражены в документах СДПГ. Изначально был заложен элемент взаимосвязи внутривнутриполитической борьбы в ФРГ с ее внешнеполитической стратегией. Существуют предложения некоторых немецких экспертов и политиков увязать национальные интересы Германии на Каспии с общеевропейской стратегией на Востоке, т. е. воспринимать энергоресурсы Каспийского моря составным элементом общеевропейской системы безопасности и экономического сотрудничества.

В ФРГ обращают внимание на рост стратегического значения региона. Немецкие эксперты прогнозируют, что регион между «Кавказом и казахской степью» будет играть существенную роль в энергообеспечении мировой экономики в XXI в. Ведущие страны мира дают свою собственную оценку потенциалу запасов углеводородов на шельфе Каспийского моря и вокруг него, немецкие специалисты согласны с анализом американских экспертов, и в качестве операционных возможностей региона приводятся следующие цифры: от 180 до 210 млрд. баррелей нефти и около 337 трлн. куб. метров газа. Германия заинтересована в сохранении стабильности на Каспии, и становится закономерным, что она с пониманием будет относиться к любому сближению позиций России и Казахстана. В ходе осуществления стратегии ФРГ по вовлечению Каспийского региона в сферу влияния европейских институтов – ОБСЕ и ЕС – проявляется осуждение «большой игры» вокруг Каспия, с которым выступают немецкие политики, требуя освободить регион от влияния опасных геополитических комбинаций. С точки зрения Германии, Казахстан – это государство, в наибольшей степени втянутое в геополитическую игру между США, Россией, Китаем, Ираном и Турцией^[7].

Германские аналитики, в первую очередь из Германского общества внешней политики, со второй половины 1990-х гг. начали активно муссировать вопрос о том, что ЕС отстает от других держав в освоении Каспийского моря. В итоге, в конце августа 1997 г. страны региона посетил министр экономики ФРГ Рексродт. Немецкие специалисты, отстаивая необходимость скорейшего участия европейцев в каспийских делах, основной акцент делали на три тезиса: во-первых, уже было заметно опережение, с которым работали страны Северной Европы по освоению ресурсов российского Севера – Кольского полуострова и Баренцева моря, в сравнении с Германией; во-вторых, отмечалось, насколько опасные последствия для европейской безопасности может иметь конфликт вокруг Каспия, и подразумевалось, что именно ЕС может выступить стабилизирующей силой в регионе; и в-третьих, объявление Соединенными Штатами Каспийского моря зоной своих национальных интересов негативно отразилось на политическом престиже Европы.

При правительстве Г. Коля сохранялась прежняя политическая инерционность в вопросе о Каспии, поэтому задачей сформулировать германские и европейские интересы в Каспийском регионе занялась оппозиция. Документ «Регион будущего – Каспийское море», разработанный фракцией СДПГ в отношении стратегии ЕС в Каспийском регионе, является фактически первой попыткой сформулировать европейские интересы в регио-

[7] Лаумулин М.Т. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1999. С. 295-296, 304-306.

не на стратегическом уровне. Он отражает, с одной стороны, заявку на лидерство Германии и предоставление ей прав по защите европейских интересов в регионе, с другой – требование учитывать интересы ЕС при решении будущего каспийских ресурсов.

ЕС разработал и предложил свою модель преобразования региона, которая в основном повторяет подход ЕС к развитию постсоветского пространства. После 1991 г. данная модель состоит из трех компонентов:

- 1) преобразования для осуществления развития демократии и рыночного хозяйства как предпосылки для поддержания мира;
- 2) региональное сотрудничество против «стратегических альянсов»;
- 3) вовлечение в европейский процесс через ОБСЕ и Энергетическую хартию.

Ведущий немецкий институт в области внешней политики – Германское общество внешней политики – разработал для своего правительства концепцию т. н. Стабилизационного пакта для Каспийского моря. Он состоит из трех элементов:

1. Создание сети транспортных коммуникаций по линии Восток–Запад как противовес существующим 200 лет путям Север–Юг.
2. Укрепление демократии и рыночной экономики в новых независимых государствах региона.
3. Переход от геополитики к экономической конкуренции.

Германский МИД исходит из того, что примерно к 2015 г. границы НАТО и ЕС будут вплотную прилегать к России, а Украина будет вовлечена в стратегическое партнерство с этими организациями на различных уровнях. В этих условиях Германия уже обеспокоена сохранением стабильности в Центральной Азии. Примерно к этому же времени ожидается истощение энергетических ресурсов Северного моря. Практической целью ЕС, и ФРГ в частности, является диверсификация своего нефтегазового импорта путем вовлечения энергетических ресурсов Центральной Азии и Каспийского моря в европейскую энергетическую систему. Однако интересы ЕС в Каспийском регионе относятся не только к нефти, но даже в большей степени – к газу. Основным потребителем газа стран Каспийского региона, по мнению немецких экспертов, станет Европа, поэтому члены ЕС в перспективе должны взять на себя решение инфраструктурных вопросов в регионе.

Для снятия вопроса об альтернативных путях развития предусматривалось создать для государств Каспийского региона такие привлекательные политические и экономические предпосылки, которые заставили бы их отказаться от вступления в ОПЕК, что становится очевидным при предоставлении возможности участия прикаспийских стран в Договоре об энергетической хартии ЕС и их прием в различные европейские структуры, например в Совет Европы.

Кроме того, Германия заинтересована в увеличении поставок казахстанского газа, в первую очередь, посредством нового трубопровода Набукко. С 2012 г. трубопровод Набукко должен транспортировать газ из региона Каспийского моря через Турцию в Европу. Этот альтернативный проект, которым руководит австрийский энергетический концерн OMV при поддержке Евросоюза, призван уменьшить зависимость Европы от российского газа. Газопровод стоимостью 6 млрд. евро и длиной в 3 тыс. км будет прогонять до 31 млрд. куб. метров газа ежегодно. Эти вопросы обсуждались 18 октября 2007 г. руководством Казахстана и министром экономики Германии М. Глосом.

В ходе визита Г. Шредера в Казахстан в 2003 г. казахстанский комитет по информатизации подписал договор о сотрудничестве с группой ком-

паний Д21, куда входят несколько лидеров мирового информационного рынка. Между Агентством Казахстана по информатизации и связи и общественно полезным объединением Германии «Инициатива Д21» был подписан меморандум. Документ подписан с целью развития сотрудничества Казахстана и Германии в области информационных и телекоммуникационных технологий. Стороны будут оказывать «содействие сотрудничеству между учеными и специалистами двух государств, расширению обмена результатами научных исследований в области информационных и телекоммуникационных технологий», говорится в распространенном по поводу подписания меморандума сообщении. «Инициативное движение Д21» – это открытое объединение, которое было основано в 1999 г. в Штутгарде, и сейчас насчитывает более 300 участников, среди которых заметную роль играют такие инфокоммуникационные компании, как Alcatel, HP, IBM. Задачей организации является выдвигание Германии на одно из ведущих мест в мире по применению и производству информационных технологий^[8].

На основании Соглашения между Министерством образования Республики Казахстан и Германской службой академических обменов об отправке стипендиатов Правительства Казахстана в высшие учебные заведения Германии по программе «Болашак» (ДААД), заключенного 27 апреля 1994 г., ДААД обеспечивает администрирование программы «Болашак» на территории ФРГ.

ДААД – организация, объединяющая 230 немецких высших учебных заведений и способствующая развитию академических отношений за рубежом, прежде всего посредством обмена студентами и учеными. Представительство ДААД в Казахстане при поддержке посольства ФРГ в РК ежегодно проводит конкурс на образовательные и научные стипендии. С 1990 по 2003 гг. по стипендии ДААД в вузах ФРГ прошли обучение и научную стажировку 430 человек. Немецкая служба академических обменов (ДААД) регулярно направляет в Казахстан лекторов и ежегодно представляет более ста стипендий для казахстанских студентов и научных работников по различным специальностям. ДААД в последнее время предлагает поучаствовать в конкурсе даже тем, кто не знает немецкий язык или знает, но не достаточно хорошо. Единственным требованием является доказательство самостоятельного поступления в немецкий вуз^[9].

С 1992 г. Центральное управление по делам народного образования за рубежом направляет учителей немецкого языка в казахстанские школы с углубленным изучением немецкого языка. Эта поддержка благотворно сказывается на школах, в которых можно сдать экзамен на немецкий языковой диплом. Педагогическая служба обменов ежегодно приглашает в Германию казахстанских учителей с целью повышения квалификации и обеспечивает возможность пребывания в Германии казахстанских школьников.

Между некоторыми казахстанскими и германскими вузами существуют партнерские отношения, например, между Евразийским университетом в Астане и университетом им. Карла фон Осеттки в Ольденбурге. Сотрудничают также аграрные университеты в Алматы и Астане и университет Вайенштефан. Для проведения реформы высшего образования в Казахстане германские и казахстанские вузы сотрудничали в рамках проекта Европейского союза TEMPUS/TACIS. Германские и казахстанские школы-партнеры ежегодно реализуют программы обмена группами школьников и встеч.

[8] 5 декабря закончился официальный визит в Казахстан канцлера Германии Герхарда Шредера – <http://www.nomad.su/?a=3-200312080028>

[9] Министерство образования и науки РК – http://www.edu.gov.kz/mezhdunarodnoe_sotrudni_chestvo/strany_evropy/rk_and_frg/; Министерство индустрии и торговли РК – <http://www.mit.kz>

Министерство иностранных дел ФРГ ежегодно приглашает молодых дипломатов из Казахстана для участия в курсах для молодых дипломатов. Фонд Александра фон Гумбольдта предоставил стипендии особо одаренным молодым исследователям. С 2004 г. Казахстан принимает участие в программе Германского Бундестага «Международная парламентская практика». В рамках этой программы молодые казахстанские граждане имеют возможность пройти 5-месячную практику в Германском Бундестаге.

Фонд Гумбольдта предоставил ряд стипендий для проведения исследовательских работ особо квалифицированным казахстанским ученым. В соответствии с решением Правительства Казахстана открыто два профессиональных учебных заведения с углубленным изучением немецкого языка: лицей по подготовке специалистов гостиничного хозяйства и ресторанного дела в г. Алматы и профессионально-технический лицей в Павлодаре.

В соответствии с протоколом между Республикой Казахстан и правительством Германии «О сотрудничестве в подготовке и повышении квалификации специалистов и руководящих кадров в области экономики и государственных органов управления экономикой» разработан проект Германии по содействию профессионально-техническому образованию в Казахстане, с тем чтобы готовить таких квалифицированных рабочих, которые могли бы успешно трудиться в условиях рыночной экономики, открывать собственное дело, выпускать продукцию, конкурентоспособную на товарном рынке Казахстана и за рубежом.

На основании межправительственного Соглашения между Республикой Казахстан и Федеративной Республикой Германия «О сотрудничестве в сфере подготовки кадров и повышении квалификации специалистов и руководящих работников в области экономики и государственных органов управления» от 3 сентября 1992 г. и итогового протокола заседания германо-казахстанской экспертной группы от 11 декабря 1992 г. был разработан и утвержден казахстанско-германский проект «Содействие развитию профессионального образования в Казахстане». Проект стал результатом сотрудничества Германского центра по техническому сотрудничеству в Казахстане и Центра по подготовке и консультациям в области рыночной экономики и профессиональному обучению ФРГ. Цель проекта заключалась в поддержке развития новой системы начального профессионального образования в условиях рыночной экономики.

1 октября 2008 г. в Казахском национальном университете им. аль-Фараби состоялся I Казахстанско-германский форум высших учебных заведений. Его основными задачами были определены: развитие международного сотрудничества в области высшего образования и науки, укрепление позиций Казахстана на международной арене, эффективное использование потенциала выпускников в развитии деловых, научно-технических, образовательных и культурных связей с Германией. С немецкой стороны в ней участвовали вице-президент Германской конференции ректоров (НРК), президент Университета прикладных наук Кёльна Йоахим Метцнер, ректоры 31 известного немецкого университета, ведущие специалисты в сфере образования. В работе I Казахстанско-германского форума высших учебных заведений приняли участие руководители 53 вузов Казахстана, имеющие прочные связи с университетами Германии. В течение трех дней они обсуждали актуальные вопросы высшего образования, среди которых: присоединение к Болонскому процессу, интеграция в международное научное и образовательное сообщество, аккредитация и другие.

Также существуют межрегиональные программы по борьбе с растущим образованием пустынь, по защите высыхающего Аральского моря. В бу-

дущем GTZ станет уделять еще больше внимания темам сохранения окружающей среды, воды и возобновляемых источников энергии, как было озвучено А. Клаузингом. Банк развития KfW с 2000 г. начал реализацию различных проектов по борьбе с болезнями, особенно туберкулезом, чтобы улучшить качество диагностики и лечения заболевания.

В Казахстане действует ряд гуманитарных организаций. В 2000 г. немецкий Красный Крест оказал гуманитарную помощь в размере 2,5 млн. ДМ, а сумма помощи со стороны различных неправительственных организаций составила 2 млн. ДМ. В середине 1990 гг. немецкая гуманитарная помощь исчислялась десятками миллионов марок. Некоторые организации целенаправленно начинали работать в адрес немецкого населения в местах его компактного проживания.

В ФРГ существует множество фондов, обществ и других организаций благотворительного характера. Одной из таких гуманитарных организаций является «Помощь детям в нужде». Она существует независимо от правительства, государства и партий и работает в 23 странах мира по 300 и более проектам, включающим в себя пункты оказания медицинской помощи, образовательную помощь, центры защиты детей, программы снабжения продуктами, реабилитационные проекты для больных детей и т. д.

Казахстанско-германские отношения с момента обретения Казахстаном независимости определяются в значительной степени двумя факторами: наличие большого количества этнических немцев и относительно большая часть населения, изучавшая в школах и вузах немецкий язык. На основе анализа научной литературы можно сделать вывод, что основными побуждающими к миграции мотивами являются высокий уровень развития Германии, образование мигрантских сетей, усиление транснациональных связей, поощрение переселения этнических немцев германской стороной на ранних этапах, значительная прослойка в Германии выходцев из бывшего СССР.

Численный состав эмигрантов по национальностям представлен в таблице 1.

Таблица 1.
Эмигранты, выбывшие из Казахстана в Германию за период 1999–2005 гг. (тыс. чел.)

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	1999–2005
Всего из них:	40 862	35 938	38 469	32 832	22 520	17 221	10 299	198 141
Немцы	28 674	24 647	25 834	20 615	13 783	10 008	5 914	129 475
Русские	8 630	8 052	8 833	8 484	5 984	4 864	2 990	47 837
Украинцы	1 890	1 628	1 946	1 858	1 342	1 118	707	13 230
Казахи	265	301	423	434	350	341	181	2 295
Др.нац-ти	1 403	1 310	1 433	1 441	1 061	890	507	8 045

Примечание – по данным источника^[10]

Численный состав иммигрантов по национальностям показан в таблице 2.

Улучшению двусторонних отношений призваны способствовать такие меры, как совершенствование рамочных условий для привлечения инвестиций и нормативной правовой базы, борьба с коррупцией. Казахстанско-германское сотрудничество оценивается обеими сторонами как долгосрочное, и основано на длительных исторических связях.

Казахстан заинтересован в привлечении немецких инвестиций в строительство, туризм, сельское хозяйство, транспорт, агробизнес, текстиль-

[10] Кадацкая Н. Немцы в миграционном обмене между Казахстаном и Германией: тенденции и перспективы / Central Asian Migration Management & International Cooperation (CAMMIC) Working Papers. – Center for Far Eastern Studies University of Toyama, 2008. – No. 5. – С. 5.

ную промышленность. Для германской политики характерен отказ от осуществления вливаний крупных инвестиций, что актуализирует целесообразность выработки совместных проектов, представляющих обоюдный интерес для сторон, и в которые были бы привлечены субъекты среднего и малого бизнеса. Перспективным направлением экономического сотрудничества с Казахстаном со стороны ФРГ является его развитие на уровне федеральных земель. Астана поддерживает усилия немецкой стороны, направленные на реформирование ООН, и в особенности стремление получить место постоянного члена в Совете Безопасности, выработку единой стратегии ЕС по отношению к странам Центральной Азии. В свою очередь, Германия оказывает содействие Казахстану в деле развития региональной интеграции, торгового и экономического сотрудничества в Центральной Азии.

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	1999–2005
Всего из них:	507	548	599	603	776	764	675	4 472
Немцы	294	321	335	291	380	330	315	2 266
Русские	157	160	171	210	281	295	245	1 519
Украинцы	21	31	34	46	54	51	48	285
Казахи	12	14	21	17	20	30	32	146
Др. нац-ти	23	22	38	39	41	58	35	256

Таблица 2.
Иммигранты, прибывшие из Германии в Казахстан за период 1999–2005 гг. (тыс. чел.)

Примечание – по данным источника^[11]

Казахстан и Германия оказывают существенное влияние на немецкую диаспору. При этом, если иммиграционная политика ФРГ основана на примордиалистском подходе к определению национальной идентичности, то немецкие сообщества в Казахстане (Институт им. Гете, Фонд имени Фридриха Эберта и др.) придерживаются других принципов. Их стратегия гармонизирует с национальной политикой Республики Казахстан.

[11] Там же, с. 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО, КАЗАХСТАНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВ

ВИКТОР КРИГЕР

Доктор PhD, научный сотрудник Института восточно-европейской истории
Гейдельбергского университета (г. Гейдельберг, Германия)

Толчком к написанию данной краткой статьи послужил опыт общения со студентами университета г. Гейдельберг, где я несколько лет вел семинарий по истории и культуре немецкого меньшинства в Российской империи и в бывшем СССР. На первом занятии я всегда задавал студентам следующий вопрос: для чего нужна история вообще, почему ее необходимо знать и изучать? Как правило, сразу же следовал ответ, что изучение истории помогает лучше понять причины тех или иных национальных катастроф, что память о прошлом является одним из основных гарантов того, чтобы в будущем исключить повторение имевших место негативных событий и явлений минувших лет и эпох. Дополнительно указывалось на то, что знание истории позволяет лучше понимать настоящее и предполагаемое развитие в будущем, ибо любые общественно-политические процессы, происходящие в мире, имеют корни в прошлом, имеют свою предысторию. Вышеуказанные причины и мотивы назывались чаще всего; кроме того, подчеркивалась общекультурная роль исторического знания. Такое предостерегающе-познавательное отношение господствует в Германии, прежде всего, применительно к собственному прошлому, к истории немецкого народа.

Однако при подобном охранительно-утилитарном подходе отходит на второй план одна из важнейших функций исторического опыта любой социально-этнической общности, будь то клан, племя, народность или нация: быть основой их устойчивого развития. Значение коллективной памяти о деяниях прошлых лет состоит не только в подчеркивании неразрывной связи поколений; прежде всего она призвана служить источником уверенности в себе, примером для подражания и выработки оптимистического взгляда в будущее. Родители и прародители, предыдущие поколения жили в неблагоприятных политических, экономических или природно-климатических условиях, подвергались многочисленным испытаниям (нападению внешних врагов, внутренним распрям, конфессиональным расколам и т. д.). Но рано или поздно они, неважно кто конкретно: предки, социальные слои, государственные деятели, отдельные герои, военачальники, народ в целом находили выход из создавшегося положения, преодолевали многочисленные препятствия, достигая при этом определенных высот в материальной или духовной сферах. Историческое знание призвано укреплять веру в собственные силы и возможности, будь то на уровне семьи или нации: уж если в прежние времена, в гораздо более тяжелых материальных, бытовых, военнополитических и иных условиях, при ограниченных ресурсах, принимались адекватные решения, то и нынешнее поколение обязательно най-

дет подобающие ответы на вызовы современности, решит стоящие перед ним проблемы.

Гордость за деяния своих предков и убежденность, что они действовали в соответствии с общепринятыми нормами своего времени и дает тот фундамент, ту общественную спайку, так называемый «базовый рассказ» (Basiserzaelung), без чего невозможно поступательное, свободное и уверенное развитие любой социальной или национальной группы. Разумеется, позитивное историческое самосознание отнюдь не является синонимом инфантильного самодовольства и самолюбования, не означает отсутствие порой весьма острой критики тех или иных идей и действий своих предшественников.

В какой же мере история российских немцев может служить базой национального самосознания этой национальной группы? Подавляющее большинство их представителей являются потомками аграрно-ремесленнических переселенцев второй половины XVIII – первой половины XIX вв., включая незначительный процент горожан немецкого происхождения, появившихся в России в результате реформ императора Петра I; при этом прибалтийские немцы, т. н. остзейцы, рассматриваются в историографии как отдельная этнословная группа.

Несмотря на сравнительно «молодой» возраст, российские немцы обладают уникальным историческим опытом, отличающим их как от остальных бывших советских народов, так и в еще большей степени от коллективной памяти населения современной Германии. Базовыми, основными элементами их исторической памяти являются:

- *служение;*
- *репрессии;*
- *сопротивление,*

понимаемые в самом широком смысле этого слова.

СЛУЖЕНИЕ

Подавляющее большинство немецкоязычных выходцев из Западной Европы появились в России в результате официальных индивидуальных приглашений и разного рода правительственных, фактически царских манифестов. Это были отдельные специалисты, офицеры и ученые или же поселенцы, направляемые с целью колонизации, то есть заселения и хозяйственного освоения, в малообжитые регионы Нижней Волги и Причерноморья. Служение воспринималось европейцами не как принудительная повинность, а как форма общественно-правовых связей свободных людей, в нашем случае с государством (вассал-сюзерен), при котором каждая из сторон несет свои обязательства, а «вассал» имеет право сменить «сюзерена» по собственной инициативе, прежде всего тогда, когда последний нарушает условия заключенного индивидуального или группового «контракта». Так, уже в царское время с конца XIX в. предпринимались законодательные ограничения в области землепользования и землевладения, использования родного языка в обучении и пр., что весьма негативно воспринималось немецким населением и инициировало значительную эмиграционную волну в Северную и Южную Америку. Годы Первой мировой войны со взрывом германофобии и принятием указов о ликвидации земельной собственности «выходцев из враждебных государств» привели к потрясениям национальной общины и появлению серьезных сомнений в прочности

**Евгений
Петрович
Михаэлис
(1841-1913),
ссылный
народовец**

**Яков Геринг
(1932-1984),
председатель
одного из самых
прибыльных
хозяйств
республики,
колхоза
"30 лет
Казахской ССР"
Успенского
района
Павлодарской
области**

своего положения в России. Еще большими разочарованиями был наполнен, естественно, советский период. Тем не менее, пафос «служения» пронизывает всю историю немецкого меньшинства, вплоть до наших дней.

Если взять конкретно этническую территорию казахского народа, то здесь мы имеем массу примеров ответственной службы администраторов, военных, общественных деятелей и представителей интеллигенции немецкого происхождения, начиная с пер-

вых десятилетий XVIII в. и по сегодняшний день. Хрестоматийным примером служит деятельность, особенно с точки зрения межкультурных контактов, народника Евгения Михаэлиса, оказавшего значительное влияние на творческое становление Абая Кунанбаева или генерал-губернатора Густава Гасфорда, покровительствовавшего своему адъютанту Чокану Валиханову. Но прежде всего это касается сотен тысяч крестьян, позднее колхозников, рабочих и служащих, которые вначале добровольно, но особенно в 1941-1955 гг. большей частью принудительно оказавшихся на территории республики.

Несмотря на приниженный общественно-политический статус, немцы, тем не менее, добросовестно «служили» в различных сферах народного хозяйства бывшего СССР.

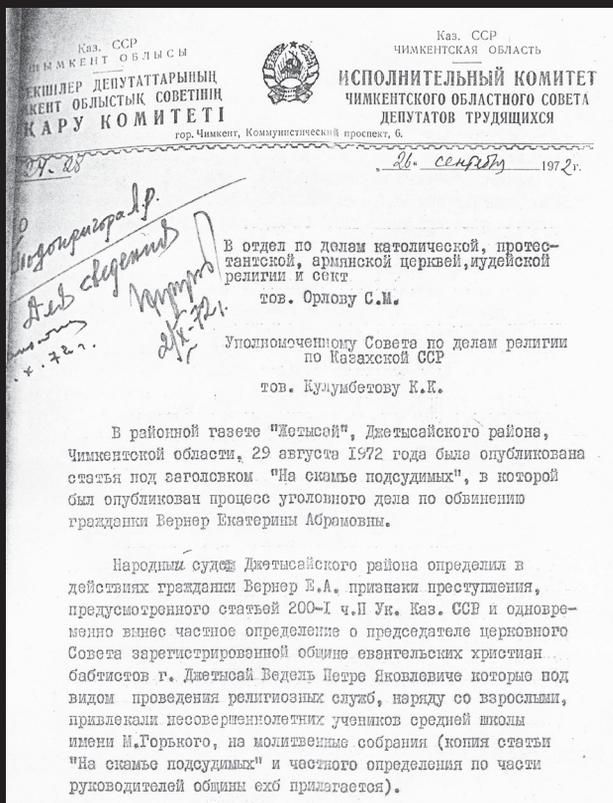
РЕПРЕССИИ

Захват власти большевиками означал односторонний отказ от каких-либо обязательств прежних правителей. Новая власть приступила к массовому отчуждению частной собственности в пользу государства, социализации земли, конфискациям церковной собственности и отличалась широким применением насилия в отношении различных слоев и групп населения. Немецкое меньшинство подверглось разнообразным репрессиям как по социально-классовым признакам, так и, начиная с середины 1930-х гг., все более и более по этническим критериям. Депортации, направления в лагеря принудительного труда и на спецпоселение, разнузданная германофобская пропаганда оставили глубокий след в исторической памяти российских немцев. Их гражданские права не были в полной мере восстановлены и после смерти Сталина. Среди народов бывшего СССР именно российские немцы подвергались наиболее всеохватывающим и продолжительным преследованиям; они служили объектом самых разнообразных форм национального притеснения.

Особенно стоит отметить тяжелое морально-психологическое давление на них как на представителей нации, развязавшей войну против Советского Союза. С теле- и киноэкранов, со страниц книг, газет и журналов, на официальных мероприятиях и многочисленных встречах с ветеранами войны, в личных контактах выкристаллизовывался в основном негативный образ Германии и немцев. Этот психологический дискомфорт усиливался вследствие информационной блокады в отношении истории и культуры «советских» немцев; их политическая реабилитация – здесь имеется в виду Указ

Тюремное фото Александра Гекмана (1908–1994), последнего главы правительства (председатель СНК) АССР немцев Поволжья в 1938–1941 г. После депортации Гекман был направлен на принудительные работы в Богословлаг НКВД СССР в Свердловской обл., где был в 1944 г. арестован и позднее осужден. Фотография предоставлена Государственным архивом административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург.

Один из многочисленных типографских плакатов с именами расстрелянных и осужденных, которые развешивались для устрашения мобилизованных немцев в зоне лагеря принудительных работ Бакалстрой (с августа 1942 – Челябинметаллургострой) НКВД СССР. Документ из Объединенного государственного архива Челябинской области.

Письмо Уполном. совета по делам религии по Чимкентской области с информацией об уголовном осуждении Екатерины Абрамовны Вернер (1937). Е. Вернер, последовательница ев. христиан-баптистов и мать 8 детей, 15 августа 1972 г. народным судом Джетысайского района была осуждена на один год исправительных работ с отбыванием наказания по месту работы, за «превращение несовершеннолетних своих детей в последователей исповедуемого в общине вероучения». Источник: Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы.

Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. и результаты пересмотров многочисленных судебных процессов в годы хрущевской либерализации – последовательно замалчивалась. Если до 1941 г., к примеру, о поволжских немцах на русском языке были изданы сотни популярных и научных книг, брошюр и статей, то за последующие 45 лет было разрешено опубликовать о них всего 1 (одну) статью в академическом сборнике трудов. Неудивительно, что именно на «своих» немцев советскими людьми перекладывалась часть вины за совершенные гитлеровской Германией преступления.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

В ответ на перманентное государственное насилие и дискриминацию немецкое население отвечало восстаниями (1919-1922 гг.), волнениями в годы проведения коллективизации (1929-1932 гг.), но прежде всего стремлением покинуть страну Советов и приверженностью христианским ценностям. Этим немцы показали, что они не только объект, но и в не меньшей степени субъект исторических процессов, который способен самостоятельно определять свою судьбу.

Эрих Абель (1927-1977), активно добивавшийся выезда на постоянное место жительства в ФРГ, был осужден 22 января 1974 г. в г. Караганде на 3 года заключения в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ)

В послевоенном Казахстане они представляли собой практически единственную национальную группу, оказавшую открытое политическое и духовное сопротивление авторитарному режиму и коммунистической идеологии в виде массового эмиграционного и религиозного движения. Демонстрации в гг. Караганде и Исыке в 1973 г., судебные процессы над эмигрантами и верующими в

Исыке, Алма-Ате, Актюбинске, Караганде и других местах в 1950-1980 гг., движение за восстановление незаконно ликвидированной Республики немцев Поволжья, правозащитные акции – способы выражения недовольства своим приниженным общественно-политическим положением, были самыми разнообразными. За стремление выехать в ФРГ, за жалобы в международные организации на дискриминацию немецкого населения, за распространение идей эмиграции среди соплеменников только в Алма-Атинской области в 1970-х гг. подверглись судебным преследованиям не менее 19 человек. Еще в 1984 г. в городе Исыке сотрудники КГБ выявили и изъяли у братьев Егора и Андрея Вольфов разобранный печатный станок и отпечатанную часть тиража Библии. Они были осуждены на 5 лет исправительно-трудовых лагерей как сотрудники подпольной типографии баптистов-инициативников.

В конечном счете, даже просто владение родным языком воспринималось партийно-советским и идеологическим аппаратом как вызов, как нежелание подчиниться предназначенной им судьбе народа без прошлого и без будущего, обреченного на полную ассимиляцию. Своими настойчивыми требованиями соблюдения религиозных, гражданских и национальных прав российские немцы внесли свой вклад в крушение советского неправового государства.

* * *

Три названные базовые составляющие коллективной памяти определяют уникальность исторического опыта российско-немецкого меньшинства и служат основой позитивной групповой идентичности. В не меньшей степени этот опыт необходимо учитывать теми странами, где проживают подавляющее большинство бывших «советских граждан немецкой националь-

ности» и их потомки. Только по теме «Сопrotивление несвободе: немецкий след» имеется значительный, практически нетронутый пласт источников и материалов, хранящихся в государственных областных и центральных архивах, в ведомственных документохранилищах органов госбезопасности (быв. КГБ) и внутренних дел государств, входивших ранее в состав СССР. Речь идет об архивно-следственных делах на узников веры и политических заключенных, о материалах партийных органов, информации органов госбезопасности, о заключениях прокуратуры, докладах и статистике уполномоченных по делам религий и пр., которые содержат ценнейшие сведения по этому важнейшему аспекту национального самосознания.

К сожалению, исторический опыт немецкого меньшинства, проживающего ныне в основном в России, Казахстане и особенно в Германии, где насчитывается около 2,5 млн. граждан российско-немецкого происхождения, практически не находит отражения в коллективной памяти и национальной идентичности этих стран. Стоит надеяться, что приближающийся в 2014 г. 250-летний юбилей начала массовой иммиграции иностранных, прежде всего немецких, поселенцев, последовавших призыву Екатерины II и последующих царей обживать и культивировать просторы Российской империи, станет хорошим поводом для осмысления роли и места этих европейских выходцев в общественно-историческом сознании России, Казахстана и Германии.

Скромный мемориальный знак в память о немецких жертвах репрессий и войны, установленный в 2009 г. перед «Немецким домом», г. Алматы

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И ГЕРМАНИЕЙ

ЛАУМУЛИН МУРАТ ТУРАРОВИЧ

Доктор политических наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) (Алматы, Казахстан)

Как известно, 2010 год в нашей стране является Годом Германии в Казахстане (2009 г. был, соответственно Годом РК в ФРГ). Этот факт, но, конечно, и не только он, объясняет повышенный интерес нашей общественности к стране, с которой нас связывают столько и славных, и трагических страниц истории, и просто миллионы человеческих судеб. У нас даже сложился стереотип: говоря Европа, мы подразумеваем Германию, и наоборот. ФРГ привычно ассоциируется с образом экономического гиганта (продвинутые и информированные люди добавляют при этом: «...и политического карлика»). Германия – наш давний и один из крупнейших экономических партнеров, поэтому вполне понятен интерес широкой казахстанской общественности к характеру и объемам казахстанско-германского экономического сотрудничества.

У Казахстана и Германии немало общего в недавней истории. Оба государства являются экономическими гегемонами и лидерами в своих регионах: ФРГ – в Евросоюзе, а Казахстан – в Центральной Азии. Обе страны практически одновременно – в 1998-99 гг. – занимались переносом своих столиц. В результате возникли новые геополитические реалии на региональном уровне и новые государственные идентичности (в Германии после переноса столицы из Бонна в Берлин возникло новое понятие – «Берлинская Республика»).

Тема экономических связей Казахстана с Германией носит в некотором роде эпический характер, поэтому начать следует издалека. Для этого придется вернуться в теперь уже далекие 1960 гг., когда вдруг обнаружилось, что основным внешнеторговым партнером СССР является Западная Германия. В эту эпоху Советский Союз интенсивно прокладывал в Европу магистральные нефте- и газопроводы, сначала в Восточную, а затем в Западную Европу. Тогда сложилась система торгово-экономического сотрудничества, сохранившаяся в основных чертах и до сих пор: с востока в ФРГ шли энергоносители и другие природные ресурсы, а взамен СССР получал товары и технологии высокого уровня. При этом следует помнить, что в то время Советский Союз сам был высокотехнологической державой, на Западе закупал только то, на что у себя требовалось слишком много времени для развития соответствующих производств.

В то же время, советская технологическая база позволяла скопировать или создать полный аналог любого западного производства. Кроме того, существовали социалистические страны, которые также являлись для СССР источником передачи западных технологий и товаров-аналогов. Следует отметить, что в брежневскую эпоху КазССР наладила тесное экономическое сотрудничество с ГДР.

К концу 1980-х и в начале 1990-х гг. ситуация выглядела иначе: горбачевский союз уже был не в состоянии поддерживать хотя бы видимость рав-

ноценного торгово-экономического обмена. От СССР и его наследников западная (точнее, глобальная) экономика требовала только одного – природных ресурсов (и как можно дешевле). Постсоветские Россия и Казахстан полностью унаследовали сложившуюся схему торгово-экономического обмена: ресурсы в обмен на товары. Крушение внешнеэкономической изоляции с распадом Советского Союза сделало такую схему практически безальтернативной.

Теперь понятно, в каких сложных условиях вступал независимый Казахстан в систему экономических отношений с одной из крупнейших экономик мира, и крупнейшей в Европе. Следует отдать должное немецкой стороне: уже вскоре после обретения независимости Казахстаном в феврале 1992 г. состоялся официальный визит правительственной делегации ФРГ во главе с федеральным министром экономики Ю. Меллеманом. Тогда была достигнута принципиальная договоренность о создании Казахстанско-германского кооперационного совета (но первый зондаж германская сторона провела еще до официального распада СССР: в октябре 1991 г. состоялся визит федерального министра иностранных дел Г.Д. Геншера). Затем в марте 1992 г. произошел визит федерального министра научных исследований и технологий Х. Ризенхубера.

В мае 1997 г. состоялась встреча Президента РК Н.Назарбаева с Федеральным канцлером Г. Колем в аэропорту г. Алматы. Но основа для казахстанско-германского сотрудничества была заложена в сентябре 1992 г. в ходе первого визита Президента Н. Назарбаева в ФРГ и подписания Совместного заявления об основах отношений и ряда договоров и соглашений в различных областях, в т. ч. о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники; о поощрении и взаимной защите капиталовложений; о создании Казахстанско-германского совета по экономическому сотрудничеству.

В дальнейшем обе стороны старались активно поддерживать диалог на уровне руководителей различных экономических ведомств. Так, в июне 1993 г. федеральный министр по экономическому сотрудничеству и развитию К.Д. Шпрангер посетил РК. В октябре 1995 г. состоялся ответный визит правительственной делегации РК во главе с министром экономики А. Тлеубердиным, а в августе 1997 г. – визит федерального министра экономики ФРГ Г. Рексродта.

Однако настоящие прорывы на экономическом направлении происходили только тогда, когда имели место встречи на высшем уровне. Второй визит Президента РК Н. Назарбаева в ФРГ состоялся в ноябре 1997 г. Его результатом стало подписание серии соглашений, в т. ч. в области экономики: об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капиталы; о техническом сотрудничестве; о финансовом сотрудничестве; о международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов; меморандум о сотрудничестве по ценным бумагам с АО «Немецкая биржа» и Обществом по содействию развитию биржевых и финансовых рынков в Центральной и Восточной Европе; заявление о сотрудничестве в области экологии.

В дальнейшем динамика укрепления договорно-правовой базы экономического сотрудничества сохранялась: в ноябре 1998 г. казахстанская делегация в лице Государственного комитета по инвестициям приняла участие в Центрально-Азиатской экономической конференции в Бонне, в рамках которой состоялось представление экономического потенциала и инвестиционных возможностей Казахстана. Затем состоялся визит в ФРГ председателя Агентства по стратегическому планированию реформам РК. И в 1999 г. было проведено заседание казахстанско-германской рабо-

чей группы «Торговля и инвестиции». В декабре 2000 г. произошло знаменательное событие: День казахстанской экономики в Германии.

Необходимо отметить, что торгово-экономический обмен между двумя странами в 1990 гг. развивался стремительно и скачкообразно. Ежегодно объем торговли вырастал в несколько раз. За период с 1995 по 2000 гг. объём торговли вырос почти в три раза и составил в 2000 г. 2,7 млрд. ДМ, в 2001 г. – 3,3 млрд. ДМ. Начиная с 1999 г., экспорт казахстанской продукции в Германию превысил объем импорта из ФРГ. В 2000 г. положительное сальдо внешнеторгового баланса достигло около 1 млрд. ДМ. Таким образом, ФРГ стала в этот период одним из основных торговых партнеров Республики Казахстан, занимая по объему товарооборота второе место после Российской Федерации и первое место среди европейских стран.

Чем можно было объяснить такое динамичное развитие? Оно объясняется не только ростом мировых цен на основные товарные позиции казахстанского экспорта, но и увеличением физических объёмов поставок и, прежде всего, сырой нефти. В 2000 г. 95 % всех поставок Казахстана в Германию составили нефть (80,9 %) и металлы (14 %). В германском экспорте преобладали станки и оборудование, электротехнические товары, машины, продукты химической промышленности. В этот период сложилась в основных чертах схема казахстанско-германского экономического симбиоза.

Наиболее успешно немецкий капитал работает в таких секторах экономики Казахстана, как нефть и газ, минерально-сырьевой комплекс, транспорт и коммуникации, строительство, финансы и кредит, издательство и полиграфия. В 1990 гг. Федеральным правительством Германии была разработана программа привлечения к сотрудничеству в области политики развития немецких средних компаний, их филиалов и совместных предприятий в Казахстане. Важным фактором в развитии двусторонних торгово-экономических отношений являлись кредиты, предоставляемые под страховое покрытие «Гермеса». Кредиты предоставлялись под гарантию Правительства РК, с 1998 г. кредиты под страхование «Гермеса» стали выдаваться под гарантии ряда казахстанских банков второго уровня. Квота на 2001 г. составляла 100 млн. ДМ (50 млн. евро). Основным органом, координирующим торгово-экономическое сотрудничество между Казахстаном и Германией, является Кооперационный совет, созданный в 1992 г.

Но что важно, экономическое сотрудничество между двумя странами не ограничивалось исключительно торговлей. Германия оказывала экономическое влияние на Казахстан посредством других инструментов. В частности, Фонд им. Ф. Эберта открыл свое представительство в Алматы осенью 1996 г. Целью проектов фонда является поддержка демократии и рыночной экономики, финансирование осуществляется по линии Министерства по сотрудничеству и развитию ФРГ. Другим важным направлением экономического содействия было оказание гуманитарной помощи ряду казахстанских регионов. Естественно, предпочтение отдавалось районам с компактным проживанием немецкого населения.

Гуманитарная помощь Казахстану поступала по линии правительственных и неправительственных организаций ФРГ. В рамках правительственной программы Германии по поддержке лиц немецкой национальности в местах их компактного проживания по линии немецкого Красного Креста поступает значительная по объему гуманитарная помощь. Так, в 2000 г. поступило помощи на 2,5 млн. ДМ в виде медицинского оборудования, медикаментов, перевязочного материала, передвижных средств скорой помощи.

Здесь необходимо добавить, что сотрудничество между Казахстаном и Германией в поддержке этнических немцев, проживающих в Казахстане, основывалось на межправительственном Соглашении о сотрудничестве по поддержке этнических немцев, проживающих в Республике Казахстан (1996 г.), на межправительственных соглашениях о направлении германских преподавателей в школы Республики Казахстан (1996 г.) и частично на Соглашении о культурном сотрудничестве (1994 г.). Координирующим органом по сотрудничеству в этой сфере является казахстанско-германская Межправительственная комиссия. Для реализации положений указанных выше соглашений в Казахстане были созданы определенная система и механизмы поддержки этнических немцев, прежде всего направленные на обеспечение их культурно-этнической самобытности. В это время начали функционировать общереспубликанский Совет немцев Казахстана, Ассоциация «Видергербурт», Немецкий дом в Алматы, культурные центры немцев в ряде областей Казахстана, многочисленные языковые курсы, а также теле-, радиoproграммы на немецком языке, стали издаваться немецкоязычные газеты, вновь заработал Немецкий театр в Алматы^[1].

Со своей стороны, Федеральное правительство Германии через МВД, МИД ФРГ и Общество по техническому сотрудничеству (GTZ) оказывало ощутимую финансовую и материальную помощь немцам в Казахстане. Помощь шла в форме оснащения оборудованием центров немецкой культуры, учебных материалов для школ, вузов и курсов немецкого языка, путем направления в Казахстан преподавателей немецкого языка.

Кроме того, через GTZ поставлялось оборудование по переработке сельскохозяйственной продукции для отдельных хозяйств в местах компактного проживания немцев. Определенная часть средств поступает в виде гуманитарной помощи (медикаменты, питание, одежда). За время сотрудничества германская помощь этническим немцам в Казахстане составила к началу нового века около 58 млн. ДМ.

В чем причина (кроме этнической солидарности) такого альтруизма немецкой стороны? Дело в том, что к концу 1990 гг. Берлин пересмотрел принципы Боннской Республики, восходившие еще к К. Аденауэру, по переселению этнических немцев из социалистических стран на историческую родину. Было принято негласное решение по сдерживанию эмиграции и поддержке оставшихся немцев на местах.

Нельзя не отметить, что в экономических отношениях между ФРГ и РК присутствовал сильный политический фактор. То есть, особенностью политики Германии в отношении Казахстана являлся т. н. региональный подход. Берлин рассматривал Казахстан как часть Центральной Азии и проводил свою политику в контексте всего Центрально-Азиатского региона. Другой особенностью германской политики являлась ее тесная увязка и координация с политикой Европейского союза в целом. Однако к 2001 г. на-

[1] Гуманитарная помощь Казахстану поступает по линии правительственных и неправительственных организаций ФРГ. В рамках правительственной программы Германии по поддержке лиц немецкой национальности в местах их компактного проживания по линии немецкого Красного Креста поступала значительная по объему гуманитарная помощь. Так, только по линии неправительственных благотворительных организаций также поступает значительная по объему адресная гуманитарная помощь для наиболее незащищенных слоев населения (пенсионеры, больные, дети). В 2000 г. помощь составила сумму около 2 млн. ДМ. Следует отметить, благотворительные организации при доставке гуманитарной помощи в Казахстан сталкиваются со следующими проблемами: неоперативное оформление документов таможенными службами РК, требование этих служб оплатить таможенные пошлины, доставка медикаментов требует лицензирования и разрешения на ввоз, которое может рассматриваться соответствующими органами РК месяцами.

Вместе с тем, несмотря на заинтересованность обеих сторон в закреплении этнических немцев в стране их проживания, их совместные усилия не дали положительных результатов. Со времени обретения независимости Казахстан покинули по различным оценкам более 800 тыс. этнических немцев. В настоящее время в Казахстане проживает более 300 тыс. граждан немецкой национальности, однако процесс въезда этнических немцев в ФРГ продолжается, хотя его темпы снизились вдвое.

Как показывает анализ, в основе процесса въезда немцев из Казахстана лежат не политические, а, главным образом, социально-экономические и психологические мотивы (поиск более благоприятных условий для жизни, стремление воссоединиться со своим народом, а также с родственниками). Приведенные выше цифры говорят о неэффективности как политики правительства ФРГ по закреплению этнических немцев в странах их проживания, так и сотрудничества с правительствами соответствующих стран, включая Казахстан.

зрела необходимость убеждения немецкой стороны в пользу диверсифицированного подхода при осуществлении своей политики в отношении центральноазиатских государств.

К началу нового века структура торгово-экономических связей двух стран приобрела законченные черты. Так, в 2000 г. 95 % всех поставок Казахстана в Германию составили нефть (80,9 %) и металлы (14 %). В германском экспорте преобладали станки и оборудование, электротехнические товары, машины, продукты химической промышленности. В оценке перспектив немецкие эксперты были оптимистичны, в то время ожидали рост казахстанского импорта из Германии (на 15-20 %), что связывалось с улучшением финансового положения казахстанских предприятий и стабильным развитием «Секьюритиз оф Казахстан» об оказании консалтинговых услуг для выпуска и размещения на казахстанском рынке дебютных внутренних облигаций РГП «Қазақстан Темір Жолы».

В мае 2000 г. состоялись переговоры с представителями компаний «Эльбгаль Верк Дрезден ГмбХ» и «Дойче Вагонбау ГмбХ», в ходе которых обсуждалось предложение немецкой стороны о создании совместного предприятия по ремонту электромоторов для электропоездов, генераторов для пассажирских поездов и производству запасных частей. Казахстанская сторона предложила создать совместное производство по замене существующих вагонных окон на металлопластиковые. В августе 2000 г. на совещании Комиссии ОСЖД был рассмотрен вопрос о курсировании беспересадочного вагона сообщением «Қарағанда-Кёльн». В конце 2000 г. ДПП «Пассажирские перевозки» подготовлено обращение в правление АО «Дойче Банк». Германские компании («Сименс», «АДТранс») проявляют повышенный интерес к участию в реализации проекта скоростной железной дороги между Астаной и Алматы.

В области телекоммуникаций и международной электросвязи ОАО «Қазахтелеком» сотрудничал с немецкими компаниями «Дойче Телеком» и «Алкатель СЕЛ». В октябре 2000 г. «Сименс» завершил строительство двух сегментов западной ветки Национальной информационной супермагистрали. Строительство Западной ветки волоконно-оптической линии стоимостью 63 млн. ДМ было завершено в июле 2001 г. В 2001 г. был продолжен контракт с компанией «Алкатель СЕЛ» по поставке абонентских портов РСМ для модернизации телекоммуникационных сетей.

Постоянно увеличивалась на казахстанском рынке доля известных германских фирм, производящих полиграфическое оборудование – «Хайдельберг», «Ман Роланд», «Зиглох», «Нагель», «ХГС».

В этот период, чрезвычайно плодотворный для экономической кооперации двух стран, осваивались новые сферы хозяйственного взаимодействия. Сотрудничество в области сельского хозяйства осуществлялось руками компаний «АгрЕво», «БАСФ» и «Байер», которые производили поставки гербицидов и инсектицидов. В Северном Казахстане использовались 150 зерноуборочных комбайнов «Кейс» и 7 комбайнов «Клаас». В рамках технического сотрудничества были реализованы проекты, направленные на поддержку приватизации в сельском хозяйстве. В конце 2002 г. произошло завершение проекта «Поддержка профессионального сотрудничества между сельскохозяйственными вузами и сельскохозяйственными предприятиями в процессе реформирования» (3 млн. ДМ). Немецкие компании выражали также заинтересованность в лизинге, который тогда практически не был развит в Казахстане.

Интенсивный характер стало носить сотрудничество в банковской сфере. В связи с признанием кредитоспособности казахстанских банков «Қазкоммерцбанк», «ТуранАлемБанк» и «Народный сберегательный банк» фе-

Федеральное экспортно-кредитное агентство «Гермес» приступило к страхованию рисков при долгосрочном финансировании проектов через перечисленные банки (всего 125 млн. ДМ). Присутствующие в Казахстане такие крупные банки, как «Дойче банк», «Дрезднербанк» и «Коммерцбанк» активно работают с ведущими казахстанскими банками в сфере консультационных услуг и корреспондентских отношений. Национальной комиссией РК по ценным бумагам подписаны меморандумы о сотрудничестве с АО «Немецкая биржа», Обществом содействия развитию биржевых и финансовых рынков в Центральной и Восточной Европе. Принято решение о привлечении немецких экспертов к разработке закона РК «Об инвестиционных и паевых фондах в РК», при осуществлении тестирования информационных систем ЗАО «Центральный депозитарий ценных бумаг» и ЗАО «Казахстанская фондовая биржа».

Между Казахстаном и Германией происходил и активный туристический обмен, количество посещений составляло около 50 тыс. в год. 160 казахстанских турфирм сотрудничали с немецкими партнерами, 116 из них имели прямые контракты с германскими турфирмами. На немецкие средства осуществлялся образовательный проект «Менеджмент в гостиничном хозяйстве и туристическом секторе».

На протяжении нескольких лет Германский союз охраны природы (NABU) работал на территории Коргалжынского государственного природного биосферного заповедника, который планировалось включить во всемирную сеть «Биосферных резерватов» ЮНЕСКО. При финансовой поддержке NABU был подготовлен пилотный проект по ветроэнергетике в Кургальджинском районе Акмолинской области. В 1999 г. на встрече представителей пяти центральноазиатских государств принято решение об учреждении и размещении в Алматы Центральноазиатского регионального экологического центра.

Таким образом, в 2000 гг. торгово-экономическое сотрудничество развивалось по нарастающей, охватывая все новые отрасли и сферы. Большой потенциал в этом направлении крылся в работе с федеральными землями, что было обусловлено спецификой федерального устройства Германии, дающего большую правовую и экономическую самостоятельность землям. Существенным элементом двустороннего экономического сотрудничества были следующие направления.

Финансовое сотрудничество, которое осуществлялось посредством предоставления льготных кредитов для создания и финансирования инфраструктурных проектов (экономических и социальных). С 1993 по 2001 гг. в Казахстане на стадии реализации находилось девять программ на общую сумму в 135 млн. ДМ. Другое направление – техническое сотрудничество с целью поддержки устойчивого развития населения и организаций в странах-партнерах. Оно осуществлялось в качестве гранта. На стадии реализации находилось 16 проектов на общую сумму в 56 млн. ДМ. Индивидуальное сотрудничество предполагало в основном обучение специалистов и руководящих работников, а также включение в профессиональную деятельность.

Федеральным правительством Германии была разработана программа привлечения к сотрудничеству в области политики развития немецких средних компаний, их филиалов и совместных предприятий в стране-партнере. По поручению федерального министерства экономического сотрудничества и развития отбор проектов и финансирование осуществляло Германское общество содействия инвестициям (DEG).

Важным фактором в развитии двусторонних торгово-экономических отношений являлись кредиты, предоставляемые под страховое покрытие

«Гермеса». Кредиты предоставлялись под гарантию Правительства РК при условии предоплаты 15 % суммы контракта. Однако после отказа Казахстана в 1998 г. от предоставления правительственных гарантий ежегодно выделяемые квоты займов были резко сокращены. С 1998 г. кредиты под страхование «Гермеса» стали выдаваться под гарантии ряда казахстанских банков второго уровня («Казкоммерцбанк», «ТуранАлемБанк» и «Народный банк»). Квота была утверждена в размере 100 млн. ДМ. На кредитном рейтинге Казахстана отрицательно сказывалось наличие просроченных платежей по ранее выданным кредитам под страховое покрытие «Гермеса» (АО «Казакхтелеком» – 7 млн. ДМ).

Помимо этого, ФРГ являлась основным донором в программах многостороннего сотрудничества; в рамках ТАСИС (новое постановление вступило в силу 1 января 2000 г., объем 3,5 млрд. евро), программы ООН («Борьба с опустыниванием»). Таким образом, немецкая доля средств для Казахстана в многостороннем сотрудничестве в период с 1993 по 1997 гг. составила в целом 30,1 млн. ДМ. Но при этом возможности Федерального правительства были во много раз выше.

Таким образом, объем вложенного в казахстанскую экономику германского капитала, включая прямые инвестиции, кредитные линии, финансовое и техническое сотрудничество, составил на конец 2000 г. 1838,4 млн. ДМ, из которых 1032,7 млн. ДМ были освоены. При этом из года в год наблюдалась устойчивая тенденция снижения этих показателей по всем сегментным направлениям. Так, из вложенных в экономику Казахстана 537 млн. ДМ прямых инвестиций на период 1998 г. пришлось 138,5 млн. ДМ, а на 1999 г. – 30,5 млн. ДМ. Объем кредитной линии немецкого страхового общества «Гермес» сократился с 300 млн. ДМ в 1994 г. до 100 млн. ДМ в 1997 г. Объем средств, выделяемых правительством ФРГ в рамках финансового сотрудничества, сократился с 40 млн. ДМ в 1997 г. до 15 млн. ДМ в 1999 г., а по линии технической помощи финансирование сократилось с 13 млн. ДМ в 1993 г. до 4 млн. ДМ в 2000 г.

Итак, с начала нового столетия торговые отношения между Казахстаном и Германией развивались высокими темпами и при значительном положительном сальдо торгового баланса в пользу Республики Казахстан, и все шло к тому, что эта тенденция будет сохраняться. Вместе с тем, на протяжении довольно длительного времени наблюдалось снижение объемов инвестиционного притока немецкого капитала как по государственной линии, так и от частных компаний. Причины такого положения были многообразны: часть носила объективный, а часть – субъективный характер.

Все эти причины сохраняют свое влияние и до настоящего времени. К объективным причинам следует отнести следующие факторы. Центральная Азия, в том числе и Казахстан, не относится к приоритетам германской внешней политики, ориентированной, прежде всего, на Европу; целенаправленные финансовые вливания в новые восточные земли со стороны государственных и частных структур Германии, продиктованные интеграционными процессами внутри страны; отсутствие у немецкой стороны традиций работы в сырьевых отраслях экономики, в нефтегазовом секторе, являющихся в Казахстане наиболее капиталоемкими и привлекательными для иностранных инвесторов. Кроме того, ограниченная емкость казахстанского рынка в целом, а также проблемы с логистикой по причине больших расстояний как внутри страны, так и между Германией и Казахстаном.

К субъективным причинам низкой активности немецкого бизнеса в Казахстане можно отнести общие для иностранных инвесторов проблемы, негативное влияние которых в сочетании с немецким менталитетом и деловым

вым стилем (пунктуальность, исполнительность, ответственность, долгосрочность в отношениях и т. д.) имеет удвоенный эффект: нестабильность законодательства, а также невыполнение данных обязательств, и в первую очередь, со стороны государства; частая смена ответственных за сотрудничество с Германией лиц с казахстанской стороны и неясность в распределении компетенций между ведомствами РК; коррупция, произвол чиновничества, фискальных и контрольных органов, а зачастую и некомпетентность; необязательность казахстанских партнёров, недостаточность предпринимательской этики и правосознания и т. д.; невысокая покупательская способность населения по причине низкого уровня доходов населения; отход внешнеэкономической политики Казахстана от предоставления гарантий по прямым инвестициям, что затормаживает активность малых и средних предприятий (МСП) Германии, не ориентированных на крупные долгосрочные инвестиции без определенных гарантий; отсутствие чёткой концепции развития экономического сотрудничества между Казахстаном и Германией, как в целом, так и в частности, в области МСП.

Кроме того, немецкие предприниматели в Казахстане всегда отмечают и явный недостаток политической поддержки со стороны своего государства для осуществления деятельности на казахстанском рынке.

Ярким примером негативного опыта являлась область финансового и технического сотрудничества Казахстана и Германии. Несвоевременная подача или отсутствие проектов, соответствующих требованиям немецкой стороны, организационные неурядицы (отсутствие в течение длительного времени уполномоченной структуры, имеющей по своему статусу право подписывать соглашения от лица правительства), затягивание ратификации рамочных соглашений о финансовом и техническом сотрудничестве, изменения при определении приоритетности проектов уже после согласования с германской стороной (к примеру, проект реконструкции Шардаринской ГЭС) – всё это ведёт к формированию негативного восприятия Казахстана, стиля работы как отдельных ведомств, так и государства в целом.

Определенный прогресс наметился в начале 2000 г., когда в качестве уполномоченного органа с казахстанской стороны было назначено Министерство экономики РК. Основным органом, координирующим торгово-экономическое сотрудничество между Казахстаном и Германией, являлся Кооперационный совет, созданный в 1992 г. Бездеятельность Кооперационного совета объясняется пассивностью казахстанской стороны, которая неоднократно переносила ранее согласованные сроки заседания, а в последующем вовсе перестала отвечать на обращения немецкой стороны. В этой связи, по инициативе немецкой стороны была создана рабочая группа «Торговля и инвестиции» на экспертном уровне, которая по своим полномочиям и составу участников не могла заменить Кооперационный совет.

К 2002 г. немецкая сторона посчитала нецелесообразным возобновление деятельности Кооперационного совета, который показал свою неэффективность. Аналогичное положение сложилось с подобными структурами, созданными между Германией и другими странами СНГ. Исходя из этого опыта, правительственные структуры Германии пошли по пути учреждения менее формализованных и бюрократизированных структур, в частности, по примеру своих отношений с Россией. Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество между ФРГ и РФ долгое время координировались стратегической рабочей группой, состоящей из небольшого числа участников. С германской стороны в ней представлены как государственные структуры, так и, главным образом, крупнейшие немецкие корпорации и банки.

Другим направлением экономического взаимодействия двух стран была политика поддержки этнических немцев в Казахстане со стороны ФРГ. Сотрудничество между Казахстаном и Германией в поддержке этнических немцев, проживающих в Казахстане, основывается на межправительственном Соглашении о сотрудничестве по поддержке этнических немцев, проживающих в Республике Казахстан (1996 г.), на межправительственных соглашениях о направлении германских преподавателей в школы Республики Казахстан (1996 г.) и частично на Соглашении о культурном сотрудничестве (1994 г.). Координирующим органом по сотрудничеству в этой сфере является казахстанско-германская межправительственная комиссия.

В последние годы нередки случаи возвращения в Казахстан ранее выехавших в ФРГ немцев-переселенцев. Причины возвращения различные. Эти люди оказываются в довольно сложном положении: они распродали собственность и недвижимость в Казахстане при выезде из РК, не пустили корни и в Германии. Некоторые из них депортируются из Германии из-за т. н. неспособности к интеграции в немецкое общество, а по сути дела – из-за языковой дискриминации.

В целом торгово-экономические отношения двух стран носили в 2000 гг. стабильный характер, который был обусловлен как прочно сложившейся структурой номенклатуры взаимно интересных товаров, так и общемировой конъюнктурой. Но события второй половины десятилетия, связанные с резким подъемом цен на энергоносители и осложнившимися отношениями России с Европой по поводу энергоснабжения, заставили Берлин пересмотреть свои взгляды на роль Казахстана во внешнеэкономических приоритетах Германии и ЕС.

Германия неоднократно влияла на формирование общей стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии. В 2000 г. в Берлине был разработан т. н. Стабилизационный пакт для Каспийского моря. В мае 2001 г. в германском МИД был подготовлен т. н. Меморандум Шмиллена, который представлял собой концептуальный взгляд на стратегию Евросоюза в ЦА. И наконец, в 2006-2007 гг. Германия в качестве председателя ЕС взяла на себя миссию сформулировать Европейскую стратегию в регионе.

В конце января 2009 г. состоялся энергетический саммит ЕС. На саммите открыто заговорили о необходимости интенсификации усилий по продвижению проекта Транскаспийского газопровода «Набукко». Согласно этому проекту, среднеазиатский газ должен пойти в Европу через Азербайджан и Турцию в обход России. Свою поддержку проекту уже успела выразить и новая американская администрация. Спекуляции вокруг этого проекта вспыхнули с новой силой на фоне российско-украинского газового конфликта. Немецкие эксперты считали, что через Набукко доставлять газ в Европу будет на 40-50 % дешевле, чем через Южный поток, который Газпром планирует проложить по дну Черного моря.

Исходя из этого, главной стратегической целью Берлина является обеспечение бесперебойной доставки сырья, прежде всего углеводородного, на европейские рынки. При этом Европа хотела бы обеспечить минимальное участие России в его транспортировке и транзите.

Немецкие эксперты исходят из того, что к 2020 г. доля российского экспорта газа в немецкой экономике снизится с 70 % до 40 %. Альтернативой должны стать другие источники, в том числе и Центральная Азия. Эксперты не ожидают кардинального поворота в потоках российского углеводородного экспорта на Восток – в лучшем случае он достигнет четверти всего экспорта. Европа по-прежнему будет доминировать среди потребителей российского/ центральноазиатского энергетического сырья.

Германия для Казахстана является одним из крупнейших торгово-экономических партнеров. В 2009 г. двусторонний товарооборот составил около 3 млрд. евро. Традиционно важнейшие экспортные статьи ФРГ – машины, электротовары, автомобили, медикаменты. Из Казахстана в Германию вывозятся нефть, металлы, химическое сырье. Общий объем немецких инвестиций в отечественную экономику в 2006-2007 гг. достигал уровня 1,8 млрд. долл.

Германия ведет активную экономическую политику в отношении Казахстана. На казахстанском рынке Германия представлена многими авторитетными марками. При участии концерна «Сименс» ведется строительство Национальной информационной супермагистрали. Компания также проявляет интерес к развитию в Казахстане кластерных структур в сфере транспортных путей, газо- и нефтепроводов, применения новых технологий защиты окружающей среды, создания центра по трансферу передовых технологий. Рассматриваются также проекты по строительству нового цементного завода по германской технологии, а также завода по производству кремния, в рамках которого создано совместное предприятие с участием отечественной компании «Баско» и немецкого концерна «Тиссен-Крупп».

Германия также оказывает содействие и в вопросах образования, выразившееся, в частности, в поддержке Казахстанско-Германского университета в Алматы, поддержке обучения казахстанских студентов в вузах Германии. В настоящее время свыше 150 студентов из Казахстана проходят обучение в вузах ФРГ по программе «Болашак». С 1991 г. в Германии прошли обучение свыше 3,5 тысяч казахстанских юношей и девушек.

Важной точкой соприкосновения и связующим звеном между двумя странами стали проживающие в Казахстане этнические немцы. Им пытаются содействовать оба правительства, помогая развитию малого и среднего предпринимательства. Сегодня в нашей стране зарегистрировано более шестисот малых совместных предприятий с участием германского капитала, которые успешно работают в различных отраслях экономики: в торговле, сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, гостиничном и ресторанном бизнесе.

Закреплению и развитию тенденции немало содействовало двустороннее Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанное в сентябре 1992 г. Его практический эффект очевиден. В 2006 г. при общем объеме казахстанских инвестиций за рубеж в размере около 18 млрд. долл. в экономику Германии было инвестировано около 1,3 млрд. Следует отметить инвестиционную деятельность казахстанских институтов развития в сфере технологий на германском рынке. То есть, Казахстан мог бы выступать с финансово-инвестиционной точки зрения не только реципиентом, но и донором.

Понятно, как хочет использовать Германия Казахстан – в первую очередь как поставщика недорогих (относительно) энергоресурсов. Но для нас важен другой вопрос: как мы могли бы использовать наши весьма тесные (по сравнению с другими государствами ЕС и многими странами мира) связи в свою пользу? Встает вопрос о лоббистской активности казахстанского бизнеса в ЕС. Именно наибольший опыт у Казахстана имеется в Германии. Здесь главным объектом нашей лоббистской деятельности является Восточный комитет германской экономики во главе со знаменитым Клаусом Мангольдом. Именно этот комитет объединяет все немецкие фирмы, работающие на постсоветском пространстве.

Инструментом лоббирования является Казахстанско-Германское общество, созданное в 1998 г. Его учредителями (и следовательно, лоббис-

тами казахстанских интересов) являются такие видные политики, как Ганс-Дитрих Геншер (прежде лидер СвДП, бывший вице-канцлер), Гернот Эрлер (видный деятель СДПГ, до недавнего времени – замминистра иностранных дел, член Бундестага) и ряд других политиков помельче. Казахская сторона в разное время использовала с лоббистскими целями такие компании и концерны, как «Дойче банк», «Коммерцбанк», «Дрезднер банк», «Сименс», «Басф», «Алкатель», «АББ», «Пройссаг», «Байер» и совместные предприятия «Казгермунай» (с немецкой стороны – RWE-EEG, Veba Oil) и «Актобе Пройссаг Мунай Лтд.» (Proissag Energy AG).

Подводя итоги, можно сказать, что внешняя политика Германии самым тесным образом связана с европейской. В первую очередь это касается т. н. «восточной политики» (в отношении постсоветского пространства), где Берлин пытается формировать стратегию ЕС и направлять ее. Это относится к отношениям с Россией, Центральной Азией и Казахстаном. Таким образом, отношения между РК и ФРГ непосредственным образом влияют на отношения ЕС-ЦА и стратегию Евросоюза в нашем регионе. Практическая цель ЕС – диверсификация своего нефтегазового импорта путем вовлечения энергетических ресурсов Центральной Азии и Каспийского моря в европейскую энергетическую систему.

В настоящее время между Казахстаном и Германией уже вполне сложились направления для сотрудничества на более высоком уровне на следующих направлениях:

- энергетика, которая включает технологическую и инвестиционную кооперацию, совместную работу по реализации новых коммуникационных проектов, освоение новых рынков;
- инвестиции, развитие взаимных кредитно-банковских услуг, совместные антикризисные меры на основе взаимодополняемости экономик РК и ФРГ; привлечение в экономику РК немецких инвестиций и технологий с целью создания рабочих мест для немецких граждан;
- обеспечение продовольственной безопасности ФРГ и РК, которая включает кооперацию в аграрном секторе, широкое применение немецких технологий, повышение урожайности и производительности в казахстанском сельском хозяйстве, в конечном итоге – превращение Казахстана в важный элемент продовольственного сектора Германии, а последней – в источник инвестиций и инноваций для развития сельского хозяйства РК;
- сотрудничество в сфере высоких технологий – космос, транспортные магистрали, связь и коммуникации – на основе сочетания немецких технологий и географического потенциала, а также природных ресурсов РК;
- продолжение диалога в культурно-гуманитарной сфере (образование, здравоохранение, культурный взаимообмен, гуманитарное и академическое сотрудничество); сотрудничество в политической области (опыт партийного строительства, взаимодействие в парламентской и партийной сфере).

Для реализации данной стратегии необходимо:

- для Казахстана – четкое соблюдение «европейских правил игры» в сфере внутреннего законодательства и международных обязательств (в т. ч. в сфере компетенции ВТО), решительное пресечение коррупции, дальнейшее обеспечение экономической, валютно-финансовой и социальной стабильности;
- для Германии – наличие сильной политической воли, чтобы перешагнуть за рамки традиционной политики, увидеть в Казахстане

новые возможности для своего развития и сотрудничества, объект для приложения собственных технологических и финансовых ресурсов.

В целом для продолжения глубокого диалога и сотрудничества между Казахстаном и Германией для обеих сторон необходимо понимание перспектив дальнейшего развития своих регионов и формирование у Астаны и Берлина четкого осознания геополитического и геоэкономического единства всего Евро-Азиатского континента.

ORAL HISTORY, РАБОТА СО СВИДЕТЕЛЯМИ ВРЕМЕНИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

МАТТИАС КЛИНГЕНБЕРГ

Координатор проектной деятельности по Азиатскому региону
dvv international Бонн (Бонн, Германия)

1. Центральная Азия – это не Африка

Когда после распада Советского Союза первые международные организации отправились в тогда еще далекую и совершенно неизвестную Центральную Азию, чтобы там, в Ташкенте, Бишкеке, Душанбе или Алматы, открыть свои филиалы, многие из них совершили ошибку, свободно перенесли существующие программы развития для так называемого Третьего мира в соотношении 1:1 в новый целевой регион, под лозунгом «что помогает в Африке, Центральной Азии навредить не сможет».

К сожалению, в этом случае они весьма ошибочно оценили специфическую исходную ситуацию постсоветских стран с переходной экономикой. Также и отношения между режимом и населением оценивались неверно, когда рассчитывалось на то, что ввиду катастрофической жизненной ситуации в стране «критическая масса» ожидала активизации извне. То, что, к примеру, именно обедневшее узбекское сельское население имело глубоко укоренившуюся лояльность по отношению к руководству и руководству в принципе, не учитывалось. Как и то, что наше западное понимание демократии и прав человека или *liberté, égalité, fraternité*^[1] в Центральной Азии неизвестно и непонятно.

Поэтому многим проектам не удалось найти такого применения современным западным методам, как *community mobilization, advocacy* или *gender mainstreaming*^[2], чтобы они могли оказать долгосрочное воздействие. Более того, они остались навязанными извне и чужими, ведь они находились в диаметрально противоположно по отношению к привычкам, традициям и ритуалам постсоветских целевых обществ.

Тем не менее, многие (и именно) организации из США пришли к правильному выводу о том, что для устойчивого развития было необходимо прежде всего не материальное (т. е. инфраструктуры в плане намеряющегося развития), а, что скорее, развитие личности и активизация граждан молодых республик должны находиться в центре внимания, что развитие следовало бы стимулировать, так сказать, через этот «обход», через человека и его развитие. К сожалению, им слишком часто не удавалось «достигать» людей непосредственно на местах, в их реальных жизненных ситуациях и мировоззрении и это, что самое интересное, во времена таких парадигм, как *ownership, local partnership* и *grassroots*^[3].

2. История и самосознание: без прошлого нет будущего

Далее автор хотел бы представить ряд проектов «История и самосознание», который, как он считает, вносит важный вклад в развитие гражданско-

[1] Франц. – Свобода, Равенство, Братство

[2] Англ. – Активизация общественности, активная публичная защита, гендерный подход

[3] Англ. – Собственность, партнерство на местном уровне, охват народных масс.

го общества в Центральной Азии и не является «навязанным сверху», а позволяет достигать и брать с собой целевые группы. С помощью так называемых исторических проектов *dvv international* в Центральной Азии он хотел бы показать, каким образом этот подход охватывает целый спектр важных для развития факторов и становится особенно эффективным для постсоветского пространства. Кроме того, автор хотел бы продемонстрировать, что значит правильно внедрять проекты и реализовывать их совместно с партнерами на местах.

Исторические проекты в Центральной Азии, реализуемые *dvv international*, охватывают, по меньшей мере, три большие темы:

- Социальная работа и работа с пожилыми.
- Укрепление гражданского общества, активное гражданское общество и демократизация.
- Работа с историей, образование нации и поиск самосознания.

И во всех трех случаях являются «образованием взрослых».

Исторический проект в Центральной Азии начался с открытия проектного офиса в Ташкенте (Узбекистан) в 2002 г. и продолжается до сегодняшнего дня, даже если и с усовершенствованной расстановкой акцентов. В начале предстояла адаптация методов работы с очевидцами из России, где уже в течение продолжительного времени велась работа с методами, адаптированными, в свою очередь, из Германии. Что на первый взгляд выглядит просто, т. к. со стороны можно предположить, что оба региона, Россия и Центральная Азия, являются идентичными или, по крайней мере, имеют много общего, но при ближайшем рассмотрении таковыми совершенно не являются. Для использования в Узбекистане, где сначала проходили все мероприятия, методы должны были быть интерпретированы, переписаны и «переупакованы». При этом переименование метода «Разговорное кафе» (нем. «Erz hlcaf») в «Разговорную чайхану» (Узбекистан – чайная страна!), представляло собой наименьшее видоизменение. Более того, речь шла о том, чтобы учитывать такие факторы, как менталитет и образ мышления, религия и провинциальность, этническая принадлежность и уровень образования. В 2004 г. в качестве первого шага были обучены модераторы из числа местных жителей. При этом была сделана попытка выбрать «гибридных в плане культуры» людей, которые хорошо знают обе культуры, т. е. местную и ту, которой принадлежат методы и подходы.

Затем, в 2005 г., пять немецких организаций впервые провели в Ташкенте однодневную конференцию с последующими рабочими семинарами на тему «История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии». Каждый организатор, в т. ч. Гете-институт, Германская служба академических обменов, Фонд им. Фридриха Эберта рассматривали главную тему в соответствии со своим профилем. *dvv international* начал проводить совместно с узбекским фондом «Махалля» так называемые разговорные чайханы. При этом идея заключается в том, что пожилые люди, т. е. свидетели времени, собираются в уютной атмосфере за чаем и пловом и под руководством одного из обученных *dvv international* модераторов рассказывают о пережитом, свою собственную историю. Туда также приглашаются представители молодого поколения, которые посредством своих зачастую непривычных вопросов к свидетелям времени придают мероприятию дополнительную динамику и дают импульс диалогу поколений. Каждая чайхана проводится по заранее определенной теме. Темы выбирают сами участники (очень важный аспект!). Зачастую это повседневные темы, например, «Как женились, выходили замуж 30 лет назад» или «Мой первый учитель», но среди них и «большие» исторические события. Как, например, «Наша махалля во времена гласности и перестройки», которые таким образом освещаются по-новому из другой, личной перспективы.

3. Тема: Большое ташкентское землетрясение 1966 года

Для второго проектного года dvv international по согласованию с фондом «Махалля» выбрал из множества рассмотренных в рамках «Разговорной чайханы» тем одну конкретную, которая особым образом затрагивает новейшую историю республики Узбекистан: землетрясение 1966 года, которое практически целиком разрушило исторический Ташкент и почти для каждого из наших свидетелей времени является решающим событием молодости или детства. Более того, восстановление, включая систематическое (!) и повсеместное разрушение старой узбекской части города, превратило Ташкент в образцовый город Советского Союза и изменило жизнь его жителей во многих аспектах – старый, восточный Ташкент был навсегда потерян.

После первых заседаний на эту тему у участников возникло желание собрать подчас впечатляющие воспоминания и опубликовать их в книге. Для этого в 2006 и 2007 гг. dvv international при поддержке нашего проектного бюро в Санкт-Петербурге и российской организации «Общество «Знание» (г. Орёл)

провел два тренинга, с целью обучить участников тому, как записывать свои воспоминания так, чтобы и для третьего лица они были интересными. Это был долгий и трудный процесс, среди всего прочего и из-за многочисленных контролирующих инстанций, которые в принудительном порядке должна пройти публикация в Центральной Азии, и, наконец, в середине 2008 г. книга под названием «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев»^[4] была готова к печати. Публикация содержит не только уже упомянутые рассказы очевидцев, но в ней сделана попытка рассмотреть данное историческое событие во всей его широте. Поэтому она была дополнена статьями сейсмологов, историков и известных узбекских деятелей того времени.

Нетрудно заметить, что в большинстве рассказов книги делается попытка представить само по себе трагическое событие в положительном свете, извлечь из трагедии что-то положительное: рассказ очевидца «Доброта матери» Манзуры О. (род. в 1943 г. в Маргилане (Ферганская долина, Узбекистан), заканчивается констатацией «Единство – великая мудрость»^[5]. Эту фразу автор написала в качестве заключительного предложения, как мо-

[4] Публикацию можно бесплатно приобрести, написав по адресу: info@dvv-international.uz

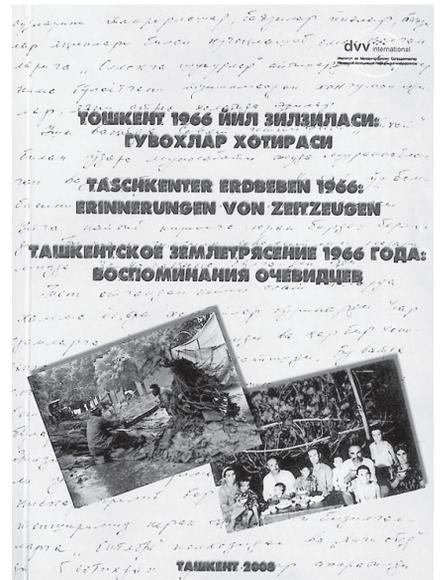
[5] Гюнтер, Клингенберг, Крумм, Риссель (изд.): История и самосознание II: Узбекистан и Германия в 20 веке. Ташкент, 2007. С. 142.

раль, как конечный вывод, который она делает для себя из событий, связанных с землетрясением. Завершил ли бы немец или немка свои воспоминания о подчас самой большой пережитой трагедии также? Стал ли бы он вообще так рассказывать о катастрофе, которая стоила жизни несчетному количеству людей и сделала целый город бездомными? Скорее всего, нет. Манзура в этом отношении не единственная. Аскар Обидов из махали Сузук-Ота в Ташкенте пишет:

«Природная стихия, настигнувшая наших горожан, сплотила людей, научила быть милосердным, отзывчивым, сострадать и помогать друг другу. Она также доказала, насколько великим даром для человека являются мир в стране, здоровье и спокойствие»^[6].

Стремление к гармонии, к балансу, сплоченности и единству развиты в Центральной Азии в высшей степени. К этому добавляются и другие особенности, которые можно было бы отнести к специфическому центральноазиатскому, в данном контексте – узбекскому, менталитету. Выяснилось, что по сравнению со своими немецкими или русскими коллегами, узбекским участникам гораздо менее привычно рассказывать о своей личной истории. В рамках первых проведенных нами «разговорных чайхан» самые пожилые участники постоянно пытались, в соответствии с обществом, ориентированном в духе коллективизма, перейти от собственной истории к «большой истории» или же представить себя в качестве частицы, открывающейся в более широком контексте. Это и для того чтобы получить одобрение от слушающей группы, которая ведь думает так же и отрицательно относится к акцентированию индивидуальности. Конечно же, при этом большую роль играет страх предстать индивидуалистом из-за рассказанных переживаний. Рассказчик в чайхане автоматически делает других слушателями, т. е. он, таким образом, выделяется из массы и хоть и на короткое время своей речью занимает особое положение. Именно для пожилых узбекистанцев из малообразованных слоев это было и является очень сложным моментом и требуется продолжительное время для привыкания, как и помощь специально обученных для этого модераторов. И от слушателей «разговорная чайхана» требует новых навыков, т. к. и слушать нужно сперва научиться. В Узбекистане, как уже упоминалось выше, не принято публично рассказывать о негативных или болезненных событиях, также среди мужчин не принято искренне показывать свои чувства. наших участников было необходимо отдельно подготовить к обращению и с такими проявлениями.

Особенно важную роль в проведенных в России «разговорных кафе» играл диалог поколений, т. е. завязать беседу друг с другом, охватывая поколения, таким образом сокращая взаимные ограничения, избегать конфликтов и учиться друг у друга. Реализация данного момента в Узбекистане складывается до сих пор сложно, создается впечатление, что как раз в данном случае препятствием служат глубоко укоренившиеся традиции и привычки: решающим при этом является традиционная семейная структура во главе со старейшим членом семьи по мужской линии, которая не предусматривает равноправного обмена между поколениями. Только в отдельных случаях нам удалось добиться того, чтобы молодежь задавала свои вопросы открыто, а пожилые слушали без предубеждений. Иногда молодых просто не пускали в чайхану, зачастую молодежь сама не проявляла никакого интереса к участию. Кроме того, проблематично складывается участие жен-

[6] Клингенберг (изд.): Ташкентское землетрясение 1966 года. Воспоминания очевидцев. Ташкент, 2008. С. 129.

щин, которые очень редко бывают в наших «разговорных чайханах» и ведут себя при этом очень сдержанно – и в этом случае традиционное понимание ролей является помехой.

Записывание воспоминаний, будь это всего лишь для одной из многочисленных публикаций проектного бюро или просто только для самого очевидца и его семьи, также складывалось весьма сложно. Письмо, составление текста для наших узбекских очевидцев совершенно не является чем-то самим собой разумеющимся. Многие из них не владеют навыками письма ввиду малообразованности, в отличии, к примеру, от российского пенсионера. После распада Советского Союза для многих из наших участников русский язык стал иностранным языком, т. е. им становится все сложнее изъясняться на немецком. Узбекским же языком, прежде всего письменной речью, многие также не владеют на достаточном уровне, причина чего, среди прочего, может заключаться в том, что за 100 лет алфавит узбекского языка менялся четырежды^[7]. К этому прибавляется вытекающий из советского опыта принципиальный страх выразить и, как в случае «Книги воспоминаний», письменно фиксировать что-то личное, что ведь всегда представляет собой выражение мнения (!). В целом, люди привыкли к тому, чтобы оставаться в неопределенности и не делать конкретных высказываний. И по истечению пятнадцати лет после провозглашения независимости эта привычка лишь очень медленно исчезает из жизни узбеков. Более того, узбекская вежливость подразумевает никого не обижать своими высказываниями; слишком личное не соответствует ожидаемому, не может быть проконтролировано на 100 % и поэтому избегается. Оба фактора приводят в результате к тому, что в общем и целом говорят и пишут то, что ожидается от человека, а не то, что ему, возможно, не дает покоя.

Другое решающее различие по отношению к реализации проекта в России заключается в отсутствующей конфликтной линии в Узбекистане: основным моментом исторического проекта в России было рассмотрение опыта мировой войны и попытка примирения с бывшими противниками – немцами. Для этого в России проводились встречи между немецкими и российскими ветеранами войны. Аспект примирения не имеет для Узбекистана столь высокой актуальности. Разумеется, и здесь есть бывшие красноармейцы, тем не менее, эта тема играет в повседневной жизни узбеков второстепенную роль, прежде всего потому, что территорию современного Узбекистана напрямую не затрагивали военные действия. В наших узбекских «разговорных чайханах» темы более «маленькие» и «более домашние»: в своем диапазоне они, за некоторыми исключениями, остаются местными или, в крайнем случае, «советского» содержания, как, например, наша «разговорная чайхана» на тему «Гласность и перестройка».

4. «История и региональная интеграция» – конференция и проектная неделя 2008

Всего в Ташкенте состоялись четыре совместные конференции на тему «История и самосознание». В 2008 г. рассматривалась тема «История и региональная интеграция». Тема, которая не сразу наводит на мысли об «образовании взрослых», а скорее носит научно-политический характер. Однако, чтобы в будущем достичь успеха в региональном масштабе, требуется не только воля к сотрудничеству властвующих, но и понимание и готовность к мирному сосуществованию местного населения. Здесь вступает в действие и делает свой вклад «образование взрослых». Сле-

[7] В начале XX в. узбекский язык использовал арабский алфавит, затем латинский, потом кириллицу и после обретения независимости снова латинский. В настоящее время в повседневном использовании вновь наблюдается возвращение к кириллице.

дуя этому убеждению, dvv international пригласил в Ташкент 20 пожилых людей со всей Центральной Азии, интересующихся историей, чтобы впервые провести региональную «чайхану». Точкой соприкосновения было общее до 1991 г. прошлое, как составляющая СССР, и, разумеется, желание узнать больше о жизни в соседней стране, т. е. в новом зарубежье. Таким образом, вначале темы вращались вокруг общего прошлого и по-прежнему поразительных для многих участников различий современности. Люди пытались найти во всем общее, не говорили ничего политического, предаваясь надеждам на то, что в будущем все, в том числе и в плане мирного сосуществования в регионе, будет хорошо и лучше. Т. е. «Центрально-азиатская гармония» в чистом виде, пока (совершенно неожиданно) не поднялся пожилой активист махалля и не попросил микрофон. Он сказал, что не уверен, подходящий ли сейчас момент для его небольшой речи и есть ли у него право рассказывать здесь о таком личном, к тому же о том, что случилось так давно, но он ощущает внутреннюю потребность в этом. Его родители подверглись сталинским репрессиям. Он вырос без родителей, в детском доме, и с ним из-за этого обращались как с человеком второго сорта. Молчание. Все внезапно притихли, прислушиваясь, как заколдованные, к прерываемым слезами словам говорящего... Теперь становится понятно, какие скрытые трагедии витают здесь в воздухе, в этой стране, в этом регионе, где уже детей учат не показывать чувств и не высказывать противоположных мнений. Сейчас происходит не то, чего, может быть, ожидали. Другие участники не встают, чтобы рассказать свои истории, и не пытаются обсудить только что услышанное. Но возникает такая редкая атмосфера искреннего участия и восхищения рассказчиком. Активист махалля бодро благодарит за уделенное ему внимание, вытирает две-три слезы со щеки, садится и снова включается в общество чайханы. Это описано «литературно-подробно» для того, чтобы на примере показать, какие подчас реакции могут вызвать эти, кажущиеся на первый взгляд простыми, проектные подходы. Как сообщил автору после мероприятия активист махалля, он впервые в жизни рассказывал о активист своей молодости.

Также успешно прошло мероприятие в «Республиканском театре юного зрителя», организованное в последний день трехдневной проектной недели. Идея провести этот театральный вечер возникла совершенно без всякого «вмешательства извне», во время встречи очевидцев по подготовке книги воспоминаний о землетрясении, и dvv international всего лишь оказал в этом поддержку и курирование. Под названием «Ташкентское землетрясение 26 апреля 1966 года. Воспоминания очевидцев» была осуществлена драматургическая обработка рассказов свидетелей времени. Показ оригинального фильма и фотоснимков на фоне известных песен того времени. Последующая возможность свободного обмена мнениями была активно и неожиданно эффективно использована участниками. В частности, вместе с актерами театра выступил Рустам Сагдуллаев, считавшийся умершим (ташкентский исполнитель главной роли в узбекско-советском фильме «Нежность»), и запустил процесс воспоминаний у зрителей. Воспоминаний и о том, что фильм «Нежность» до сегодняшнего дня так и не был показан в Узбекистане.

Тренинг для модераторов, участвующих в историческом проекте, проведенный Ваней Ивановой (dvv international Болгария), завершил конференцию и проектную неделю. В рамках этого тренинга, под названием «Oral History как инструмент для лучшего взаимопонимания на Балканах», был представлен метод работы с историей в рамках преодоления конфликтов и примирения на Балканах.

5. Исторические проекты в Казахстане и в Кыргызской Республике

Именно ежегодные конференции, на которые всегда приглашали и партнеров из других центральноазиатских стран и соседних регионов, стали вкладом в «экспортирование» идеи проекта из Узбекистана. Таким образом, в 2006 г. впервые при сотрудничестве с Гете-институтом Алматы, Фондом им. Ф. Эберта и Академией государственного управления при Президенте РК состоялась конференция на тему «Миграция и национальное самосознание» в столице Казахстана. Как можно было заметить по реакциям участников конференции, которые варьировались от «нам обязательно нужны такие проекты здесь в Казахстане» до «зачем нужно заниматься пожилыми людьми, ведь от этого никакой пользы», это совершенно новая тема. Поездка в находящийся в 20 км сталинский лагерь «Алжир», в котором в 30-40 гг. содержались дети и жены осужденных врагов народа из советской столицы, убедила большинство участников в целесообразности рассмотрения истории и в Казахстане. Спонтанно возникла идея создания совместного российско-центральноазиатского проекта по облагораживанию памятных мест при содействии очевидцев и методов устной истории. Опыт Германии в обращении с остатками лагерей национал-социализма в данном случае мог бы оказаться полезным, т. к. многие лагеря, расположенные на территории бывшего Советского Союза, если их вообще на сегодняшний день можно распознать как таковые, нуждаются в хорошей музейной обработке.

Это также относится к памятному месту Ата Бейит^[8] в Кыргызстане (вблизи столицы – г. Бишкек), где в конце 1930-х гг. были казнены 136 мнимых врагов народа, среди них и отец недавно скончавшегося кыргызского писателя Чингиза Айтматова^[9]. Простое памятное место, состоящее из гравированных каменных плит, барака-музея и самой братской могилы, оставляют посетителя скорее в растерянности. Находящаяся поблизости казарма, используемая сегодня Национальной гвардией Президента, с одной стороны, значительно искажает характер памятного места и, с другой стороны, препятствует адекватной музейной обработке, т. к. здание, в котором приговоры приводились в исполнение, до сегодняшнего дня используется в качестве общежития для солдат и остается, таким образом, недоступным для общестественности.

Настоящего общественного восприятия этих исторических событий, не говоря уже об их обработке, в Кыргызской Республике до сегодняшнего дня не наблюдается, или же наблюдается недостаточно. Наш партнер, Кыргызская ассоциация образования взрослых,^[10] сеть из 14 центров образования взрослых, расположенных по всей стране, осуществляет исторические проекты с 2007 г. При этом в рамках различных форматов рассматриваются, среди прочего, и вышеназванные сталинские преступления. Книга кыргызстанской журналистки Регины Хелимской «Тайна Чон Таша»,^[11] в которой были раскрыты и впервые публично рассмотрены расстрелы в Ата Бейит, использовалась здесь в качестве вводного материала. Будущий проект по работе на памятных местах, как автор дал понять выше, будет включать в себя сотрудничество с ней.

6. Узбекистан: три новые темы для 2009-2011 гг.

Тема сталинских репрессий была принята на рассмотрение dvv international с осторожностью, несмотря на то, что интерес именно к этим

[8] Кирг. – «могила наших отцов».

[9] Сам Чингиз Айтматов, который умер 10 июня 2008 года в Нюрнберге, был погребен также в Ата Бейит, рядом с могилой своего отца.

[10] Более подробная информация: http://www.nst.dvv-international.uz/contacts_kaov.html

[11] Хелимская Регина: Тайна Чон Таша. Бишкек, 1994 г.

травматическим и проникшим глубоко в душу населения повреждениям, конечно же, весьма велик. Как представительство иностранной организации, мы боялись слишком далеко зайти на сомнительную территорию. Тем более, что отношение современного режима Центральной Азии к собственному советскому прошлому в целом, и к эпохе Сталина в частности, показалось нам весьма неясным, если не сказать непрозрачным. И все же многие правительства и их руководителей следует рассматривать в контексте преемственности, преемственности не только кадров, но и государств в целом. Поэтому еще большей неожиданностью оказалась новость о том, что наше сотрудничество с Государственным музеем истории г. Коканда было санкционировано без всяких проблем. В эту общую картину вписывается и открытие Музея памяти жертв репрессий в Ташкенте, который представляет собой, по меньшей мере, первый шаг к рассмотрению истории. Разумеется, нельзя не заметить, что тема сталинского террора вновь и вновь используется и как политический инструмент: так как в зависимости от актуальной «макросиноптической ситуации» в регионе Узбекистан толкует советскую эпоху на своей территории то в качестве «колониального угнетения», то в качестве «золотого века прогресса». Соответственно, и тема репрессий снова и снова рассматривается по-иному или умалчивается.

В сознании людей, которые даже больше не принадлежат к непосредственно затронутому поколению, эта тема необычным образом присутствует, как показывает и приведенный выше пример из ташкентской «разговорной чайханы». В Коканде на мероприятие с участием представителей молодого поколения планируется пригласить, единственного живого, пожалуй, очевидца, предоставить ему слово и обсудить рассказанное им с участниками. Сам проект по усмотрению местных инициаторов будет называться «Дети репрессированных Коканда», в рамках которого будет рассматриваться и передаваться будущим поколениям опыт дискриминации, обособления и стигматизации детей и близких родственников, так называемых врагов народа.

Другой проект по истории, реализация которого запланирована в 3-летней проектной фазе в 2009-2011 гг., рассматривает другую часть советского прошлого Узбекистана, в этот раз не в Ферганской долине, а в Аральском регионе, который относится к автономной Республике Каракалпакстан^[12]. В будущем в рамках проекта под названием «Дети Арала» dvv international намеревается совместно со своим давнишним партнером ННО «Золотое наследие Арала» рассмотреть катастрофу Арала из перспективы очевидца: жители Муйнака вспоминают о воде, когда она еще заполняла гавань города, и как она медленно исчезала, и о времени потом – без воды.

Данный проект должен наглядно показать, что каждое историческое событие имеет личное измерение и определяет судьбу личности, что личные судьбы в совокупности, в свою очередь, превращают это событие в историю, а в идеальном случае и формируют, определяют ее на протяжении длительного восприятия, что история не просто «составляется» сверху, как это слишком часто происходит. Таким образом, проект внесет свой вклад в более осознанное обращение с прошлым в процессе определения самосознания.

Особенно необычной кажется третья тема «Гибель футбольной команды «Пахтакор» в авиакатастрофе 11 августа 1979 года»^[13]. Так же как и землетрясение 1966 г. в Ташкенте, авиакатастрофа и гибель всей команды ташкентских игроков первой лиги относится к самым запомнившим-

[12] Входящая в состав Узбекистана де-факто формально автономная республика площадью в 160 000 кв. км. Этническая группа каракалпаков, прежде всего в языковом аспекте, ближе к казахской культуре, нежели к узбекской. Регион сильно страдает из-за высыхания Аральского моря и его последствий (например, засоление). См. также – <http://karakalpak.homestead.com> и/или <http://en.wikipedia.org/wiki/Karakalpakstan>

[13] См. – <http://www.ferghana.ru/article.php?id=3078>

ся моментам XX в. в Узбекистане. Прежде всего, многочисленные спекуляции, предположения и теории заговора, которые вьются вокруг несчастья, сохраняют это воспоминание в живых и по сей день. Самолет находился на пути в Минск, где команда должна была участвовать в игре на чужом поле против футбольного клуба «Динамо» и имела хорошие шансы выиграть Чемпионат СССР; над украинским городом Днепродзержинск Ту-134а столкнулся с другим рейсовым самолетом, который также направлялся в Минск. Все пассажиры обоих машин, всего 172 человека, погибли. Трагедия глубоко отпечаталась в коллективном сознании узбекистанцев.

Все три темы значительно увеличат «район охвата» прежних исторических проектов, новые темы и зацепки достигнут новые целевые группы, и именно за пределами столицы, и одновременно дадут возможность уже опытным партнерам и участникам опробовать изученное в ином контексте.

7. Создать центральноазиатский портал свидетелей времени

Что является или могло бы быть долгосрочной перспективой этих проектов по истории? На уже упомянутой конференции «История и региональная интеграция» в мае 2008 г. в Национальном университете им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент) автор представил вниманию публики идею региональной сети по oral history под названием «Выявить общее, преодолеть разделяющее: работа со свидетелями времени как предпосылка регионального подхода в Центральной Азии»,^[14] ссылаясь как с технической, так и с методической точки зрения на портал очевидцев «eines tages»^[15] (нем. «однажды» – прим. переводчика) немецкого информационно-политического журнала «DER SPIEGEL». Этот интерактивный веб-сайт предоставляет свидетелям времени возможность сделать свои воспоминания и пережитое доступными для широкой общественности. Идея заключается в том, чтобы создать аналогичный портал с региональным подходом для очевидцев из Центральной Азии. Ее можно было бы развить на основе Интернет с помощью региональной сети по oral history, которая, если рассмотреть радиус действия проектов по истории, финансируемых dvv international, де-факто уже существует. Таким образом, работа очевидцами могла бы помочь выявить общее и преодолеть разделяющее. Это является неотъемлемым подходом для региона, который, с одной стороны, может выжить только сообщца (см. к примеру, проблемы водоснабжения в Центральной Азии), а с другой – целиком погружен в разногласия.

В подобной ситуации, ситуации скрытого конфликта в той или иной степени между всеми государствами, может оказаться только полезным начать диалог на мнимые неполитические и менее проблемные темы.

Датский философ и теолог Зёрен Киркегаард когда-то сказал: «Хотя жизнь и проживается вперед, осмысливается она лишь в обратном направлении»^[16].

Если dvv international может посредством своих проектов по истории способствовать этому осмыслению и мотивировать людей на более сознательное отношение к этому осмыслению, то эти мероприятия достигли своей цели и вносят, таким образом, свой вклад в более успешное образование национальных государств и региональную интеграцию (не только в Центральной Азии).

[14] Маттиас Клинггенберг. Новые возможности работы со свидетелями времени в Германии, основанные на Интернете, на примере онлайн-портала einestages.de информационно-политического журнала «Der SPIEGEL», в: Бомсдорф, Гюнтер, Хусснер, Иномзюнов, Клинггенберг, Лапинс (Изд.): История и самосознание IV: региональная интеграция и история. Ташкент, 2008. С. 142 и далее

[15] Ср.: <http://einestages.spiegel.de/page/Home.html>.

[16] Зёрен Киркегаард: Дневники 1834-1855, Мюнхен, 1949.

**An advanced research workshop under the title
Contemporary suicide terrorism in an Islamic world:
origins, trends, ways of tackling, financed by NATO
will take place in Astana 23-26 of September.
ENU L.N. Gumilev is the local organizer of the event.**

The main goals of the seminar are:

Analyze suicide terrorism as one of the most dangerous kinds of Jihadist terrorism in social, organizational and individual level

Conceptualize suicide terrorism as a new challenge which introduces important changes in the international security environment and requests new responses and reactions

Contextualize suicide terrorism as important factor which is in conditions to impact national decision making

Identify the set of conditions – social, political, cultural, economic - under which suicide terrorism is more likely to happen

Identify and analyze the structure of organizational and individual motivation on organizational and individual level paying also attention to the ways of generation of public support for it

Evaluate the role of gender in the suicide terrorist choice

Design, on the basis of the above mentioned research, public policies that would reduce the danger of suicide terrorism

Design, on the basis of the above mentioned research, a set of institutional approaches that would contribute to the tackling with suicide terrorism

Design, on the above mentioned research, the main directions of the cooperation between institutions, civil society and academia (nationally and internationally) in dealing with suicide terrorism foster closer collaboration between researchers from member states and partner countries. Contribute towards formulation of an advanced research agenda, including comprehensive comparative and interdisciplinary studies.

Researchers from several countries from EU, Central Asia, North America and Mediterranean will take part in it.

Our journals will publish summaries of the presentation.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В СТРУКТУРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И МЕСТО ГЕРМАНИИ: ОПЫТ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

МОВКЕБАЕВА ГАЛИЯ АХМЕТВАЛИЕВНА

Доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Актуальность изучения опыта внешнеполитической стратегии Европейского союза определяется необходимостью разработки научно обоснованной стратегии, выбора геополитического и геоэкономического вектора развития Республики Казахстан в условиях региональной интеграции и глобализации.

Реализация указанных возможностей обуславливает необходимость максимально учитывать стратегию ЕС по Центральной Азии в расширении и углублении отношений со странами ЕС и с его наднациональными органами, формирующими внешнеполитическую стратегию Европейского союза.

В условиях возрастающего сетевого характера международных связей все большее значение приобретает изучение внешней политики отдельных национальных государств и региональных организаций. Внешняя политика, политика безопасности и политика обороны образуют триаду важных сфер политики, в которой акторы мировой политики соизмеряют себя с окружающим миром, международной системой. Несмотря на все усиливающуюся эрозию государственного суверенитета в условиях региональной интеграции и глобальной взаимозависимости, государства, а точнее их правительства, остаются решающими акторами, существенно влияющими на международную систему.

В политических исследованиях внешняя политика рассматривается в качестве прерогативы национального государства. Даже в такой высоко интегрированной организации как ЕС общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) регулируется интергаверменталистски (на межправительственном уровне). В Европейском конституционном договоре 2007 г. была предпринята попытка изменить данный структурный принцип посредством изменения процедуры голосования и созданием поста министра внешних сношений ЕС с его европейской внешнеполитической службой.

Ответственность и сферы внешней политики разделены, как и прежде, между различными уровнями: между государствами-участниками с их национальными внешними политиками и Союзом; между Советом и комиссией; и наконец, между опорами ЕС – первой опорой (политика внешней торговли и политика помощи развивающимся странам со 128 делегациями ЕС в 123 странах, а также в международных организациях, как ВТО или ОЭС), второй опорой (собственно ОВПБ) и третьей опорой (внутренняя безопасность). В зависимости от определенного поля политики, третьи государства взаимодействуют с комиссией, президентом Совета, «Высоким представите-

лем ОВПБ» либо Европейским центральным банком, которые вырабатывают и предлагают свои позиции на основе права ЕС.

В Конституционном договоре 2007 г. впервые была предпринята попытка сделать более сплоченной и транспарентной дифференцированную сеть внешнеполитических отношений Евросоюза с целью качественного изменения ЕС как международного актора и трансформирования существующей громоздкой структуры опор.

Лиссабонский договор, вступивший в силу в декабре 2009 г., внес поправки в структуру внешней политики – вводится должность председателя Европейского Совета, который избирается главами государств и правительств сроком на 2,5 года с возможностью переизбрания один раз [1]. (С 1 января 2010 г. эта должность принадлежит Херману Ван Ромпею). Должность Верховного представителя по международным делам и политике безопасности, которая объединила полномочия Верховного представителя по общей внешней политике и безопасности (Хавьер Солана) и Европейского комиссара по внешним связям и политике европейского соседства (Бенита Ферреро-Вальднер) заняла Кэтрин Эштон.

Внешняя политика в Европе актуализирует проблему множества акторов. Такого рода анализ предполагает необходимость рассмотрения не только отношения членов ЕС друг с другом, государств к Союзу и Союза к государствам, но и роли, которая отводится некоторым государствам, в частности Германии, в формировании европейской внешней политики. Данная проблема до последнего времени не была столь острой вследствие того, что внешняя политика Европейского союза не относилась к самостоятельной сфере политики, а представляла собой процесс объединения политики и действий государств-членов по отношению к внешнему миру.

Внешиполитические подходы ФРГ оказывали определяющее влияние на институциональное развитие и нормативное правовое обеспечение интеграционной стратегии ЕС в сфере ОВПБ ЕС, в частности на возможность перехода межгосударственного сотрудничества в данной сфере на наднациональный уровень. Ключевые параметры внешней политики ФРГ – многосторонний подход, сдержанность, транспарентность, открытый диалог. Германское общественное мнение всегда базировалось на том, что национальные интересы Германии адекватны совокупным интересам ЕС. Национальные интересы Германии играли определенную роль в выработке внешнеполитических стратегий относительно формирования «европейской идентичности» в сфере внешней политики и политики безопасности, и до сих пор оказывают существенное влияние на внутреннюю динамику всего процесса развития ОВПБ ЕС.

В рамках ООН, ЕС, ОБСЕ и НАТО Германия следует «сетевому» характеру внешней и оборонной политики, направленной на предотвращение и урегулирование внутри- и межгосударственных конфликтов, борьбу с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ).

Канцлер Меркель считает, что более согласованная европейская внешняя политика и политика безопасности и обороны позволят Германии и Европе стать более эффективными трансатлантическими партнерами Соединенных Штатов Америки.

Позиция Германии по военно-политической роли Европейского союза занимала среднее положение между европоцентристской и атлантической. Так как в рамках Североатлантического альянса ФРГ выступала в качестве верного союзника США на континенте, а в рамках Европейского союза Германия являлась неизменным партнером Франции в создании ОВПБ ЕС.

ФРГ выступала за создание собственного военного измерения ЕС, но не конкурирующего, а дополняющего Североатлантический альянс.

В изменившихся геополитических условиях в центре германской внешней политики будут оставаться и проблемы европейской интеграции и трансатлантическое сотрудничество. Но сегодня Германия менее склонна пренебрегать своими собственными национальными интересами ради дальнейшего процесса европейской интеграции. Э. Фон Кледен, спикер фракции ХСС/ХДС по вопросам внешней политики, отвечая на вопросы журнала «Интернационале политик», называет наряду с приоритетами – европейской интеграцией, трансатлантическими отношениями, решением проблем безопасности: Афганистан, Иран, Ближний Восток – важными для германской внешней политики следующие цели: дальнейшее развитие политики безопасности (сетевая безопасность, улучшение координации политики безопасности, новая концепция НАТО, нераспространение ОМУ), активная европейская политика соседства и стабильные отношения с Россией, а также защита климата и энергетическая безопасность [2].

В начале XXI в. Германия стала активным игроком в глобальной дипломатии. Германия должна взять на себя больше ответственности за задачи, связанные с новыми вызовами безопасности, которые сегодня выходят за границы классических представлений территориальной обороны и требуют активного участия в коллективной обороне в соответствии с международными обязательствами. Бесспорно, от Германии сейчас во многом зависит будущее Евросоюза. «Из-за ее размеров, расположения и истории у Германии особая роль в этой уникальной структуре – быть зажатой между национальными и общеевропейскими интересами, – полагает бывший министр иностранных дел ФРГ Йюшка Фишер. – Если Германия больше не будет действовать как движущая сила интеграции, то и сама европейская интеграция уйдет в прошлое».

Как своеобразный общественно-политический конгломерат, Европейский союз выступает в разнообразных сферах политики как самостоятельно действующий субъект международной системы; поддерживает тесные политические, экономические, социальные и культурные отношения как с государствами, так и с международными организациями; воздействует решающим образом на мировое политическое развитие.

Долгое время прослеживалась недостаточность генерирования общей политической воли в рамках ОВПБ, что находит отражение в отсутствии соответствующих документов. Причиной тому может служить историческое прошлое 27 государств-участников с различной идентичностью, когда эти государства были конкурентами и противниками. Речь идет не только о вопросе, насколько нынешние структуры вообще пригодны для урегулирования кризисов, а скорее о том, насколько различные культуры сообщества покажут способность к диалогу или будут блокировать дееспособность ЕС.

Когда главы государств и правительств стран-членов ЕС одобрили Европейскую стратегию безопасности (ЕСБ), в декабре 2003 г. – документ из 21 страницы, подготовленной Хавьером Соланой и его Политическим отделом в Генеральном секретариате Совета, он должен был стать исходным пунктом для развития подлинной европейской стратегической культуры [3].

Впервые ЕС опубликовала основной документ, в котором определены основные угрозы и вызовы европейской стабильности и безопасности, а также ответы и решения в борьбе с выявленными рисками, и было представлено долгосрочное видение «более безопасной Европы в лучшем мире».

Новая стратегия безопасности ЕС заявляет о том, что ЕС должен взять на себя свою долю ответственности за обеспечение безопасности в общепланетарном масштабе [4].

Обычно стратегии должны содержать следующие элементы:

- изложение целей и радиус действия;
- дефиниции специальных проблем и рисков, которые должны быть преодолены с помощью данной стратегии;
- формулирование целей – долгосрочные стратегические цели в смысле стремления к конечному состоянию, а также краткосрочные и среднесрочные цели и критерии, с помощью которых можно измерить успехи на пути достижения долгосрочных целей;
- изложение необходимых ресурсов, инструментов и методов реализации стратегии;
- упорядочение и распределение организационных ролей, компетентности и механизмов координации;
- интеграция стратегии в другие политики.

Европейскую стратегию безопасности нельзя интерпретировать как конкретный план действий или политическое руководство для Союза, скорее она представляет собой основу для становления формирования стратегической идентичности и будущего единения Европы.

Следует признать, что и в будущем окончательный контроль внешнеполитических действий государств-членов со стороны Союза будет подвергаться влиянию факторов политического и экономического свойства. В расширенном Союзе принятие политико-стратегических решений будет неизбежно осложниться внутренним развитием Союза, которое характеризуется его стремлением к улучшению экономической конкурентоспособности в глобальных мирохозяйственных связях.

По своему внутреннему содержанию Европейская стратегия безопасности отвечает потребности государств-членов в формировании механизма выработки совместных решений и координации действий по широкому спектру внешнеполитических, социально-экономических, экологических, гуманитарных вопросов на основе принципов международного права и многосторонности.

В целом, ЕСБ не является стратегией в полном смысле этого слова. Ее задачей является не только определять дефиниции безопасности и границы активных действий Евросоюза, но и артикулировать собственные внешнеполитические позиции по поводу инструментов и критериев обеспечения безопасности в значимом для ЕС пространстве.

Значение стратегии состоит в том, что она создает фундаментальную основу для последующих стратегий и концептов. Очевидно, что ЕС представляет собой не только гражданскую власть, он готов взять на себя ответственность и при решении сложных кризисных ситуаций с использованием всех имеющихся в распоряжении средств, как гражданских, так и военных. Обеспечение безопасности, как на глобальном, так и на региональном уровнях, является ключевой проблемой всей системы международных отношений.

Однако влияние ЕС на мировую политику в целом больше зависит от отношений институтов Евросоюза с отдаленными регионами. Стратегии определяют географические регионы имплементации ОВПБ ЕС и средства ее осуществления относительно этих регионов в контексте национальных интересов ведущих государств ЕС. Как единая структура, ЕС пытается участвовать в решении международных проблем, выходящих за рамки традиционной ответственности Европы. ЕС развивает всеобъемлющие стратегии в своем межрегиональном сотрудничестве, объединяя свои действия в отношении третьих стран и регионов либо в «стратегии», либо в «стратегическое партнерство» (стратегии ЕС в отношении Латинской Америки, Африки, Китая и т. д.). Тем самым ЕС претендует на проведение в глобальном мас-

штабе целенаправленной и внутренне согласованной внешней политики. Эти приоритеты с усилением «эффективного мультилатерализма» утверждены в ЕСБ европейской стратегии безопасности как глобальный принцип организации. Тем самым ЕС претендует на проведение в глобальном масштабе целенаправленной и внутренне согласованной внешней политики. Эти приоритеты с усилением «эффективного мультилатерализма» утверждены в ЕСБ европейской стратегии безопасности как глобальный принцип организации.

Отстаивая и продвигая свои частные приоритеты, отдельные страны ЕС могут опираться на консолидированную мощь всего интеграционного объединения и часто этим пользуются. Одной из самых больших проблем в ЕС является отсутствие единой и согласованной картины геополитического восприятия. Отчасти это объясняется и разными политическими подходами к роли ЕС, а также различиями в национальных внешнеполитических приоритетах. Любопытно, как национальная политическая культура и национальная история до сих пор оказывают сильное влияние на геополитику государств-членов. Франция в качестве ключевого пространства Европы рассматривает регион Средиземноморья, а Германия традиционно тяготеет к Восточной и Юго-Восточной Европе. Отношение восточноевропейских стран-членов к России также сильно обусловлено наследием недавнего прошлого – вопрос о размещении системы ПРО (противоракетной обороны) в Чехии и Польше был показателен в этом отношении, равно как и недавние споры по поводу энергетической безопасности.

Среди группы приоритетных географических регионов сферы приложения ОВПБ ведущее положение заняла периферия Европейского союза, развившаяся, в первую очередь, в стратегии «восточного партнерства». (Германия была решительной сторонницей восточного расширения ЕС после окончания «холодной войны»). В отношении данного регионального объекта ЕС поставил перед собой цель «экспорта стабильности» с использованием широкого спектра военных и невоенных средств, направленных на проведение миротворческих операций преимущественно нижнего и среднего уровня интенсивности. Сегодня канцлер Меркель выступает за более жесткие требования для новых членов, и выдвигает предложения альтернативы полному членству в ЕС, особенно для Турции.

Усиление внимания Евросоюза к государствам Центральной Азии и подготовка их к сотрудничеству с ЕС в формате соседства – заслуга, прежде всего, Германии. В период своего председательства в ЕС в первом полугодии 2007 г. Германия инициировала процесс существенного укрепления европейской политики соседства и предприняла конкретные шаги по дальнейшей активизации сотрудничества между странами ЕС и СНГ. Известно, что ФРГ сыграла заметную роль в том, чтобы председателем ОБСЕ в 2010 г. стал Казахстан, несмотря на серьезные возражения некоторых стран-участниц ОБСЕ.

Европейская стратегия безопасности, являясь важным документом, свидетельствует о стремлении государств-членов Европейского союза к консенсусу в вопросах международного сотрудничества, но не учитывает в достаточной мере некоторые факторы дипломатического и политического характера, оперативные критерии и принципы безопасности.

Важным является и то, что ЕСБ не хватает приоритетности основных целей и четкости в определении средств в отношении конкретных задач. Поэтому эксперты и политики призывают к пересмотру ЕСБ, поскольку текст не отражает реальность современных международных отношений. Цели и средства, предусмотренные в документе, являются слишком абстрактными и оставляют много возможностей для толкования. Некоторые из этих аспек-

тов безопасности полностью отсутствуют в этом документе. Несмотря на то, что последствия изменения климата и энергетической зависимости в стратегии упоминаются, однако не входят в число угроз безопасности ЕС. То же самое относится к другим проблемам международных отношений: эпидемии, нищета, экологическая деградация и др. Таким образом, некоторые из проблем, представляющие риски для людей и государств, не отражены в полной мере в основном документе по безопасности ЕС.

Реальная проблема, требующая рассмотрения – это не содержание ЕСБ, а то, в какой мере она будет развивать чувство стратегической культуры, партнерства и диалога между государствами-членами ЕС. Чего же ожидают государства-члены и международные партнеры от данной стратегии?

«Если Европейский союз хочет выступать в качестве глобального игрока в мировой политике, он должен проводить более активную и более согласованную внешнюю политику и политику в области безопасности, создать соответствующий его мировой роли военный и политический потенциал, быть способным к проведению операций различного типа, в том числе силовых, за пределами своих географических границ» [5].

Пересмотр ЕСБ 2003 г. не стоит рассматривать как попытку ее оптимизации в целях улучшения. В новой стратегии безопасности должен быть систематизирован накопленный в ЕС опыт институционального строительства и последних реформ для разработки более амбициозных стратегий, включающих общие принципы, приоритеты, оперативные концепции и планы действий.

В целом необходимо выделить следующие причины принятия новой стратегии безопасности в Европе:

1. Определение и модификация «сценария угроз», с которыми сталкивается ЕС в условиях изменения международной ситуации, новых тенденций в европейском мышлении и новой парадигмы безопасности.
2. Стремление сделать стратегию более гибкой и увеличить срок действия мандата ЕС на урегулирование конфликтных ситуаций, включая продолжительность деятельности соответствующих миссий.
3. Необходимость диверсификации внешнеполитических приоритетов в целях оптимизации использования своих ресурсов.
4. Переоценка многостороннего подхода, который не должен являться самоцелью, а быть внешнеполитическим инструментом.
5. Совместными усилиями с учетом накопленного опыта государства-члены ЕС должны укрепить свои оперативные возможности, разработать руководящие принципы, механизмы проведения гражданских и военных операций.

Несомненно, Европейский союз обязан защищать своих граждан, предусматривать основные угрозы, которые могут возникнуть для безопасности населения стран ЕС. Однако основной задачей ЕС в условиях напряженной международной обстановки должна стать его способность не просто реагировать в новых обстоятельствах, а уметь адекватно действовать.

Очевидно, что уже в ближайшее время внешняя политика Европейского союза и ее проводника Германии будет оказывать существенное влияние на обеспечение безопасности в Европе и, в целом, в мире. От того, как будет воплощаться на практике общая внешняя политика и политика безопасности, будут зависеть расстановка геополитических сил на евразийском пространстве, а также составляющие элементы и механизмы современной системы международных отношений и международной безопасности.

Таким образом, опыт формирования и реализации внешнеполитической стратегии ЕС свидетельствует, что для выработки единой внешнеполитической стратегии стран Центральной Азии необходима, в первую очередь, эко-

номическая и впоследствии политическая интеграция региона. Обращение к интеграционному опыту ЕС обусловлено практическим интересом РК к формированию центральноазиатской интеграции, которую, по словам Н. Назарбаева, следует рассматривать в контексте изучения прошлого и настоящего стран Европы и выбора ЕС в качестве стратегического направления внешней политики: «Следует максимально воспользоваться реальными возможностями, которые открываются для республики в связи с готовностью ЕС к расширению политического диалога с Казахстаном».

Кроме того, следует иметь в виду, что неадекватное развитие ситуации в одной из стран ЦАР либо в целом в регионе может существенно изменить ситуацию на евразийском пространстве. Последние события в Кыргызстане уже подрывают стабильность в регионе. Необходимо разрабатывать среднесрочные и долгосрочные стратегии вместо ситуационного реагирования на процессы, происходящие в регионе.

Общая стратегия позволила бы обозначить эффективные пути решения проблем, связанных с угрозами безопасности, и определить инструменты и механизмы для успешной реализации задач стран региона Центральной Азии. Своеобразным полигоном, диалоговой площадкой, где разрабатывались бы механизмы и инструменты стратегии внешней политики, могла бы стать ШОС.

Литература

1. **Vertrag von Lissabon zur Änderung des Vertrags über die Europäische Union und des Vertrags zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft**, unterzeichnet in Lissabon am 13. Dezember 2007 – <http://eur-lex.europa.eu>
2. **Внешняя тактика. Какой может стать внешняя политика в ближайшие годы** – <http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang-2009/september-oktober/auswartstaktik.html>
3. **Безопасная Европа в более совершенном мире** – <http://merln.ndu.edu/whitepapers/EuropeanUnion-Russian.doc>
4. Там же.
5. **Федоров Ю.Е. Доктрина безопасности Европейского союза** – <http://www.inion.ru/product/eurosec/st2vp10.htm>

ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В 1941-1943 ГГ. КАК КРУПНЕЙШАЯ ДЕПОРТАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ

ПОЛЯН ПАВЕЛ МАРКОВИЧ

Доктор географических наук, профессор, научный сотрудник Института географии РАН и Ставропольского государственного университета, научный сотрудник Исторического института Фрайбургского университета (Россия – Германия).

Депортационная политика и депортационные операции в СССР

Принудительные миграции – это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам с применением давления или принуждения (само принуждение может быть при этом прямым или косвенным). В первом случае мы имеем дело с насильственными миграциями, или собственно депортациями^[1], во втором – с так называемыми вынужденными (или добровольно-вынужденными) миграциями, когда государство всего лишь «влияет» на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решения о переселении, но именно таким образом, каким оно, государство, хотело бы это переселение видеть. В первом случае мы имеем дело с откровенно репрессивным (карательным) характером воздействия государства на гражданина (или иноподданного), во втором – с целенаправленным административным давлением на его волеизъявление.

Депортации (насильственные миграции) – это одна из специфических форм или разновидностей политических репрессий^[2]. Как репрессия депортация занимает промежуточное положение на шкале их тяжести: это, конечно, не высшая мера наказания и даже не ссылка по суду на каторжный труд на «острова» ГУЛАГа, но и легчайшей из разновидностей репрессий депортацию тоже не назовешь. Тем более что во многих случаях депортации являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению депортируемых (это, в частности, специфично для немецкой «технологии» геноцида европейских евреев и цыган, предусматривавшей – перед отправкой в лагеря уничтожения – их промежуточную изоляцию в «накопительных» концентрационных лагерях) или элементом более комплексной репрессии, когда, например, депортации подвергаются члены семей, главы которых репрессированы иным и более суровым способом (именно это весьма характерно для советской карательной системы). Нередко депортации комбинировались с другими видами репрессий, в том числе и с более слабыми, как, например, срочное или бессрочное поражение в избирательных правах.

Можно указать на следующие специфические особенности депортаций как репрессий. Это, во-первых, их административный, то есть внесудебный характер^[3].

Во-вторых, это их списочность, или, точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на

[1] От лат. «deportatio» – изгнание, ссылка.

[2] От лат. «repressio» – карательная мера, наказание, имеющая целью подавить, пресечь что-либо.

[3] Термин «административный» здесь употреблен в соответствии с советской, а не мировой практикой.

целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ-НКВД-КГБ, а иногда и ряда других ведомств. Это ставит депортации вне компетенции и правового поля советского судопроизводства^[4] (как и вне международного и союзного законодательства о военнопленных), и резко отличает систему спецпоселений от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также от системы лагерей для военнопленных и интернированных («Архипелаги» ГУЛАГ и ГУПВИ).

И наконец, третьей специфической особенностью депортаций как репрессий является их достаточно явственная установка на вырывание масс людей из их устоявшейся и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду. При этом места вселения отстоят от мест выселения подчас на многие тысячи километров. Уже одно массовое перемещение депортированных в пространстве объединяет проблематику принудительных миграций с исследованиями «классических» миграций и придает ей априори географический характер.

Депортации являлись еще и своеобразной формой учета и «обезвреживания» государством его групповых политических противников (и не столь уж важно, подлинных или мнимых – важно, что государство решило их нейтрализовать). Случаи, когда депортации подвергается не часть репрессируемого контингента (класса, этноса, конфессии и т. д.), а практически весь контингент полностью, называются тотальной депортацией.

Если основанием для депортации принципиально послужил этнический фактор, то такую депортацию резонно понимать как этническую депортацию. Она, естественно, может быть как тотальной, так и частичной, когда насильственному переселению подвергается не весь этнос, а только его определенная часть. При этом не так уж и важно, что дополнительный критерий сам по себе может иметь социальный характер (например, «кулаки», или «социально-опасный элемент») или, скажем, характер географический (ограничение депортации того или иного этноса тем или иным конкретным регионом) – если при этом фактически депортируется отчетливая этническая группа, депортация сохраняет свой этнический характер.

Впечатляющая практика советских этнических депортаций имеет вполне «солидную» дореволюционную предысторию, в значительной степени связанную с политикой Российской империи по отношению к неблагонадежным национальным меньшинствам. За последние 200 лет тут можно выделить не одну и не две депортационные волны, причем речь идет как о внутренних, так и о международных (эмиграционных) перемещениях нежелательных контингентов, в основном, этнических^[5].

Отдельные и, на первый взгляд, локальные операции по принудительному переселению тех или иных групп населения начались в СССР в ходе или сразу же после окончания Гражданской войны. Но, хотя принудительные миграции в СССР практиковались с чрезвычайной интенсивностью и энтузиазмом, говорить о специфичности принудительных миграций исключительно для СССР (или, скажем, сугубо для социалистического строя) было бы не корректно: ни первооткрывателем, ни тем более монополистом в области депортаций СССР не являлся, – скорее, это наиболее последовательный и целеустремленный их претворитель в жизнь.

В то же время нельзя не отметить незаурядную органичность их сочетания и глубокую сопряженность друг другу, что и предопределило в общем-

[4] При этом ни Уголовный, ни Гражданский кодекс не брались во внимание, и даже такие суррогаты советского судопроизводства, как «тройки» или «Особое совещание» не были задействованы (другое дело, что частыми были такие их судебные решения, которые предусматривали «ссылку в отдаленные местности СССР» после отбытия срока в том или ином учреждении ГУЛАГа и под надзором органов спецпереселения, ответственных и за «просто» ссыльных).

[5] Подробнее см.: Поляна П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 326 с.

то феноменальное распространение принудительных миграций в СССР, их отлаженную технологичность и, как следствие, – неслыханную прежде масштабность. В целом приходится констатировать наличие в СССР специфической депортационной политики, как существенной части общей репрессивной политики советского государства и важного инструмента во внутренней репрессивной политике. Депортации при этом мыслились насущным и эффективным орудием социальной инженерии, причем орудием «гуманным», поскольку тем или иным социально-неблагонадежным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда это был бы геноцид), а «всего-навсего» в праве на коллективную свободу.

Многочисленные и, как может показаться, даже хаотические насильственные перемещения миллионов советских людей имели самые серьезные демографические и экономические последствия как для регионов прибытия и выбытия, так и для страны в целом. Имели они и свою историческую и даже географическую логику, не говоря уже об организационной логистике и инфраструктуре, как правило, сосредоточенных под эгидой ОГПУ-НКВД-МВД. Только в 1920-х гг. и в первую половину 1930-х гг. центр формирования депортационной политики был смещен в сторону компартии («Комиссия Андреева» и др.). Как правило, решения о депортации, пусть и самой ничтожной по количественному признаку, принимались на самом верху, в центре, но до 1935 г. встречались и исключения: так, повышенной самостоятельностью и, добавим, активностью пользовались Украина и Ленинград. В критические моменты, например, во время Гражданской или Великой Отечественной войны, уровень принятия решения мог опускаться и еще ниже – до регионального или даже военно-территориального (военные округа или даже фронты).

Основной единицей, можно даже сказать – ячейкой, депортационной политики СССР являлись депортационные операции. В это понятие мы вкладываем выселение строго фиксированного контингента людей, осуществляемое в фиксированные сроки и на фиксированной территории, насильственным (при непосредственном применении силы) или принудительным (под угрозой ее применения) путем и по заранее разработанному сценарию или плану. Как правило, этот сценарий оформлен в официальные нормативные акты государственных или партийных инстанций (законы и указы, директивы и постановления, приказы и распоряжения и др.).

Депортационная операция может включать в себя как различные внутренние этапы (например, так называемую фазу «первых эшелонов», то есть депортацию основной массы контингента, и последующие действия по дополнительному выявлению или поиску лиц, не охваченных первой волной или уклоняющихся от депортации), так и некоторые сопутствующие действия, не требующие физического контакта с депортируемым контингентом, но являющиеся составной частью операции как политического инструмента (например, административно-территориальные и топонимические репрессии или, скажем, меры по его реабилитации и репатриации).

Совокупность выделенных единичных операций часто поддается смысловой группировке по различным содержательным признакам, но в первую очередь – по признаку контингента: скажем, все разновременные депортации кулаков или все депортации немцев и т. д. Такие группировки, по существу, – это части единой операции более высокого уровня. Тем не менее, поскольку они состоят из двух или нескольких единичных депортационных операций, они и сами нуждаются в термине, и в качестве такового мы предлагаем «депортационную кампанию». Под нею мы понимаем некое сквозное единство единичных депортационных операций, объединенных общностью депортируемого контингента, но нередко разнесенных во времени, как, впрочем, и в пространстве. Примерами могут послужить депортационные

кампании «кулацкая ссылка» или «превентивная депортация советских немцев», осуществлявшиеся, соответственно, в 1930-1934 и 1941-1942 гг., состоявшие, каждая, из целой серии депортационных операций и растянувшиеся в общей сложности на долгие годы и месяцы.

Такой подход позволяет лучше увидеть глубокое смысловое единство депортационной политики и общей внутренней политики советского государства. С группами единичных депортационных операций, сведенных в сквозную депортационную кампанию, как правило, хорошо соотносятся те или иные «политические операции» или «политические кампании» своего времени (как, например, раскулачивание, репатриация и др.).

Забегая вперед, заметим, что данные, которыми мы располагали, позволили выявить по меньшей мере 52 сквозные депортационные кампании и около 130 депортационных операций^[6]. 38 депортационных кампаний из 52, или 73 %, являлись этническими (разумеется, без учета казаков, являвшихся сословием). В то же время доля этнических депортаций в общем числе депортированных значительно меньше – 32,1 %, при 57,5 % во внутренних и всего лишь 7,6 % во внешних депортациях. Это связано прежде всего с тем, что две самые массовые депортационные операции – кулацкая ссылка и насильственная репатриация не относятся к разряду этнических^[7].

Если распределение депортационных операций по хронологии и в принципе и практически возможно (несмотря на размытость некоторых важных дат), то такое же распределение иных депортационных кампаний чрезвычайно затруднительно, так как некоторые из них (например коллективизация или репатриация) нередко длились по нескольким лет.

Подсчеты показали, что только внутренними депортациями, то есть теми, что не переплескивались через все ширящиеся границы советского государства, было охвачено более 6 млн. чел. Примерно столько же (около 6 млн.) депортированных – и на счете внешних, или международных миграций. Таким образом, всего за годы советской власти число принудительных мигрантов составило около 12 млн. чел., а с учетом компенсационных мигрантов – порядка 14,5 млн. чел.

На протяжении второй половины 1920-х гг. принудительные миграции как таковые практически не встречались – то было время интенсивных экспериментов с плановым переселением.

Все это готовило и постепенно сформировало почву для того, чтобы понятие «враг народа», применявшееся к конкретной индивидуальной личности, а в безличном виде – к весьма аморфным группам (кулаки, троцкисты, зинovieвцы и т. п.), было применено, а затем и применено так же и к этническим категориям. Фраза безымянного чекиста из Актюбинска о том, что «из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!»^[8] – говорит сама за себя.

В том же ряду и фраза сотрудника райкома партии, который на вопрос депортированных немцев-руководителей о перспективах их трудоустройства, срезал их так: «Немцы народ ненадежный, и поэтому насчет работы разговора быть не может, кроме физической работы в колхозе»^[9].

[6] Их перечень приведен в: Полян П.М., Поголь Н.Л. (Сост.). Сталинские депортации. 1928-1953. Документы. М., 2005. С. 789-798. (Приложение 1).

[7] Точнее, роль этнического начала в них была исчезающе мала, хотя раскулачивание национальных районов и делало «кулацкую ссылку» из них этнически окрашенной, равно как и репатриация из Германии лиц из числа немцев, крымских татар и др. народов, депортированных в СССР во время войны. Примером этничности «кулацкой ссылки» могут послужить 999 кулацких семей (5317 чел.) из Дагестана и Чечено-Ингушетии, отправленных в 1936 г. в совхозы Киргизии и Казахстана. На Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос о переселении кулацких хозяйств из Дагестана и Чечено-Ингушетии рассматривался еще весной - 20.05.1936 (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952. Каталог. – Том. II. 1930 – 1939. М., 2001. С. 767; см. также в письме зам. начальника ГУЛАГ НКВД Планиера наркомом внутренних дел Ежову и его зам. Агранову и Берману от 07.11.1936 ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.36. Л.33). К этой операции, судя по всему, относится и соответствующая «Инструкция начальнику оперативной группы», утвержденная начальником НКВД по Северо-Кавказскому краю И.Я. Дагиним (не ранее 15.07.1934 и не позднее 29.03.1937) и написанная с учетом, как это представлялось авторам, «особенности национальных областей и специфических условия национального аула» (Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Хайбах: следствие продолжается. Грозный, 1994. С. 66-69).

[8] См.: Хребтович-Бутенева О. А. Перелом (1939–1942). Париж, 1984. С. 48-53.

[9] Высказывание Исаенко, секретаря по кадрам Красноярского района ВКП(б) Казахстана. См. в докладной записке оперуполномоченного ОСИ лейтенанта Гб Мартьянова от 12.01.1942 «О проверке расселения и трудового устройства

В этом контексте гораздо лучше понимаешь, как закладывались и как развивались представления о враждебных нациях, столь отчетливо проявившие себя в годы войны в депортациях «наказанных» – превентивно ли, в порядке ли «возмездия» – народов.

Начало Великой Отечественной войны и депортации

Великая Отечественная принесла с собой не прекращение, а эскалацию депортационных операций, впервые в истории в их осуществлении принимали участие войсковые соединения в десятки, а иной раз и в сотни тысяч человек. Чекистов, в отличие от пограничников, война врасплох не застала, и со своими тыловыми задачами они и дальше справлялись довольно успешно и почти «без потерь».

Однако специфика войны проявилась и в том, что монополия именно чекистов на проведение депортационной политики в стране нарушилась. В выпущенном 22 июня Указе Президиума Верховного Совета СССР (ПВС) «О военном положении» военным властям предоставлялось право воспрепятствовать въезду и выезду из соответствующих местностей или отдельных ее пунктов, а также выселять в административном порядке всех лиц, «признанных социально-опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой», и чье нахождение на территориях, объявленных на военном положении, было бы нежелательным^[10]. Другим Указом ПВС того же дня – «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» за № 278 – последнее вводилось во всех союзных республиках и многих областных единицах европейской части СССР, вплоть до Краснодарского края^[11]. В 1942 г. были изданы отдельные указы ПВС, объявляющие военное положение в Сталинградской области (14 июля), в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР и в Орджоникидзевском крае (10 августа), в некоторых городах Закавказья, на Черноморском и Каспийском побережьях (23 августа) и в союзных республиках Закавказья, а также в Саратовской и Тамбовской областях (9 сентября)^[12].

Однако совсем без чекистов осуществление этих операций также было бы немислимо. 4 июля 1941 г. года Берия и Меркулов издали совместную директиву НКВД и НКГБ за № 238/181 о мероприятиях по выселению с территорий, объявленных на военном положении, социально-опасных лиц вместе с их семьями^[13]. Учету и последующему выселению подлежали бывшие члены антисоветских партий и контрреволюционных организаций, а также лица, исключенные из ВКП(б) по политическим мотивам, проявляющие антисоветские и пораженческие настроения; кадровые троцкисты и правые, ранее привлекавшиеся к ответственности; лица, ранее осужденные за шпионаж, диверсии, террор, вредительство или повстанчество; бывшие перебежчики, белые, харбинцы и выходцы из Монголии, на которых имеется компрометирующий материал; лица без определенных занятий и уголовники-рецидивисты.

спецпереселенцев-немцев в Северо-Казахстанской области», по состоянию на 06.01.1942 (Милова О. Л. (Сост.). Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 236. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.85. Л.185-186).

[10] Указ ПВС за № 277 (впервые: Ведомости ВС СССР. 1941. № 29; см. также: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1944 гг. М., 1945. С.129-131).

[11] Советская юстиция. 1941. № 24-25.

[12] Эти указы утратили свою силу только 21.09.1945, когда ПВС издал об этом специальный указ за № 127/19 (см.: Весовская Г.Ф. (Ред.). Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х частях. Ч. I. Курск, 1999. С. 215-219).

[13] См. полный текст в: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 176-177. Со ссылкой на: Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). После того, как некоторые УНКВД взяли таких лиц на учет по спецпоселению, В.В. Чернышев выпустил 29.12.1944 циркуляр № 274 «О порядке учета адмысланных из прифронтовых районов». В нем разъяснялось, что со спецпоселения их следует немедленно снять и что все они состоят на учете в 1-х спецотделах НКВД/УНКВД (см.: Весовская Г.Ф. (Ред.). Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х частях. Часть 1. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. С.230)

Как видим, целевая группа директивы была сугубо социально-политической, этнические категории в ней еще не отражены (как выходцы из Монголии, так и харбинцы означали собой не монголов или китайцев, а разновидности белых реэмигрантов). Директива, правда, предписывала проявлять при выселении осторожность, особенно по отношению к членам партии, орденоносцам, стахановцам и красноармейцам, проверять имеющиеся данные и не выселять нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет, а также больных^[14]. Технология выселения была двухступенчатой: отобранных для этого лиц вызывали в милицию и заставляли давать подписку о том, что они сами покинут запрещенную для них территорию в течение 48 часов. Если этого не происходило, то выселение происходило уже в порядке депортации – принудительно и в административном порядке.

Тем не менее, заложенная в указ идея – убирать подальше вглубь страны всех тех, кого побаиваемся или кому не доверяем, – оказалась в годы военного лихолетья весьма востребованной и результативной. О многих операциях такого рода до сих пор почти ничего не известно, но судя по тому, что уже выявлено и известно, своим чрезвычайным правом на локальные депортации и военные, и чекисты пользовались достаточно широко, особенно при отступлении.

Так, приказом Военного Совета Западного фронта № 017 от 12 августа 1941 г. была установлена 5-километровая полоса боевых действий (впоследствии расширенная до 25 км), с территории которой выселению подлежало все гражданское население^[15]. 17 ноября 1941 г. – за подписями И. Сталина и Б. Шапошникова (начальника Генштаба) – вышел Приказ № 0428. Цитирую:

«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»^[16].

Не удивительно, что отличия формально добровольных плановых переселений от юридически принудительных в годы войны практически стерлись. Так, в подписанном Сталиным постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» Переселенческому управлению при СНК СССР (т. Кобзин) в военно-приказном порядке вменялось в обязанность переселить в эти отдаленные районы десятки тысяч граждан для их использования на предприятиях по ловле и переработке рыбы. Например, в Бурят-Монгольскую АССР и Иркутскую область предписывалось «пересадить» 5 тыс. семей в 1942 г. и 3 тыс. семей в 1943 г. из центральных областей Союза на Камчатку и на Сахалин к весенней путине 1942 г. – набрать и завезти, соответственно, 3500 и 2000 чел., главным образом из западносибирских и поволжских областей, а также из Хабаровского края^[17].

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспрецедентным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, но победительной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения.

[14] После того, как некоторые УНКВД взяли таких лиц на учет по спецпоселению, В.В. Чернышев выпустил 29.12.1944 циркуляр № 274 «О порядке учета адмвысланных из прифронтовых районов». В нем разъяснялось, что со спецпоселения их следует немедленно снять и что все они состоят на учете в 1-х спецотделах НКВД/УНКВД (см.: Весновская Г.Ф. (Ред.). Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х частях. Часть 1. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. С.230)

[15] Выполнять приказ должны были органы местной власти и «особисты» – работники особых отделов соединений и частей.

[16] Скрытая правда... С. 210-211. Со ссылкой на: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 27.

[17] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1024. Л. 259-286

Классическим примером этого являются так называемые наказанные народы. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, превентивные депортации – это наказание даже не за потенциальное предательство, а за принадлежность к национальности, с титульным государством которой ведется война^[18].

Однако известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР – и те, кого превентивно или задним числом депортировали, и те, кого не тронули. Так, в первые же месяцы войны было мобилизовано более 17 тыс. чеченцев и ингушей^[19], на фронт ушли 46 тыс. турок-месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тыс. погибли^[20]. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 г. на войне погибло 57 тысяч^[21]. Среди Героев Советского Союза – десять чеченцев и ингушей^[22], девять немцев^[23], восемь калмыков^[24], один балкарец^[25] и т. д.

Поэтому обвинения целых народов в предательстве были не только несправедливы, но и лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60–65 млн. человек. По меньшей мере более миллиона из них делали это весьма активно^[26], запятнав себя невымысленной изменой и кровью соотечественников: каждый из них по отдельности заслуживал обвинения в предательстве и пособничестве врагу, судебного разбирательства и, после выяснения всех обстоятельств, сурового наказания.

Несправедливость – в самом прецеденте наказания народа, подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики, приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.

Как бы то ни было, но именно в годы войны этнический характер принудительных миграций в СССР стал преобладающим (хотя и не единственным) основанием для депортаций.

Тотальная депортация немцев: превентивные депортации

Самый первый депортационный удар пришелся по советским немцам, отнесенным к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла жестокая война. В том или ином виде перемещению было подвергнуто

[18] Следует отметить, что аналогичную политику вели по отношению к японцам и США. Примечательно, что в самой Германии интернированию подверглись только граждане СССР, тогда как русские эмигранты первой волны никаким репрессиям или ограничениям не подвергались.

[19] Бугай Н. Ф. Депортация народов в Украине (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал (Киев). 1990. № 11. С. 33.

[20] См.: Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. Тбилиси: Союз грузинских репатриантов, 1998. С. 12. По другим данным, в армию было призвано 40 тыс. чел. (Бройдо Я. Б., Прохоров В. Ю. Турки-месхетинцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 343).

[21] Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С. 93.

[22] Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 частях. М., 1997. С. 98.

[23] История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 45.

[24] Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 67.

[25] Мухажир Умаев (Азаматов К. Г., Темиржанов М. О., Темукуев Б. Б., Тегуев А. И., Чеченов И. М. Черекская трагедия. Нальчик, 1994. С. 8).

[26] См.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 104–124.

около 1,2 млн. из примерно 1,5 млн. советских немцев (некоторые перемещались и дважды, и трижды).

В СССР, по данным переписи 1939 г., насчитывалось 1427222 немцев, из них в городах проживало всего лишь около 1/5. Расселены по стране они были достаточно широко, тем не менее, особенно крупные немецкие колонии (тыс. чел.) сложились в России (862,5), в Украине (392,7), в Казахстане (92,7), в Азербайджане (23,1) и Грузии (20,5). Внутри РСФСР они концентрировались в АССР немцев Поволжья (НП) (366,7), в Омской обл. (59,8), в Крыму (51,3), в Орджоникидзевском (45,7) и Краснодарском (34,3) краях. За Уралом крупные немецкие колонии, как видим, были только в Казахстане, в Омской области и на Алтае.

Вопрос о высылке немцев, по всей видимости, возник не заблаговременно, а по ходу войны. Иначе трудно объяснить такой, например, факт, как приговор к шести годам лишения свободы, вынесенный 31 июня 1941 г. Верховным судом АССР НП заведующему овцеводческой фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусову с формулировкой «за шовинистический выпад против немцев, проживающих в СССР». Между 13 июля и 15 августа в республике, как и повсюду, формировались отряды народного ополчения: в них записалось 11193 чел., в том числе 2635 женщин. Обком ВКП(б) повсеместно проводил митинги, на которых принимались обращения к немецкому народу; еженедельно в Москву отсылались отчеты «о фактах патриотического и трудового подъема трудящихся АССР НП»^[27], а 3 августа был создан республиканский фонд обороны страны, куда поступали пожертвования граждан.

В этот же день (3 августа) командование Южного фронта направило из Полтавы Сталину и Буденному шифрограмму, где говорилось о теплом приеме, оказанном немецким населением на Украине наступавшим немецким войскам. Реакция Сталина была мгновенной, а резолюция – жесткой и не оставляющей разночтений: «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И. Ст.»^[28]. Что товарищ Берия и сделал, подхватив образ и всеосознано расширив сферу действия «треска».

Практические распоряжения по депортации немцев из главного – поволжского – очага их расселения в СССР были отданы только 26-27 августа. Заминка, как представляется, была связана с необходимостью хотя бы частично убрать урожай.

Всю операцию Л. Берия приказал провести между 3 и 20 сентября и создал оперативный штаб во главе со своим заместителем И.А. Серовым. В оперативном отношении АССР НП была объединена с Саратовской и Сталинградской областями в единый, с точки зрения депортации немцев, район, в который были направлены особые отряды сотрудников НКВД (1550 чел.), милиции (3250 чел.) и войск НКВД (общей численностью в 12100 бойцов под началом комбрига Кривенко, полковника Воробейкова и комбрига Сладкевича). Общее руководство оперативниками и милиционерами осуществляли зам. наркома Обручников, а войсками НКВД – генерал-майор Аполлонов, а общую координацию всей операции – переселения, перевозок и расселения – осуществлял еще один заместитель Берии – Чернышев, на паях с начальниками контрольно-ревизионного и транспортного управлений Федотовым и Синегубовым.

Все три области в тот же день были извещены, и назавтра каждое Бюро обкома ВКП (б) приняло решение центра о депортации к неуклонному исполнению. В каждой из трех областей были созданы оперативные тройки, в составе которых обязательно был один видный представитель центра и

[27] Герман А. А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах М.: 1996. С. 135-142.

[28] Боевое донесение № 28/оп от 03.08.1941. Опубликовано в: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С.195.

глава местного НКВД. Представители НКВД СССР были направлены и в районы вселения – в Красноярский и Алтайский края, в Омскую и Новосибирскую области, а также в Казахскую ССР. Там, на пару с местными начальниками УНКВД, они составили своеобразные оперативные «двойки», ответственные за своевременный прием эшелонов в пунктах разгрузки и расселение.

Масштаб этой и других предстоящих операций потребовал и организационного соответствия. Ясно, что ГУЛАГу уже было бы трудно справляться с потоком нового контингента административно-репрессированных, чей статус серьезно отличался от привычного для ГУЛАГа контингента, состоящего из формально осужденных лиц. Поэтому 28 августа 1941 г. в составе центрального аппарата НКВД – исключительно для приема и размещения перемещаемых немцев – был создан Отдел спецпоселений^[29].

И в тот же день (28 августа) вышел известный Указ ПВС «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Он был, собственно говоря, не более чем формальной данью «парламентской процедуре», как бы легитимизирующей и закрепляющей решения, уже принятые на Лубянке и в Кремле.

30 августа, по распоряжению И. Серова, указ напечатали республиканские газеты «Большевик» (на русском языке) и «Nachrichten» (на немецком). Эта публикация позволила первому секретарю обкома С. Малову (русскому по национальности) обратиться к Сталину с докладной запиской, где открыто говорилось о критическом отношении значительной части немецкого населения к указу, особенно к той его части, где утверждалось сокрытие в немецкой среде врагов советской власти. 5 сентября высшие должностные лица немецкой национальности в АССР НП – председатель СНК республики А. Гекман, председатель ВС К. Гофман и 3-й секретарь обкома ВКП(б) Г. Корбмахер – были сняты с занимаемых постов^[30], а 6-7 сентября была ликвидирована сама немецкая автономия на Волге (интересно, что при этом официально она так и не была упразднена!). Территория бывшей АССР НП была распределена между Саратовской (г. Энгельс и 15 кантонов) и Сталинградской (7 кантонов) областями (переименования кантонов и населенных пунктов с немецкими названиями последовали 19 мая 1942 г.).

С 29 августа 1941 г. войска НКВД уже заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема осуществляемой ими депортации была следующей (в общем и целом она выдерживалась и при других операциях). Территория разбивалась на оперативные сектора, в них комплектовались оперативные тройки, утверждаемые приказами НКВД СССР (в составе начальника местного НКВД, начальника милиции и секретаря комитета партии). Они, в свою очередь, комплектовали участковые оперативные тройки, составляли графики подачи вагонов, организовывали прием и посадку переселенцев.

Для составления списков депортируемых участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую выселяемую семью, с перечислением всех ее членов. Действовать чекистам предписывалось «без шума и паники», но «в случае возникновения вольночек, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений принимать решительные меры к их ликвидации». На основании агентурно-оперативных материалов учитывался и перед операцией арестовывался весь «антисоветский элемент», – как правило, главы семей. Прочие же члены семей переселялись в общем порядке. Инте-

[29] Его начальником был назначен И.В. Иванов, член оперативной двойки НКВД по Новосибирской области. Отдел просуществовал около 15 месяцев: 14.11.1942 он был упразднен, а его функции переданы отделу трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД.

[30] 16 сентября А. Гекмана и Г. Корбмахера «за дискредитацию указа» от 28.08.1941 исключили из партии.

ресно, что переселение рассматривалось как «добровольное»; «принудительным» оно становилось лишь для тех, кто добровольно переселяться отказывался. Не подлежали депортации семьи, где жена – немка, а муж – не немец^[31].

Если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи. Главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи: в случае перехода кого-нибудь из них на нелегальное положение, он и остальные члены семьи будут репрессированы в уголовном порядке. На основании данных, полученных от участковых троек, секторные (в данном случае – областные) тройки составляли графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава.

Помимо оперативных троек, повсеместно создавались Комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев. В них включались председатель райисполкома, заведующий районным земельным отделом, уполномоченный Наркомата заготовок, представители конторы «Заготскот», районного финансового отдела или конторы Госбанка (им в помощь в каждом районе мобилизовали в порядке трудовой повинности не менее 50 счетных работников). Имущество переселяемых колхозов и МТС принималось по актам: колхозные постройки; сельскохозяйственные машины; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная продукция, как в убранном виде, так и на корню; подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, готовой продукцией, сырьем; денежные средства колхозов и т.д., причем все потенциально спорные вопросы государство директивно решало в свою пользу^[32]. Кроме того, уполномоченные Наркомата мясо-молочной промышленности СССР осуществляли приемку от колхоза и колхозников в счет выполнения «мясообязательств» по поставкам 1941 г., взыскания недоимок по мясу прошлых лет и замены мясом поставок других видов сельскохозяйственной продукции^[33].

Оценка личного имущества переселяемых немцев производилась особой Оценочной комиссией в составе уполномоченного Наркомата земледелия СССР (НКЗ), председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие имущество получали акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку. На свое имущество переселенцы получали приемные квитанции, справедливо названные ими филькиными грамотами.

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие на один месяц – всего весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы были крайне сжатые, и перед отправкой успевали подготовить минимальный запас продуктов (забивали скот, делали колбасы, выпекали хлеб).

[31] Этот пункт был уточнен собственноручно Берией, впрочем, зачеркнувшим и пункт о праве не немецких женщин следовать за своими немецкими мужьями в ссылку. Этот принцип, по видимому, выдерживался и при всех последующих депортациях, в частности, и при депортации немцев из Закавказья в октябре 1941 г. (см.: Бугай Н. Ф., Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 41. Со ссылкой на Инструкцию, утвержденную приказом НКВД № 001487 от 11.10.1941).

[32] Так, несмотря на фактическую ликвидацию немецких колхозов еще до завершения уборочной, государство предлагало получить от них все обязательные поставки. При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3 % из оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом выработанных трудодней. Зерно, оставшееся после зачета в выполнение государственных обязательств и вычета подлежащего выдаче переселенцам, сдавалось уполномоченным НКЗ СССР государству по закупочным ценам. Часть сдаваемого зерна оставалась в колхозах как семенной и фуражный фонд для вновь вселяемых колхозников. В случаях задолженностей колхоза, долг переносился на вновь создаваемые на этой территории хозяйства. Неубранный урожай сельскохозяйственных культур принимался со скидкой 30 % на расходы по уборке урожая, его хранения и транспортировке. Средства, полученные от реализованной продукции, обращались в погашение всех взятых у государства денежных ссуд (независимо от сроков их погашения), налогов, сборов и страховых платежей. Денежные средства колхозов поступали в распоряжение местных органов власти для укрепления вновь образующихся в данной местности колхозов.

[33] На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живого веса. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот. На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчикам обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам.

Поначалу предписывалось производить переселение целыми колхозами,^[34] но позднее разрешили подселать к существующим колхозам группами хозяйств (от 10 и выше)^[35].

В краях и областях Сибири и Казахстана подготовка к приему переселенцев началась после получения телеграммы Берия. В ней указывалось, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября 1941 г.^[36] На местах стали создавать специальные комиссии по приему, размещению и хозяйственному обустройству немцев. Органы УНКВД готовили планы агентурного обслуживания. На диспетчерских пунктах железнодорожных станций и узлов Енисейского водного бассейна вводилось круглосуточное дежурство работников транспортного отдела НКВД. Первые эшелоны стали прибывать с середины сентября.

Несмотря на отдельные сбои, операция по выселению осуществлялась в целом по плану, в намеченные сроки, то есть между 3 и 20 сентября. Всего было выселено 438,7 тыс. чел., в том числе из АССР НП — 365,8, из Саратовской обл. — 46,7 и из Сталинградской обл. — 26,2 тыс. чел. Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую обл.: плановые показатели составляли, соответственно (но без Казахстана), 21,5, 27,2, 28,6 и 24,3 тыс. семей. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания, но известны и отдельные исключения (например, Томск, входивший тогда в состав Новосибирской обл.)^[37].

Интересно, что спустя неполный год (в мае и июне 1942 г.) воспоследовали и топонимические репрессии — переименованию подверглись практически все немецкие названия как городов и сел, так и районов и сельсоветов^[38].

Однако самыми первыми — фактически депортированными — советскими немцами стали все же не поволжские и не ленинградские, а крымские немцы. По постановлению Совета по эвакуации СЭ-75с от 15 августа, уже в конце августа их вывозили из Крымской АССР — в страшной спешке и не называя даже мест вселения. Намечалось переселить около 60 тыс. чел., но часть немцев так и осталась в Крыму. Более 50 тыс. расселили в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах Орджоникидзевского края и еще около 3 тыс. чел — в Ростовской области^[39]. Хотя номинально эта депортация именовалась эвакуацией, но эвакуация, согласитесь, была несколько необычная — в державшиеся в тайне места и по этническому признаку (даже евреев не эвакуировали как евреев, хотя о том, что их может ждать в оккупации, уже было известно!). Месяцем позже, когда немцы стремительно наступали на Северном Кавказе, часть этих же крымских немцев депортировали еще раз — уже из Ростовской области и Орджоникидзевского (Ставропольского) края.

Практически сразу же вслед за Указом от 28 августа власти приступили к аналогичным репрессиям против немцев в других регионах страны. При этом если депортация немцев из Крыма (самая ранняя) осуществлялась по приказу органов эвакуации, а самая главная операция — депортация из Поволжья — по решению СНК, то все последующие депортационные операции против немцев инициировались, как правило, НКВД (реже — военными), но

[34] Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» от 26.08.1941.

[35] Постановление СНК и ЦК ВКП(б) № 2060-935 сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» от 12 сентября 1941 г. (Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) от 12.09.1941 за № 35, п. 74- см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952. Каталог. — Том. III. 1940 — 1952. М., 2001. С. 224).

[36] См.: Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9479. Д. 154. Л. 1–4.

[37] См.: Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 120–121.

[38] См.: Бугай Н. Ф. Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 86.

[39] Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941 — 1945). 2-е изд. М., 2000. С. 29. Со ссылками на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 122–123.

обязательно скреплялись постановлениями высшего органа военного времени – ГКО^[40].

Первыми в этой региональной серии депортаций стали, помимо крымской, операции по безотлагательному переселению немцев или немцев и финнов из северо-западного приграничья страны. Это касалось, в частности, около 1200 немцев-трудоселенцев, переселенных в 1932-1933 гг. в Карело-Финскую ССР из приграничной полосы на Украине. Еще в начале августа, обратившись к Берии с предложением: а не лучше ли теперь, когда немцы рвутся к Ленинграду, еще раз их переселить – в Коми АССР, Чернышев и Наседкин встретили у наркома не только полное понимание, но еще и получили от него указание сделать это как можно быстрее^[41].

Тремя неделями позже, то есть синхронно с оформлением большой операции по Поволжью, решила и судьба финнов и немцев, проживающих в пригородах Ленинграда. Их решили депортировать в Казахскую ССР.

Яркой особенностью этого конкретного случая является его инициированность военными, а не чекистами. 26 августа 1941 года В.М. Молотов, Г.М. Маленков и А.Н. Косыгин, назначенные уполномоченными ГКО по вопросам обороны Ленинграда и эвакуации его предприятий и населения, поддержали совместную инициативу Военных советов Главного командования Северо-Западного направления и Ленинградского фронта о депортации финнов и немцев. В тот же день Военный совет Ленинградского фронта издал надлежащее постановление «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области»^[42]. Однако выполняли армейское постановление чекисты. Операцию, руководство которой возложили на бериевского зама В.Н. Меркулова (специалиста, как мы помним, по иностранноподанным) и на начальника УНКВД по Ленинградской области Кубаткина, планировалось начать 31 августа и закончить 7 сентября^[43].

Подавляющее большинство из намеченных к переселению тут составляли финны – 88,7 из 95,2 тыс. чел. Переселили их из Ленинградской области, но не только в Казахстан, а также в Красноярский край и Новосибирскую обл. (по 24 тыс. чел.), Омскую обл. (21), Казахстан (15) и Алтайский край (12 тыс. чел.). Соответствующее донесение Сталину было датировано 29 августа^[44], а приказ по НКВД – 30 августа, после чего вал немецких депортационных операций покатился дальше.

В сентябре 1941 года вышло еще три постановления Государственного комитета обороны СССР (ГКО) по депортациям немцев. Первое из них (от 6 сентября) было посвящено переселению немцев из Москвы и Московской (8617 чел.) и Ростовской обл. (21 400 чел.) – в Казахстан^[45], причем городских жителей расселяли в городах, но – не выше райцентра^[46]. Столичных немцев направляли в Кызыл-Ординскую, Акмолинскую и Карагандинскую области Казахстана, ростовских – в несколько южно-казахстанских областей, в Новосибирскую область и Алтайский край.

[40] Тот же механизм действовал и применительно к депортациям отступления (за исключением совершенно ненулевого случая с депортациями итальянцев из Крыма). Казалось бы, этого же следовало ожидать применительно и к другим этническим операциям военного времени, но это оказалось не так (почему это оказалось не так – предстоит выяснить). Так, депортация карачаевцев и калмыков, насколько позволяют об этом судить выявленные документы, были легитимизированы «всего лишь» указами ПВС и постановлениями СНК, и только начиная с чеченцев и ингушей оформление депортаций через ГКО вновь стало правильным, действовавшим почти без исключений вплоть до ликвидации самого ГКО.

[41] См.: Дугин А.Н. Незвестный ГУЛАГ. Документы и факты. М., 1999. С. 88; Бугай Н. Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории европейской России // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 37.

[42] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 54. Л. 169–180.

[43] Приказ НКВД № 001175 от 30.08.1941 предусматривал перевозку 36 тыс. чел. из Ленинграда до Череповца водным путем, причем районами вселения в приказе по-прежнему значатся четыре казахские области – Карагандинская, Кызыл-Ординская, Южно-Казахстанская и Джамбульская. Общую координацию осуществлял все тот же триумвират Чернышев – Федотов – Синегубов (ГАРФ. Ф.Р. 9414. Оп. 2. Д. 1. Л. 426–427).

[44] См. донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина и А.А. Жданова И.В. Сталину от 29.08.1941 (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213).

[45] По другим данным (БУГАЙ Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 44–45. Табл. 2), немцы из Ростовской обл. поступали также в Новосибирскую обл. и Алтайский край.

[46] Найти объяснение соединению в одном постановлении двух столь различных и отдаленных друг от друга регионов, как Ростовская область и Москва со своей областью, не просто. По существу, это две разные операции, проведенные последовательно, одна после другой: московская – между 10 и 15 сентября, а ростовская – между 15 и 20 (а фактически между 15 и 18) сентября. Потому и соответствующие приказы НКВД были отдельными для московской и для ростовской операций.

Так же несхожим был и социальный профиль ростовского контингента (в который влилось около 3 тыс. немцев, эвакуированных из Крыма) и контингента московского, в котором преобладала творческая и техническая интеллигенция^[47]. В Москве, конечно же, существовали и исключения: из 11567 московских и подмосковных немцев депортировано было 8640, 1620 были освобождены от депортации и даже оставлены в Москве (в том числе 147 – по просьбам наркоматов – как крупные специалисты), а 1142 человека – арестовано.

Следует заметить, что 8 сентября 1941 г. Сталин распорядился и об «изъятии» военнослужащих немецкой национальности из действующей армии^[48], а их там на момент начала войны находилось около 35 тыс.^[49].

Постановление ГКО от 21 сентября касалось немцев четырех регионов Северного Кавказа и (почему-то!) Тульской обл. Выселению в срок с 25 сентября по 10 октября подлежали: в Орджоникидзевском крае – 95489 чел.^[50], в Краснодарском – 34 287 (в Новосибирскую обл.), в КБ АССР – 5327, в СО АССР – 2929, в Тульской обл. – 3208 чел.^[51] Тут надо отдавать себе отчет в том, что кроме своих, северокавказских, немцев эта операция охватывала еще и 53 тыс. чел., эвакуированных из Крыма.

В свете сталинского вердикта от 3 августа («выселить с треском») немалое удивление вызывает задержка с депортациями немцев на Украине. Только 31 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло, по представлению НКВД, постановление о немцах на территории Украины: тех из них, кто состоял на учете как антисоветский элемент, предписывалось арестовать, а остальных трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет «мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»^[52]. По существу это был первый шаг на пути скорого формирования из депортированных немцев так называемой «Трудармии» (о чем см. ниже).

Постановление от 22 сентября было по Запорожской обл. (63000 чел.), Сталинской (41000) и Ворошиловградской (5487): всех выселяли в Казахстан, первыми – между 25 сентября и 2 октября – из Запорожской в Актюбинскую, Кустанайскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ординскую и Семипалатинскую области (часть из них по пути оставили в Астраханской обл. для строительства дороги), а остальных – между 25 сентября и 10 октября – в Акмолинскую, Алма-Атинскую, Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области^[53]. Постановление это явно запоздало: пять эшелонов с 17,5 тыс. из Запорожской области так и не были отправлены – «из-за отсутствия людей и временного захвата немцами территории» (так гласит официальное объяснение).

Еще из двух украинских областей – Одесской и Днепропетровской – немцев (соответственно 6000 и 3200 чел.) выселили в те же сроки, но без всяких постановлений ГКО: при этом выселили их не в Казахстан, а на Алтай^[54].

[47] Интересно, что вместе с немцами из Москвы выселились также не названные в постановлении ГКО австрийцы и венгры (Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999. С. 103. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 28. Д. 542. Л. 263)

[48] См. приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 35105 от 08.09.1941 об изъятии из Красной армии военнослужащих немецкой национальности.

[49] Шульга И.И. Судьба красноармейцев – немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. Москва, 1998. М., 1998. С. 323. Все они, очевидно, были призваны в армию военкоматами в АССР НИП, поскольку, согласно октябрьской 1939 г. директиве наркома обороны Ворошилова, советских немцев из других регионов СССР – как представителей инонациональностей (наряду с поляками, финнами, японцами и т. д.) – в ряды РККА уже не призывали (Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 67).

[50] В действительности было переселено даже несколько больше – 97640 чел., причем больше всего – 22 тыс. – в Северо-Казахстанскую обл., еще по 20 тыс. – в Акмолинскую и Кустанайскую, а также в Семипалатинскую, Павлодарскую и Карагандинскую области (Милова О. Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 122–123. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 153–154).

[51] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 164–165.

[52] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195

[53] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 165. См. также: Бугай, 1995. С. 44.

[54] См. ряд документов в: Милова О. Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. 119–121.

Таблица 1.
**Сводная
таблица
депортации
советских
немцев**
(данные на
25 декабря
1941 г.)

РЕГИОН ВЫСЕЛЕНИЯ	ИНТЕРВАЛ ВЫСЕЛЕНИЯ	КОЛИЧЕСТВО, ЧЕЛ.
Симферополь, Крымская АССР	08.1941	1900
Карело-Финская АССР	08.1941	1200
Пригороды Ленинграда	31.08.-07.09.1941	6500
АССР немцев Поволжья	03-20.09.1941	446 480
Саратовская обл.	03-18.09.1941	46 706
Сталинградская обл.	03-13.09.1941	26 245
Москва и Московская обл.	10- 14.09.1941, 22.09.1941	8640 из 11 567
Ростовская обл.	15-18.09.1941	38 288
Тульская обл.	02- 03.10.1941	3058
КБ АССР	25.09.- 05.10.1941	5803
СО АССР	25.09.- 04.10.1941	2415 из 2929
Орджоникидзевский край	25.09.- 10.10.1941	88 903 из 95 489
Краснодарский край	30.09.- 10.10.1941	37 300 из 40 636
Запорожская обл.	25.09.-02.10.1941	32 032 из 53 566
Ворошиловградская обл.	25.09.-10.10.1941	9858 из 13000
Сталинская обл.	25.09.-10.10.1941	35477 из 36880
Днепропетровск	25.09.-10.10.1941	3250
Грузинская ССР	15-30.10.1941	20423 из 23580
Азербайджанская ССР	15-30.10.1941	22841 (учет)
Армянская ССР	15-22.10.1941	212
Воронежская обл.	15-22.10.1941	5125
Горьковская обл.	20-23.10.1941	2544
Дагестанская и ЧИ АССР	25-30.10.1941 (при плане -10.11.1941)	7306 при 4012 на учете
Калмыцкая АССР	03-10.12.1941	5525 из 5706
Куйбышев и Куйбышевская обл.	01-10.12.1941	8787 из 11 500

РЕГИОН ВСЕЛЕНИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
Коми АССР	Переселяемые немцы были депортированы сюда в 1932-1933 гг. во время «зачистки» западных границ
Джамбульская обл. КазССР, Новосибирская и Омская обл., Красноярский и Алтайский края	В т. ч. 8200 отправлены водным транспортом
То же КазССР, Омская обл., Алтайский край	
КазССР (Карагандинская, Акмолинская, Кзыл-Ординская обл.)	Включая 356, отправленных с Тульским эшелонам) Оставлено: 1620; Арестовано: 1142; скрылись: 10.
КазССР (Южно-Казахстанская, Джамбульская, Кзыл-Ординская обл.); Новосибирская обл., Алтайский край	
Карагандинская обл.	В т.ч. 356 из Москвы
Алма-Атинская обл.	
Алма-Атинская обл.	
Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Семипалатинская, Южно-Казахстанская обл.	Ок. 500 чел. еще не отправлены (25.12.1941)
Новосибирская обл., Восточно-Казахстанская, Джамбульская, Карагандинская, Павлодарская, Южно-Казахстанская обл.	
Новосибирская обл., Актюбинская, Джамбульская, Карагандинская, Кзыл-Ординская, Кустанайская, Семипалатинская обл.	5 эшелонов на 17523 чел. аннулированы – «из-за отсутствия людей и временного захвата немцами территории»
Семипалатинская обл., Северо-Казахстанская	Готовится у отправке 3-3,5 тыс. чел.
Алма-Атинская , Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская и Семипалатинская обл.	
Актюбинская обл.	
Алма-Атинская , Джамбульская, Южно-Казахстанская, Павлодарская и Семипалатинская обл.	Через Баку и Красноводск
Акмолинская, Кустанайская, Карагандинская, Северо-Казахстанская, Павлодарская обл.	Через Баку и Красноводск
Павлодарская обл.	Через Баку и Красноводск; 500 кг., 42 чел. в вагон
Новосибирская обл.	
Омская обл.	
Акмолинская обл.	
Акмолинская обл.	
Карагандинская, Северо-Казахстанская обл.	

Источники:

Справки о переселении лиц немецкой национальности на 25.12.1941 и на 13.12.1941 (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 45-49; Л. 50-54), а также документы, опубликованные в: Полян П.М., Поболь Н.Л. (Сост.). Сталинские депортации. 1928-1953. Документы. М., 2005. 904 с.

Еще три постановления ГКО вышли в октябре, из них два датированы 8 октября. Первое посвящено немцам, высылаемым между 15 и 22 октября из Воронежской обл. в Новосибирскую и Омскую (5125 чел.), второе – 46533 немцам, высылаемым между 15 и 30 октября из Закавказья в Казахстан (10 областей)^[55] и Новосибирскую обл. (в том числе из Грузии – 23580, Азербайджана – 22741 и из Армении – 212 чел.).

Постановлением от 22 октября 1941 г. немцы из Дагестана и Чечено-Ингушетии (соответственно, 4000 и 574 чел.) выселялись между 25 и 30 октября в Казахстан^[56].

Еще два распоряжения СНК аналогичного содержания вышли в ноябре – о переселении немцев из Калмыцкой АССР (02.11.1941 года) и Куйбышевской обл. (21.11.1941) в Казахстан и из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской обл. (21.11.1941). В марте 1942 г. выселения немцев производились в Харьковской, Крымской, Одесской, Днепропетровской, а также в Калининской областях^[57].

Таким образом, немцев в СССР депортировали практически изо всех очагов их концентрации, если только обстоятельства войны это позволяли. Немецкое население, кроме доставшегося врагу, было вынуждено сосредотачиваться к востоку от Волги – главным образом в Западной Сибири и Казахстане. При этом городская (и для многих столь привычная) жизнь была им также заказана: постановлением ЦК КП (б) Казахстана от 16 октября 1941 г. проживание немцев в областных центрах и столице республики запрещалось^[58].

В то же время, имелось 24 более или менее тыловых региона СССР, откуда местных немцев не выселяли. В них проживало, как минимум, 53380 немцев, считая и 3522 чел. выявленных среди них как «антисоветские элементы»^[59]. Но не стоит полагать, что их просто оставили в покое. 30 октября 1941 г. было принято распоряжение СНК за № 57 «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»: там, откуда депортации не производились, немецкое население переселяли из городов и промышленных районов в совхозы и колхозы в пределах своих же областей^[60].

На 25 декабря 1941 г. из 904255 немцев, подлежащих депортации «по государственному заданию», уже выселено было 856 168 чел. (см. табл.4). По другим сведениям (к тому же, на 1 января 1942 г.), количество немцев, депортированных в 1941 г., не превышало 800 тыс. чел.

К началу 1942 г. на спецпоселении числилось 1031,3 тыс. немцев, из них 800 тыс. составляли те, кого депортировали из европейской части СССР (почти поровну поделались они между Казахстаном и Сибирью), а 231,3 тыс. – «местные» немцы (то есть те, кого депортации как таковой подвергать не стали)^[61]; переведя в спецконтингент, их физически не трогали, оставляли на месте или переселяли из городов на село. Всего же за 1941-1942 гг. было взято на учет 1209430 чел., из них 856340 – переселенные «по государственному заданию», 48001 – мобилизованные в трудовую армию и 203796 репатриированные (пред-

[55] См.: Милова О. Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 130-132. № 40. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 77-78).

[56] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. 1. М., 1993. С.166-168 (по другим данным – между 22 октября и 10 ноября 1941 г.).

[57] Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 45.

[58] Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период // Культура немцев Казахстана: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. (Алма-Аты, 9-11 октября 1999 г.) – Алма-Аты, 1999. С. 78.

[59] Данные на 13.12.1941, наибольшая концентрация – 18594 чел. – в Чкаловской (Оренбургской) области (Милова О. Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С.57-60. № 10. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 55-58).

[60] Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период. // Культура немцев Казахстана: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. (Алма-Аты, 9-11 октября 1999 г.) – Алма-Аты, 1999. С. 78.

[61] Накануне войны на этих территориях проживало 226 тыс. немцев, из них большинство в Казахстане (92 тыс. чел.), в Омской обл. (59 тыс. чел.) и на Алтае (29 тыс. чел.).

ставляется, однако, что это, скорее всего, «местные»^[62]. Около 36,7 % (444005) разместились в Казахстане, из них «по государственному заданию» – 333775 чел.^[63] (главным образом, в казахских, реже в русских или украинских, колхозах). Таким образом, огрубленная оценка численности немцев, собственно депортированных в 1941-1942 гг., составила около 905 тыс. чел.

Интересно сравнить «немецкую», крупнейшую за все время войны депортационную кампанию, с другой, второй по величине, – с «вайнахской». Много схожего в них, и прежде всего масштаб, массовость, приближающаяся к миллиону в первом случае и к полумиллиону – во втором, а также охват операцией не одной, а сразу нескольких смежных административных единиц (см. табл.2).

Таблица 2.
Сравнительная характеристика операций по депортации немцев из Поволжья и вайнахов

	ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ	ДЕПОРТАЦИЯ ВАЙНАХОВ
Время проведения	03.-20.09.1941	23.02.-02.03.1944
Продолжительность фазы интернирования	18 дней	10 дней
Административные регионы выселения	АССР немцев Поволжья, Саратовская и Сталинградская области	Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Дагестанская АССР
Административные регионы вселения	Казахская ССР, Омская и Новосибирская обл., Алтайский и Красноярский края	Казахская ССР, Киргизская ССР
Юридическое основание	Указ ПВС от 28.09.1941	Пост. ГКО от 31.01.1944
Руководитель штаба	Зам. наркома НКВД И.А. Серов	Нарком НКВД Л.П. Берия
Др. высокопоставленные лица в штабе	Наседкин, Галкин, Райхман, Дроздецкий, Ткаченко, Ильин	Зам.наркома НКВД: И.А. Серов, Б.З. Кобулов, С. Мамулов
Задействовано сил (чел.), из них: войска НКВД	16950 12350	119000 100000
Оперативные работники НКВД	1550	19000
Сотрудники милиции	3250	
Количество депортируемых	439000 (план: 480000)	478000 (план: 459000)
Количество арестованных	190 (неокончательное число)	2016
Перестрелки и вооруженное сопротивление	Нет	Да
Количество убитых	Нет	От 27 до 780
Уклоняющиеся (чел.)	Нет данных	6500
Конфискованное оружие, стволы	Нет окончательных данных	20072
Число лиц в вагоне	40 чел., без личных вещей	45 чел., вместе с личными вещами
Разрешенное личное имущество	1 тонна на семью	Не оговорено: фактически – ручная кладь
Топонимические репрессии	Да, 05-06.1942	Да, 04.1944, 07.1944

[62] К концу войны на спецпоселении числилось 949829 немцев, а за послевоенное время к ним прибавилось 120192 чел. репатрированных (Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 8). По состоянию на ноябрь 1951 г., на спецпоселении все еще находилось 1160630 немцев, из них 803853 – переселенные по постановлениям правительства, 223 195 – по директивам НКВД и решениям Военных советов фронтов (в том числе 198 483 репатриантов, 19 897 – превентивно выселенных из Ленинградской, Харьковской, Калининской и др. областей, 2771 фольксдойче и 2044 членов семей немецких пособников), 133582 из числа постоянных жителей Д. Востока, Сибири, Урала и Ср. Азии (в том числе 26551 трудмобилизованных). См.: Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. М., 1999. С. 124.

[63] Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 42. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 76; Д. 83. Л. 148.

И все-таки отличия между ними достаточно велики, именно чеченскую операцию можно охарактеризовать как кульминацию всей депортационной политики СССР. Во-первых, это самая массовая и самая интенсивная из всех депортационных операций (порядка 480 тыс. уже на стадии первых эшелонов или, приблизительно, от 70 до 100 тыс. чел. в день). Не знает себе равных она и по численности задействованных чекистских сил – порядка 120 тыс. чел., или в 7 раз больше, чем их было в Поволжье^[64]. Это говорит об особенном отношении к вайнахам, как, впрочем, и то, что всей депортацией руководил на месте лично Л.П. Берия со свитой из трех своих заместителей, тогда как операцией в Поволжье руководил «всего лишь» зам. наркома И.А. Серов, усиленный рядом начальников управлений НКВД. Если практическая подготовка к операции началась в Поволжье всего лишь за неделю до начала самой операции, то в Чечне и Ингушетии – почти за два месяца.

Отметим и резкое ужесточение, начиная с этой операции, правил погрузки и перевозки выселяемых: с одной стороны, отсутствие нормативов на допустимый вес личного багажа и, соответственно, отмена багажных вагонов в эшелонах и необходимость брать вещи в свой вагон, а с другой – повышение норматива заполняемости вагона с 40 до 45 чел. (при депортациях 1940-1941 гг. из аннексированных территорий речь шла всего лишь о 25-30 чел. на вагон). Можно себе представить кучность, тесноту и бытовые условия этого переезда!

Вторичные депортации «трудармейцев»

Обстоятельства военного времени поставили под «визир» и немцев-трудоселенцев, депортированных в 1930-1931 гг. не по этнической, а по социальной линии – в порядке раскулачивания: ГУЛАГ предлагал всех их (а это 7067 семей, или несколько десятков тысяч человек) перевести с посемейного на персональный учет.

Статус спецпереселенцев для всех советских немцев был еще раз подтвержден постановлением СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом ПВС от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (самовольный побег, согласно этому указу, карался 20 годами каторжных работ).

В местах нового расселения немцев существенным вопросом стало их трудовое использование. Одним из способов его рационального решения стала трудовая мобилизация немцев и формирование из них на время войны рабочих колонн, или, иначе, «Трудовой армии» («Трудармии»)^[65]. Ее «бойцы» призывались (мобилизовывались) через военкоматы НКЮ и направлялись для трудового использования в районы, как правило, весьма удаленные от мест учета их семей на спецпоселении.

В этой кооперации армейских и чекистских органов – принципиальная особенность этих депортаций. Другая их особенность в том, что для многих это была уже не первая, а фактически вторая за короткий промежуток времени депортация (некоторых судьба помогала и большее число раз). Первой депортацией призыв в «Трудармию» стал для тех трудоспособных немцев, кого изначально, в силу проживания в глубоком тылу (скажем, на Алтае или Урале), никуда не депортировали (впрочем, статус спецпереселенца – со всеми вытекающими из него последствиями – получали и они).

[64] По соотношению переселяемых и переселяющих ее все же несколько превосходит депортация карачаевцев.

[65] Официального употребления термин «Трудармия» не имел, на основании чего член Коллегии Министерства юстиции СССР О.В. Бойков в датированной 20.09.1990 «Справке» отказал имевшему широкое хождение термину «трудармеец» в статусе особой категории работников (История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 333-334).

К формированию Трудармии приступили еще в сентябре 1941 г., когда строительные батальоны НКВД были реорганизованы в рабочие колонны с казарменным проживанием и лагерным распорядком. 31 августа, как уже упоминалось, ПБ приняло, по представлению НКВД, постановление о немцах на территории Украины: антисоветский элемент – арестовать, а прочих трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет – «мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»^[66]. По существу это и было началом Трудармии (прочно закрепившийся термин, ныне бытующий вполне официально). Одними из первых «мобилизованных» в нее немцев стали отозванные из действующей армии немцы-красноармейцы. Начиная с сентября 1941 г., их зачисляли в спецпоселенцы, но не демобилизовывали, а направляли в Трудармию, сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудовой деятельности и гулаговского режима содержания^[67].

Мобилизованные организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа, что с самого начала крайне напоминало позднейшую организацию трудового использования совершенно других немцев, а именно: немецких военнопленных и немецких интернированных. Смертность среди трудармейцев была заметно выше, чем у находившихся просто на спецпоселении. Впрочем, оставленным без отцов и матерей детям и нетрудоспособным немцам-старикам приходилось очень тяжело в полуголодных колхозах военного времени^[68].

К началу 1942 г. Трудармия фактически уже насчитывала 20,8 тыс. немцев. Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в Трудовую армию от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 г. (а также от 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 г.)^[69] придали этому совершенно новое измерение и означали практически сплошную «мобилизацию» трудоспособных немецких спецпоселенцев. Из мобилизованных формировались отряды в 1500-2000 чел., разбитые на рабочие колонны в 250-500 чел. и бригады в 35-100 чел., построенные по производственному принципу и проживавшие в одной казарме (отряды и колонны возглавлялись начальниками из знакомых с производством чекистов-лагерников, бригадирами-специалистами могли назначаться и сами немцы).

Режим содержания мало чем отличался от гулаговского (колючая проволока, вышки, поверки, горячая еда дважды в день, один выходной за 10 дней), разве что на работу и с работы выводили без конвоя. Трудармеец обязывался отрабатывать себестоимость своего содержания, остальное (если, конечно, было) копилось на его личном счету.

Если в двух первых наборах в Трудармию (январском и февральском) речь шла исключительно о мужчинах призывного возраста – от 17 до 50 лет (в первом случае – о депортированных, а во втором – о «местных»), то в третьем (октябрьском) – о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных или имеющих малолетних (до 3-х лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово, вплоть до расстрела.

Первая мобилизационная волна проводилась с 10 по 30 января и рассчитывалась на 120 тыс. чел. (из них 45 тыс. – для использования на лесозаготовках, 40 тыс. – на строительстве железных дорог и 35 тыс. – на строительстве Бакальского и Богословского заводов), вторая – на 40-45 тыс. чел.,

[66] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195

[67] См.: Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941-1945 гг.) // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942-1948 гг. // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 128-145.

[68] См.: Вылган М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 32-33. Со селячкой на: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д. 64. Л. 271.

[69] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 168-175.

а третья – принесла 123,5 тыс. чел. в том числе 52,7 тыс. – женщин: немки направляли по разверстке Наркомнефти, а немцев (среди них преобладали, естественно, не охваченные ранее подростки 15-16 и мужчины 51-55 лет) – на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь»^[70]. Четвертая волна (с мая по сентябрь 1943 г.) «нацедила» всего-навсего 5,3 тыс. мужчин и 9,8 тыс. женщин, причем под горячую руку забирали и беременных, и малолеток 14 лет, и стариков.

К началу 1944 г. в рабочих колоннах НКВД числилось около 222 тыс. немцев-трудоармейцев, из них 101 тыс. чел. трудились на стройках НКВД, а труд остальных использовался другими наркоматами. Как таковая Трудармия была ликвидирована не в мае 1945 г., а только в январе-марте 1946 г.^[71]. Но освободившиеся при этом трудоармейцы оставались прикрепленными к тем же самым предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом переехать из зоны в общежитие за зоной и выписать к себе семьи. К этому времени через трудармейские рабочие колонны прошло в общей сложности 316,6 тыс. советских немцев – то есть более трети от числа депортированных и более четверти от числа поставленных на учет по спецпоселению.

Исходя из допущения, что по крайней мере треть трудармейцев принадлежала к не затронутым до этого принудительными миграциями контингентам (так называемые местные, а также демобилизованные из Красной Армии), мы получаем приблизительную суммарную оценку впервые депортированных советских немцев, равную примерно 100 тыс. чел., а общую оценку депортированных внутри Союза – 1,05 млн. чел.

Отметим, что кроме немцев в Трудармию мобилизовывались также финны, румыны, венгры и итальянцы – граждане СССР титульных национальностей противника: общее число трудармейцев составляло около 400 тыс. чел., из них 220 тыс. использовались в системе НКВД и 180 тыс. чел. – в других наркоматах^[72].

С учетом этих контингентов, а также финнов, выселенных в 1941 г. и не немецких трудармейцев, общее число превентивно-депортированных в 1941-1942 гг. можно оценить в 1,2 млн. чел.

Вместе с тем заметим, что поскольку в военное время линия фронта соответствует государственной границе, поэтому превентивные депортации финнов, греков, румын, татар (и в гораздо меньшей степени немцев), а вместе с ними и массовые эвакуации гражданского населения из прифронтовых районов с некоторой долей условности можно рассматривать и как своего рода пограничные зачистки, предупреждающие нежелательные для зачищающих последствия.

Депортации отступления

В сентябре 1941 г. депортации превентивного характера подверглись, кроме немцев, также финны и ингерманландцы^[73]. Но финнов тогда эвакуировали не всех, а оставшихся, по решению Военсовета Ленинградского фронта, выселяли из Ленинграда и его окрестностей в марте 1942 г., в частности, 9 и 26 марта. Впрочем, превентивно заблаговременной эту депортацию уже не назовешь: угроза попадания этого населения в руки врага вес-

[70] Постановлениями СНК СССР и ЦК ВРП(б) «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» и «О развитии промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (октябрь 1942 г.) немцы привлекались на работу и в рыбные промыслы.

[71] См. Пр. НКВД № 3/0-39 от 5.01.1946 о ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности (Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995 г. С. 55. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 148. Л. 162).

[72] Кокурин А.И. ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г.Наседкина. Август 1944 г. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 64. Отметим, что фактически трудармейцы находились на учете в ГУЛАГ, а не в Отделе спецпоселений НКВД.

[73] В первый раз, напомним, их выселяли из приграничных районов Ленинградской обл. и Карелии еще в 1935 г.

ной 1942 г. была отнюдь не гипотетической. Отчего мы и отнесем эту отчетливо этническую операцию к разряду депортаций отступления.

С 27 по 29 марта 1942 г. было выселено 3,5 тыс. семей, или около 9 тыс. чел.^[74] Их направляли, в основном, в весьма отдаленные районы – в Иркутскую обл., Красноярский край и Якутскую АССР, многих использовали в рыболовецких колхозах на Лене и ее притоках. Всего на спецпоселение поступило 44737 финнов-спецпереселенцев (так этот контингент был обозначен в документации НКВД), из них более 2/3 – в Сибирь (17837 – в Красноярский край, 8267 – в Иркутскую и 3602 – в Омскую области), остальные – в Вологодскую и Кировскую области^[75]. 3 апреля 1942 г. ГКО постановил очистить ряды действующей армии и от финнов и перевести их в рабочие колонны НКВД^[76].

Выразительный индивидуальный случай представляет собой судьба ленинградского хирурга Федора Христофоровича Берггольца (1885 – 1948), отца поэтессы Ольги Берггольц, высланного из Ленинграда в Красноярский край в марте 1942 г. При этом никаким финном он не являлся: впервые его намеревались выслать из города еще в сентябре 1941 г. как якобы немца (в действительности он был латышом). О. Берггольц записала 2 сентября в дневнике:

«Сегодня моего папу вызвали в Управление НКВД в 12 ч. дня и предложили в шесть вечера выехать из Ленинграда. Папа – военный хирург, верой и правдой отслужил сов. власти 24 года, был в Кр. Армии всю гражданскую, спас тысячи людей, русский до мозга костей человек, по-настоящему любящий Россию, несмотря на свою безобидную стариковскую воркотню. Ничего решительно за ним нет и не может быть. Видимо, НКВД просто не понравилась его фамилия – это без всякой иронии.

На старости лет человеку, честнейшим образом лечившему народ, нужному для обороны человеку, наплевали в морду и выгоняют из города, где он родился, неизвестно куда.

Собственно говоря, отправляют на смерть. <...> Мне мучительно стыдно глядеть на отца. За что, за что его так? Это мы, мы во всем виноваты.

Сейчас – полное душевное отупение. <...>

Значит, завтра провожаю папу. Вижу его, видимо, в последний раз. Мы погибнем все – это несомненно. Такие вещи, как с папой, – признак абсолютной растерянности предрержащих властей...»^[77].

Тогда высылка, правда, не состоялась – по-видимому, из-за хлопот дочери, обратившейся к секретарю Ленинградского обкома Я.Ф. Капустину (член Военного совета Ленинградского фронта, он отвечал и за эвакуацию населения). Но удержать тот же удар зимой 1942 г. не удалось: 7 и 8 февраля Ф.Х. Берггольца вызывали в НКВД «насчет паспорта», на деле же предлагали «сотрудничать» с органами, а после того, как он категорически отказался, внесли в его паспорт помету о 39-й статье «Положения о паспортах»^[78], а 17 марта 1942 г. депортировали в Красноярский край^[79].

С учета по спецпоселению ингерманландцы и финны были сняты приказом по НКВД только 28 января 1946 г., после чего они задним числом были

[74] По др. данным – около 40 тыс. финнов (см.: Курацева Н. «...И Мухин, сын Суокаса» // Смена (Ленинград). 1991. 26 июня).

[75] Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграция: Сб. научн. трудов. М., 1994. С. 459. Со ссылкой на: ГАРФ, Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 27–30.

[76] См.: Кизурю Э. Российские финны до сих пор не реабилитированы // Известия. 1992. 25 февр.

[77] Ольга Берггольц. Дневники 1939–1949 годов. Фрагменты второй части книги «Дневные звезды». Письма. Избранные стихотворения и поэмы. Документы и фотографии. Материалы следственного дела № 8870 из Архива ФСБ. СПб., 2010. С. 55–56.

[78] Положение было введено в действие постановлением СНК от 10 сентября 1940 г. вместе с инструкциями по применению. Статья 38-я и 39-я данного Положения касалась ограничений режима прописки, которые негласно запрещали проживание в крупных городах. Положение было официально обнародовано лишь до 35-й статьи, но все паспортники знали об ограничении прав лиц с 39-й статьей в паспорте, который в народе получил название «паспорта с повышенной температурой».

[79] Ольга Берггольц. Дневники 1939–1949 годов. Фрагменты второй части книги «Дневные звезды». Письма. Избранные стихотворения и поэмы. Документы и фотографии. Материалы следственного дела № 8870 из Архива ФСБ. СПб., 2010. С. 74–75 и 240–280.

взяты на учет как высланные в административном порядке по Указу ПВС от 22 июня 1941 г. (иными словами – как «социально-опасный элемент, высланный из областей, объявленных на военном положении»)^[80]. По данным Н. Бугая, финны, наоборот, считались административно-высланными, и лишь после 29 декабря 1944 г. они были поставлены на учет как спецпереселенцы^[81].

Двум другим весенним депортациям отступления предшествовала контрнаступательная операция Красной Армии – временное отвоевание советским десантом в декабре 1941 г. плацдарма на Керченском полуострове в Восточном Крыму, удерживаемого до середины мая 1942 г.

Сравнительно недавно стало известно о депортации в этот малый промежуток времени с этой крошечной территории проживавших на ней итальянцев – жителей Керчи, в основном, членов итальянского колхоза им. Сакко и Ванцетти (около 700 чел., вместе с членами семей). Некоторые из депортированных со временем даже оказались в Италии, где их судьбой, как и историей всей операции, заинтересовались историки из фонда им. Фельтринелли в Милане^[82]. Из имеющихся на сегодняшний день материалов складывается примерно следующая картина.

Депортация была осуществлена в два этапа: 28-29 января и 9 февраля 1942 г.^[83] Первая насчитывала несколько сот человек, вторая – около 70 чел. (два вагона теплушек). На сборы давалось два часа, с собой разрешалось взять не более 16 (!) кг на человека (оставляемое имущество обещали сбросить, но все было разграблено соседями в первый же день). Выселением занимались, по одним сведениям, военные, по другим – НКВД.

Сборным пунктом было общежитие Рыбтреста. Оттуда грузовиками отвозили в порт в Камыш-Буруне (совр. Аршинцево), где грузили в трюмы барж (первая партия) или парохода (вторая партия). Погрузка происходила ночью, в абсолютной темноте: всех предупредили, что за одну зажженную спичку или папиросу – расстрел. Морем, под бомбежками, – их вывезли в Новороссийск, где они провели 1,5 недели под бомбежками в здании школы. Из Новороссийска по железной дороге – через Баку, Краснодарск и Карталы – их доставили в Казахстан; зима была суровой, но после Новороссийска их почти не кормили, на станциях и полустанках итальянцы меняли последнюю одежду на мороженую картошку и хлеб. Весь путь первой партии занял более месяца (прибыли на место около 8 марта) или даже двух месяцев (прибыли на место только 10 апреля). Одних доставили в райцентр Вишневка, откуда развезли на санях (только стариков и детей) по различным колхозам и населенным пунктам Акмолинской области Казахстана (село Спасское и колхоз «Красное озеро» Атбасарского района, село Ерофеевка Каплининского района и т. д.), других сгружали на станциях и полустанках (например, Старый Колутон). Подселяли в дома к местным жителям, недовольным этим, но тоже терпевшим. В дороге и по приезде многие, не выдержав голода и холода, умерли. У оставшихся в живых были отобраны паспорта и возвращены через неделю со штампом «спецпереселенец». Учетом итальянцев занималась комендатура, и хотя отмечаться не требовалось, но для поездки в район или в город было необходимо обязательно разрешение коменданта. В нояб-

[80] Земсков В. Н. Спецпереселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 159.

[81] Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995/ С. 192.

[82] См. на веб-сайте: www.gulag-italia.it (в частности, выступление М. Леконте-Либединской на конференции „Репрессии против иностранцев в СССР: случай итальянцев“, Милан, 10.04.2002). Благодарим Ф. Гори, Э. Гуэрчетти и Е. Дундовича за предоставленные воспоминания депортированных (Эмили Ермаковой-Баронэ, Паулины Шестеркиной-Уманжелиста и Марии Белозерцевой-Ненно) и другие ценные сведения об этой депортации. См. также: Винь ли Д., Бойко(Джакетти) Ю. Д. Неизвестная трагедия итальянцев Крыма // Giulia Giacchetti Boico, Giulio Vignoli. La tragedia Scoosciuta degli italiani di Crimea; Джулио Винь ли, Юлия Джакетти Бойко. Неизвестная трагедия итальянцев Крыма; Джулио Виньйоли, Юлия Джакетти Бойко. Невидомая трагедия италиїїв в Криму. С.101-196.

[83] Есть указания и на то, что отдельная схожая депортация итальянцев осуществлялась также из Мариуполя (см. выступление В. Малышева на той же конференции).

ре 1942 г. мужчин через военкомат мобилизовали в Трудармию; до июля 1946 г. они содержались под охраной и работали на строительстве Челябинского металлургического комбината.

Остается так и не выясненной нормативная база этой депортации^[84] – наиболее вероятным представляется, что решение было принято на уровне фронта или даже армии, высадившихся в Восточном Крыму осуществлявших этот десант^[85]. В то же время, с этим не вполне согласуется описанный статус спецпереселенца.

Италия была, по крайней мере, одной из стран «тройственной оси». Греция же, наоборот, была жертвой германо-итальянской агрессии. Тем не менее, в это же время с Керченского полуострова депортировали и греков^[86]. Директивой Берии от 4 апреля 1942 г. предписывалось очистить от иностранноподданных и от «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» города и районы их традиционного проживания в Крыму и на Кавказе — Новороссийск, Туапсе, Керчь, Анапу, Темрюк и др. населенные пункты Таманского полуострова. Уже к 12 апреля операция была завершена: всего по перечисленным городам из намеченных к аресту 207 чел. фактически было изъято 168, а из намеченных к выселению 5638 чел. – выселено 5261, в основном из первых трех городов (из Керчи – по морю в Новороссийск)^[87].

Постановление ГКО № 1828сс от 29 мая 1942 г. расширило этот список за счет Армавира, Майкопа, а также целого ряда районов и станций Краснодарского края и Ростовской обл.; кроме того, оно существенно обогатило и контингент высылаемых (в административном порядке) лиц: кроме лиц, признанных социально-опасными и греков-иностранноподданных, перечень высылаемых пополнился за счет румын, немцев и крымских татар^[88].

Факт

Резюмируя, следует отметить, что тотальная депортация советских немцев в годы войны была крупнейшей внутренней депортационной кампанией военного времени и второй, по своим масштабам во всей советской истории: она «уступает» только депортационному срезу «раскулачивания» – так называемой «кулацкой ссылке». Ее бесспорным ядром была депортация из Поволжья, но в целом эта кампания растянулась еще на несколько лет, вообраз в себя не только «превентивные депортации», но и «депортации отступления», а также «вторичные депортации» так называемых «трудармейцев», то есть насильственные передислокации депортированных субконтингентов внутри ареала расселения депортированных и с переквалификацией режима их содержания в сторону гуглаговских норм. Судьба немецких депортированных оказалась неотрывной от судьбы контингентов других этносов, титульные государства которых находились в состоянии войны с СССР: финнов, румын, венгров и итальянцев.

[84] Интересно, что даже УВД Республики Крым затруднилось дать внятный ответ на запрос Фонда Фельтринелли относительно этой операции и прав группы конкретных депортированных. В своем ответе от 22.07.1993 начальник информационного бюро УВД Крыма полковник А. В. Быховец лишь подтвердил факт депортации итальянцев из Крыма «на основании решения государственных органов в 1942 году». Сведениями о конкретных депортированных лицах в так называемых «учетах» означенного архива обнаружено не было. При этом утверждалось, что «...документирование этой категории граждан началось только в 1949-1950 гг. в местах отбытия поселения и только в 1960 г. личные дела выселенцев были возвращены в Крым, но многие областные УВД (очевидно, казахстанские – Сост.) документы оставили в своих архивах. Выселенные, но умершие до 1949 года граждане в учетах не отражены. В связи с этим сегодня практически невозможно поименно указать всех, кто подвергся депортации из Крыма в 1941-1944 гг.» (оригинал – в архиве фонда им. Филтринелли, Милан)

[85] Сама по себе военная операция осуществлялась соединенными силами Черноморского и Азовского флотов и 44-й дивизии Закавказского фронта.

[86] Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 16.

[87] То, что здесь подразумевается, прежде всего, именно греки, вытекает из контекста донесения И. А. Серова Л. П. Берии и В. Н. Меркулову от 12.04.1942 (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 54-55. Л. 145-149)

[88] См.: Коцонис А. Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30-50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 83-88.

ИНТЕГРАЦИЯ И ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

САВОСКУЛ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

Кандидат географических наук, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Германия является одной из самых открытых к эмиграции стран Западной Европы. По данным статистики, в 2008 г. в стране насчитывалось 7,2 млн. иностранцев,^[1] что составляет 8,8 % всего населения Германии и около 2,2 млн. российских немцев и членов их семей из стран бывшего СССР^[2]. Этнические немцы-переселенцы из Восточной Европы и бывшего СССР к концу 1990 гг. стали одной из самых многочисленных групп новых граждан Германии. Они составили и наиболее значительный поток мигрантов в Германию во второй половине XX в. (более 4 млн. переселенцев)^[3].

Постановка проблемы. Основной поток этнических немцев из стран бывшего СССР составили выходцы из России и Казахстана, то есть тех стран, где на момент распада Советского Союза они преимущественно и проживали (см. табл. 1, 2).

Таблица 1.
Численность
российских
немцев
в республиках
СССР/странах СНГ,
чел.

	1959	1970	1979	1989	2000-е*, тыс. чел
СССР	1,619,655	1,846,317	1,936,214	2,038,603	
РСФСР/ РФ	820,016	761,888	790,762	842,295	597,2 (2002)
Молдавия	3,843	9,399	11,374	7,335	1 (2005)
Украина	23,243	29,871	34,139	37,849	33,3 (2001)
Казахстан	659,751	858,077	900,207	957,518	178,2 (2009)
Узбекистан	17,958	33,991	39,517	39,809	7,9 (2005)
Киргизия	39,915	89,834	101,057	101,309	11,1 (2009)
Таджикистан	32,588	37,712	38,853	32,671	...
Туркмения	3,647	4,298	4,561	4,434	...
Белоруссия	1,220	1,994	2,451	3,517	4,8 (1999)
Грузия	2,259	2,317	2,053	1,546	1 (2001)
Армения	278	408	333	265	0,2 (2001)
Азербайджан	1,492	1,361	1,048	748	0,7 (2001)
Эстония	670	7,900	3,944	3,466	1,9 (2000)
Литва	11,166	1,904	2,616	2,058	3 (2001)
Латвия	1,609	5,413	3,299	3,783	3,5 (2000)

... - данные отсутствуют

* В скобках указан год, к которому относятся приведенные данные.

Составлено по данным всесоюзных переписей населения, переписи населения РФ^[4] и по данным сайтов статистических комитетов стран СНГ.

По данным Всесоюзной переписи населения, в 1989 г. в СССР насчитывалось более 2 млн. российских немцев. Почти половина из них (47 %) про-

[1] Auslaenderzahlen 2009 // www.bamf.de

[2] Migrationsbericht es Bundesamtes fuer Migration und Fluechtlinge im Auftrag des Bundesregierug (Migrationsbericht 2008) // www.bmi.bund.de

[3] Фельтен Н.Н. Миграция населения Германии: пространственно-временной анализ. Автореф. дисс... канд. геогр. наук. - Санкт-Петербург, 2002.

[4] Электронная версия бюллетеня «Население и общество». - http://demoscope.ru

живала в Казахстане (северные области), 41 % – в России (южные области Западной Сибири и Поволжье). Кроме этого, существовали поселения этнических немцев в Киргизии (5 % от всех этнических немцев в СССР), Узбекистане (2 %), Украине (1,9 %), и Таджикистане (1,6 %).

После принятия Указа «О въезде и выезде из СССР»^[5] началось массовое переселение российских немцев в Германию, что, как видно из таблицы 1, в очередной раз поменяло географию расселения этнических немцев на постсоветском пространстве. Число немцев-переселенцев из СССР/стран СНГ выросло за 1987-1990 гг. в 5 раз, достигнув пика в период 1992-1995 гг. Массовый отток продолжался более 15 лет, переломным стал 2006 г., когда в Германию из всех стран СНГ выехало менее 10 тыс. человек (табл. 2)^[6].

Год	СССР/СНГ	Россия	Казахстан
1987	14488
1988	47572
1989	98134
1990	147950
1991	147320
1992	195576	55875	114382
1993	207347	67365	113288
1994	213214	68397	121517
1995	209409	71685	117148
1996	172181	63311	92125
1997	131895	47055	73967
1998	100805	41054	51132
1999	104916	45951	49391
2000	94558	41478	45657
2001	97434	43885	46178
2002	90587	44493	38653
2003	72289	49404	26391
2004	58728	33358	19828
2005	35396	21113	11206
2006	7626	5189	1760
2007	5695	3735	1279
2008	4301	2660	1062

Таблица 2.
Выезд российских немцев из СССР/стран СНГ в Германию, чел.

В итоге уже к началу 2000 гг. в Германии сформировалась огромная группа новых мигрантов, которым нужно было адаптироваться к совершенно иным социальным и экономическим нормам жизни в принимающем обществе.

Задачи исследования. В сфере интеграции российских немцев руководство Германии столкнулось с рядом заранее не предполагаемых трудностей, и до сих пор не нашло универсального рецепта интеграции российских немцев в германскую жизнь. По мнению многих публицистов и активистов землячество российских немцев, большая часть из них брошена на произвол судьбы и самостоятельно решают проблемы адаптации^[7]. Вместе с тем, в Германии постоянно находят новые варианты решения проблемы интеграции российских немцев, активно работают в этом направлении общественные неправительственные организации. В Федеральном правительстве Германии существует должность уполномоченного по делам российских немцев, переселившихся в Германию.

[5] Brendel T.J. Ein neues Gesetz zur Regelung von Ausreise und Einreise fuer Buerger der UdSSR. // Osteuropa 42. 1992, №4, April. S. 303-309.

[6] Migrationsbericht es Bundesamtes fuer Migration und Fluechtlinge im Auftrag des Bundesregierung (Migrationsbericht 2008) // www.bmi.bund.de

[7] Тростановский Ж. Иностранцы в Германии: исторический парадокс или социально-экономическая реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев – 2002. №3. С. 173-185.

В рамках этой проблематики автором статьи в 2002-2008 гг. в Германии, при финансовой помощи Немецкой службы академических обменов, был выполнен ряд научных проектов, посвященных различным аспектам адаптации российских немцев в Германии. Одной из основных задач нашего исследования стало определение степени влияния различных самостоятельно организованных российскими немцами экономических, культурных, политических и информационных структур, от русских магазинов до интернет-сайтов, на процесс их интеграции в принимающем обществе. Также акцент делался на изучении трансформации этнической идентичности российских немцев в Германии. В качестве теоретической основы для анализа был использован подход немецкого исследователя Г. Элверта, о котором рассказано ниже.

Методы исследования. В ходе работы были использованы следующие методы: глубинное интервью, включенное наблюдение, натурное обследование, анализ публикаций в русскоязычных газетах Германии, анализ русскоязычных интернет-сайтов.

В качестве основного метода сбора информации было выбрано глубинное интервью. Основные темы, затрагиваемые в беседе со всеми респондентами, следующие: краткая история семьи респондента; профессиональная биография респондента до переезда в Германию; причины принятия решения о переезде в Германию; процесс переезда в Германию; занятость респондента и членов его семьи в настоящее время; языковые навыки; плюсы и минусы жизни в Германии; воспитание детей; отношения между российскими немцами и немцами Германии; сравнение жизни до и после переезда в Германию; степень интеграции в немецкое общество, по оценке респондента.

Всего было проведено несколько десятков глубинных интервью в Баварии, Гессене, Северном Рейн-Вестфалии, Берлине. Все респонденты – этнические немцы, за исключением одного из экспертов (выходца из Румынии), являются переселенцами из бывшего СССР и проживают в Германии более трех лет.

Плюсы и минусы подхода Георга Элверта. Часто интеграцию считают успешной и законченной, если мигрантам удастся найти жилье и работу. Эти два условия не являются единственными критериями благополучного и безболезненного вхождения мигрантов в новую социальную среду. Интеграция может считаться успешной, если мигранты получают возможность доступа ко всем общественным ресурсам принимающего общества и могут быть признаны этим обществом как его полноправные участники, когда они свободно владеют основными правилами и нормами этого общества без отказа от собственной идентичности.

Зачастую в Германии в политических, экономических и научных дискуссиях, а также в массовом сознании, образование иммигрантами своих собственных сетевых общественных структур и выработка своих правил ежедневного обыденного поведения рассматривается как формирование своего рода гетто-образований и препятствие успешности интеграции переселенцев.

Немецкий этнолог Георг Элверт (Georg Elwert) в своей докторской работе предложил противоположный вышеупомянутому подходу тезис^[8]. Элверт полагает, что сетевые структуры через внутреннюю интеграцию могут вести к полноценной интеграции в социальную структуру принимающего общества.

Элверт выдвигает три взаимосвязанные черты сетевых структур мигрантов, которые облегчают иммигрантам путь вхождения в принимающее общество. Это – укрепление идентичности и самосознания мигрантов; пере-

[8] Elwert G. Probleme der Ausländerintegration. Gesellschaftliche Integration durch Binnenintegration? // Kulner Zeitschrift Soziologie und Sozialpsychologie 34. 1982. S. 717-733

дача знаний о повседневных навыках и умениях, необходимых в новом обществе; возможность создания объединений по интересам. И тут же определяет рамочные условия, при несоблюдении которых сетевые структуры становятся препятствием для интеграции. Это следующие ограничения: не должно возникать отношений, противоречащих законам принимающей страны; не должны создаваться условия, приводящие к социальной изоляции; сетевые структуры мигрантов должны проявлять способность к трансформации и быть обучаемыми системами.

Исследователь утверждает, что с течением времени роль сетевых структур мигрантов уменьшается, они оказываются невостребованными мигрантами. Данные нашего исследования показывают, что даже при успешном процессе интеграции за определенными структурами надолго может сохраняться важная роль обеспечения определенных запросов и потребностей мигрантов. В первую очередь, это касается таких видов сетевых структур, как культурные общества, литературные объединения, театры, политические организации и т. д. То есть, когда речь идет о структурах, связывающих мигрантов с культурой страны их выхода, поддерживающих и развивающих те потребности, которые не может удовлетворить принимающее общество.

Типы этнической идентичности российских немцев в Германии и использование сетевых структур. В Германии за время появления этнических немцев из СССР, а впоследствии из стран СНГ, самими переселенцами были организованы и разнообразные сетевые структуры, функционирующие по сей день. Наиболее детально подобные структуры нами были рассмотрены в регионе Эрланген-Нюрнберг, в частности там представлены землячество российских немцев, различные религиозные общины,^[9] «Дом Родины», историческое общество российских немцев, театр-студия, «Литературное общество российских немцев», интернет-сайты, русскоязычные газеты, магазины, туристические агентства, дискотеки.

Естественно, что российские немцы, живущие в Германии, не являются однородной гомогенной группой. Они очень разнообразны и используют различные сетевые структуры в зависимости от типа этнической идентичности.

Разнообразие самооощущений и самоидентификаций различных групп российских немцев можно выразить в следующей генерализированной типизации, проиллюстрировав ее выдержками из интервью с мигрантами.

Первая группа – российские немцы, считающие себя настоящими немцами, «германскими». Это ранние переселенцы, принадлежащие к первой волне возвращения на историческую Родину, которые живут в Германии более 30 лет. Большинство из них имеют высшее образование, превосходно владеют немецким языком. Некоторые собеседники – ранние переселенцы – выражали желание проводить интервью на немецком языке, демонстрируя принадлежность к немецкому народу. Они практически интегрированы в немецкое общество, а их дети уже полностью ассимилированы. Стать гражданами Германии для многих из них было основной жизненной целью, для которой они использовали все средства.

«Я все свою жизнь хотел переехать в Германию. Я всегда хотел тут жить. И сейчас мои дети – немцы. Они не говорят по-русски»^[10].

Российские немцы, которых я отношу к данной группе, практически не имеют проблем с этнической идентичностью. Они считают себя немцами:

«Германия – моя Родина, мой дом. Я чувствую себя немцем. Россия – это только место, где я родился»^[11].

[9] В проведенном исследовании специально роль религиозных общин в жизни российских немцев не рассматривалась, но по итогам работ коллег-этнологов [1, 2] и географов, можно отнести религиозные общины к сетевым структурам российских немцев.

[10] Мужчина, 73 года, 29 лет в Германии. Сейчас на пенсии, до этого работал инженером на предприятиях «Siemens». Член исторического общества российских немцев.

[11] Он же

Но несмотря на установку «как немцы жить среди немцев», представители этой группы в своих поведенческих моделях демонстрируют черты российского / советского менталитета.

Многие из них являются участниками и руководителями землячеств российских немцев, исторического общества российских немцев, составляя интеллектуальную элиту российских немцев в Германии. В ходе интервью многие поздние переселенцы, да и некоторые ранние переселенцы, в собственных самооценках отмечали, что последние живут достаточно изолированно от тех своих соотечественников, которые переехали в течение последнего десятилетия в Германию. Часто они даже встают в явную оппозицию к поздним переселенцам, полагая, что те создают невыгодный для ранних переселенцев, уже занявших прочные позиции в Германии, образ российского немца.

В силу высокой степени интегрированности в немецкое общество, они в своей повседневной жизни полностью включены в социальные связи «немецкого мира», являются жителями «немецкого мира».

Среди всех сетевых структур российских немцев представители данной группы активно (пожалуй, активнее, чем представители других групп) создают сами и участвуют в жизни тех структур, которые позволяют реализовать, в первую очередь, их духовные и интеллектуальные запросы, которые Германия не может помочь им реализовать (табл. 3). Это, как уже было выше сказано, работа в землячествах российских немцев, в историческом обществе российских немцев, проведение традиционных встреч земляков, различных конференций, диспутов.

Кроме этого, они являются достаточно активными читателями, а иногда и авторами русскоязычных газет Германии, в меньшей степени (часто в силу возраста) участвуют в работе театра российских немцев, литературного общества российских немцев. И в минимальной степени пользуются русскими магазинами, русскими туристическими бюро и русскоязычными интернет-сайтами.

Вторая группа – поздние переселенцы, считающие себя российскими немцами, людьми, принадлежащими к двум культурам одновременно. Среди этой группы много людей с высшим образованием. Обычно это – молодые и среднего возраста жители больших городов, которые в бывшем СССР не жили в моноэтнической среде российских немцев. Большинство из них сразу после переезда в Германию пытаются улучшить или выучить немецкий язык, найти достойную работу, они находят «свое место» в Германии и довольны своей жизнью.

Значительная часть российских немцев, которых я отношу к этой группе, не разрывают свои связи со страной выхода. Но и не замыкаются только на семейных кругах российских немцев, а настроены на активное вхождение в жизнь Германии. У них достаточно много контактов с немцами ФРГ – коллегами по работе, соседями, друзьями. Они являются гражданами двух миров – «немецкого» и «российского».

В самом начале своей «германской» жизни они испытывали проблемы с этнической идентичностью. Им сложно было понять, почему в Германии они воспринимаются «русскими», ведь они же вернулись на свою историческую родину, имеют немецкие корни. Как выход из ситуации для многих российских немцев можно привести слова молодого человека, приехавшего в Германию в двадцатилетнем возрасте и уже прожившего в стране более девяти лет.

«Ожидал, естественно, какие-то сложности. Но не думал, что мы не будем здесь восприниматься своими. Осознавал, что мы, конечно, и по менталитету, и по другим качествам будем разниться от местного населения.»

Но не думал, что мы будем ими восприниматься чисто русскими, пришлым, чужим населением. Это какое-то время мне мешало, а потом я просто с этим смирился и не обращаю на это внимания. Это существует, но уже не мешает мне. Я считаю себя российским немцем»^[12].

Для многих представителей этой группы характерна следующая позиция:

«Это большая удача для меня и моих детей – то, что мы принадлежим к двум культурам сразу. Я не хочу забывать то хорошее, что дала мне Россия, и то, что я приобрела благодаря русской культуре. Я об этом постоянно и своим детям говорю... Хотя часто именно из-за этого и я и они сталкиваемся с непониманием остальных»^[13].

Интеграция этой группы поздних переселенцев идет по принципу культурного многообразия. В соответствии с собственной этнической идентичностью представители этой группы активно используют практически все структуры российских немцев. Для них, среди всех групп российских немцев, характерен самый широкий спектр обращения к сетевым структурам – от землячеств до русских баров и дискотек (табл. 3).

При таком типе этнической идентичности роль сетевых структур может не ослабевать со временем. Респонденты из этой группы часто отмечали, что сетевые структуры мигрантов помогают им чувствовать себя принадлежащими к двум культурам, не отказываясь от своих привычек и социальных норм, к которым они привыкли в стране выхода.

Третья группа – поздние переселенцы, испытывающие кризис этнической идентичности, они не считают себя русскими в полной мере, но и не могут ощущать себя немцами. Большая их часть не интегрировалась в принимающее общество, не прошла адаптацию, создавая замкнутые социальные структуры.

В подавляющем большинстве значительная часть представителей этой группы – выходцы из сельской местности, хотя среди них есть и жители городов, они не имеют высшего образования. Большинство из респондентов, относящихся к этой группе, отмечали, что их ожидания в отношении Германии не оправдались во многом из-за того, что их здесь воспринимают не немцами, а русскими. В Советском Союзе они всегда были «фашисты» и «немцы», а тут стали «русаками».

«Мы не немцы для местных немцев, мы русские тут. Я живу уже три года в Германии и почти не говорю на немецком»^[14].

Их отношение к своей этнической принадлежности можно сформулировать следующим образом:

«Я нахожусь где-то посередине. Я не знаю, кто я. Германия не моя родина, я не чувствую себя тут как дома. Я ощущаю себя не совсем полноценно тут»^[15].

Это наиболее многочисленная и наиболее проблематичная группа переселенцев. Именно этой группе касается подавляющая часть публикаций, посвященных интеграции и адаптации российских немцев в Германии. В нее входят представители разных возрастных групп, начиная от пенсионеров, которые переехали в Германию ради будущего своих детей (об этом говорят почти все пенсионеры), и заканчивая подростками, которые, владея немецким языком, все равно не могут чувствовать себя полноценными гражданами Германии, из-за разницы в моделях поведения, жизненных целях и ценностях по сравнению с немецкой молодежью.

[12] Мужчина, 29 лет, 9 лет в Германии, учится на факультете славистики в университете, работает в библиотеке университета.

[13] Женщина, 37 лет, 7 лет в Германии, окончила факультет славистики, работает в библиотеке университета, член исторического общества российских немцев.

[14] Мужчина, 54 года, 3 года в Германии, работает (на временной работе) подсобным рабочим.

[15] Женщина, 24 года, 10 лет в Германии, работает (на временной работе) на складе автосервиса.

Таблица 3.
Использование сетевых структур российскими немцами, в зависимости от типа их этнической идентичности*
(составлено автором)

Сетевые структуры российских немцев	Переселенцы, считающие себя немцами	Поздние переселенцы	
		считающие себя российскими немцами	испытывающие кризис этнической идентичности
Землячество	XXX	XX	---
"Дом Родины"	XXX	XX	---
Историческое общество российских немцев	XXX	XX	---
Театр российских немцев	XX	XX	---
Литературное общество российских немцев	XX	XX	---
Русскоязычные газеты, издаваемые в Германии	XX	XXX	XXX
Интернет-сайты российских немцев	X	XXX	XX
Русские магазины	X	XX	XXX
Русские туристические агентства	X	XXX	XXX
Русские дискотеки, бары, рестораны	---	X	XXX

* Интенсивность использования внутренних структур оценивалась качественным путем на основании интервью с российскими немцами и собственных наблюдений

X – низкая интенсивность использования сетевых структур, когда они не являются частью повседневных практик, а носят скорее случайный характер.
XX – средняя интенсивность использования сетевых структур, данные внутренние структуры используются достаточно часто, еще не являются частью повседневной жизни, имеют не регулярный характер.
XXX – высокая интенсивность использования сетевых структур, когда они являются частью повседневной жизни, имеют регулярный характер.

Зачастую представители старшего и среднего поколения этой группы не владеют немецким языком на уровне достаточном для получения хорошей работы, и практически не имеют возможности повышать уровень знания немецкого языка. Многие из них после переезда в Германию понизили свой социальный статус, и уже не надеются восстановить его. Для многих в Германии нет профессионального будущего.

«Говорят, у нас в Союзе застой был, а у меня тут в моей жизни застой начался. Там я инженером на крупном заводе работал – жизнь кипела. А тут стою, наушники выдаю... Ради сына переехали, он тут хорошо устроился, работу нашел, доволен»^[16].

Эта группа российских немцев активно пользуется такими структурами, как русские магазины, русские дискотеки, русскоязычные газеты Германии, русскоязычные интернет-сайты (табл. 3). Для данной категории российских немцев сетевые структуры, если они длительное время не выходят за их границы, начинают играть отрицательную роль, затрудняя интеграцию в немецкое общество и вызывая обоюдное непонимание обеих сторон. В итоге происходит социальная изоляция российских немцев, замкнутых только на свои внутренние сетевые структуры, и усиливается закрытость принимающего общества к переселенцам.

Причины сложностей интеграции российских немцев. В заключительной части остановлюсь на причинах, затрудняющих интеграцию российских немцев в Германию (прежде всего представителей третьей группы, исходя из приведенной выше типологии (табл. 3)). Как было отмечено выше, одна из главных трудностей – кризис этнической идентичности российских

[16] Мужчина, 60 лет, 7 лет в Германии, работает смотрителем в музее.

немцев. В этом их отличие от прочих мигрантов в Германии. По сравнению с последними они здесь «не иностранцы», они «немцы», но в большинстве случаев воспринимаемые немецким обществом «русскими». Отсюда и возникает у большинства переселенцев кризис этнической идентичности. Они уезжают из бывшего СССР немцами, а приезжают в Германию «русаками».

Все остальные иностранные переселенцы в Германии имеют в «тылу» свою Родину, свою страну (Турция, Италия и т. д.), им не нужно принципиально корректировать и усиливать собственную этноидентичность. Российские же немцы оказываются между двух миров, и в то же время не идентифицируют себя в полной мере ни с одним из них. Их идентичность определяется частицей «не». Они были «не русские» в России, и сейчас они «не немцы» в Германии.

Российские немцы, с одной стороны, являлись национальным меньшинством в СССР, а с другой стороны, большинство из них выросло и сформировалось в СССР, восприняв отличные от Германии установки и формы поведения. Это оказывает сильное влияние на их самоидентичность. Многие из них употребляют уже ставшее распространенным для немалого числа российских немцев самоназвание «русаки».

Большинство интервьюеров в качестве неожиданной и пока мало преодолимой трудности, с которой они столкнулись после переезда в Германию, считают то обстоятельство, что их в Германии никаким образом не считают немцами, а только русскими.

«Чем отличаются российские немцы от местных немцев? Всем. Лучше спросить, какое сходство? Сходство – только фамилия немецкая, принадлежность к немецкой нации, к исторической, а на самом деле нас и не считают за немцев»^[17].

Существенную роль в самоопределении и в становлении самоидентификации российских немцев играет отношение к ним принимающего общества. Им важно, кем их считают сами немцы, в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию.

Подобной точки зрения на причины, затрудняющие интеграцию российских немцев, придерживаются многие немецкие исследователи^[18]. Они полагают, что кризис этнической идентичности – один из самых высоких барьеров на пути к интеграции в германское общество. И только преодолев этот барьер, сделав его мостом, российские немцы смогут успешно интегрироваться в германское общество.

Литература

1. **Курило О. В.** Интеграция российских немцев в Германии (этноконфессиональный аспект) // Этнографическое обозрение. – 1999. – №2. – С. 113-126
2. **Henkel R.** Binneintegration als Faktor fuer Eingliederung Russlanddeutscher Aussiedler in die Bundesrepublik Deutschland – das Beispiel zweier Gemeinden in Rheinhessen // Mainzer Geographische Studien. H. 40. S. 445-458.

[17] Женщина, 59 лет, 8 лет в Германии, работает в администрации г. Эрлангена.

[18] Dietz B., Hilkes P. Integriert oder isoliert? Zur Situation rußlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1994. S. 15-17

Wroblewska A. Die Integration der Rußlanddeutschen aus Sicht einer Forscherin aus einer Drittkultur. S. 87-88. // Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten? Zur kulturellen Integration russlanddeutscher Aussiedlerinnen und Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. Referate der Tagung des Johannes-Kuenzig-Instituts fuer ostdeutsche Volkskunde. Hrs. Retterath H.-W. Freiburg, 1998.

МОСТЫ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ ПРОКЛАДЫВАЮТСЯ В КАЗАХСТАНЕ

ЧЕРКЕЗ ОЛЬГА

Координатор проекта «Мосты добрососедства» фонда «АВО Хайматгартен» (Бремерхафен, Германия)

Организация «АВО» («Арбайтервольфарт»), которая сейчас активно развивает свою деятельность в Республике Казахстан, является одной из крупнейших общественных организаций Германии. Наряду с «Каритас», «Диаконией», «Красным Крестом» эта организация осуществляет проекты в области дошкольного воспитания, работы с мигрантами, ухода за престарелыми, помощи зависимым. Она существует более 90 лет, и возникла как организация взаимопомощи, в первую очередь для детей и семей рабочих. Особую роль в этой организации сыграли женщины из трудового класса. Женщины всегда играли важную роль в развитии семьи, в борьбе с бедностью и необразованностью, а также боролись за улучшение условий жизни рабочих. Во время Второй мировой войны все общественные организации были запрещены, и «АВО» на время прекратила свое существование.

После победы над фашизмом было решено, что забота о социально слабых группах в Германии должна осуществляться, в первую очередь, общественными организациями, а не государством. Ответственность за воспитание, внешкольное образование и социальную работу передали общественно полезным организациям. Сегодня организация «АВО» объединяет тысячи учреждений социальной направленности и действует по всей Германии.

В организации «АВО Бремерхафен» на севере ФРГ 11 лет назад возник проект «Хайматгартен», который изначально был основан как проект помощи беженцам из балканских стран, желающим добровольно вернуться на Родину после окончания боевых действий. Проект помогал им в социальной адаптации и реинтеграции. Проект, в первую очередь, был рассчитан на представителей «уязвимых групп» населения, а именно: детей и неполные семьи, пожилых и престарелых, травмированных беженцев и жертв торговли людьми. В проекте важную роль играет работа по реинтеграции, которая длится до двух лет. Основной принцип проекта – возвращение мигранта осуществляется с уважением к нему и его потребностям, по возможности выделяется финансовая помощь.

Проект «Хайматгартен» на данный момент действует во всем мире и имеет представительства в Германии и других странах Евросоюза, которые образуют сеть миграционной компетенции.

Важная часть деятельности проекта – оказание помощи для различным регионам, в том числе Косово и Украине. Многие сотрудники фонда – не коренные немцы, а мигранты, на себе испытавшие все тяготы ассимиляции в новой стране.

«Хайматгартен» сегодня представлен во многих странах мира, как в странах Евросоюза, Азии, Африке, так и в странах СНГ. Сегодня в Германии открыты офисы проекта в следующих городах: Бремерхафене, Берлине, Билефельде, Карлсруэ, Франкфурте и т. д. Приоритетным направлением деятель-

ности фонда на данный момент является работа в странах СНГ, в частности в Российской Федерации, Украине и Республике Казахстан.

1 декабря 2007 г. стартовал проект «Saturn» («Сатурн») по оказанию помощи нелегальным мигрантам, которые добровольно возвращались из стран Евросоюза (Германии, Польши, Румынии, Болгарии) в Украину. Проект «Сатурн» осуществлялся фондом Хайматгартен (г. Бремерхафен, Германия) при финансовой поддержке Евросоюза. В рамках проекта была предусмотрена помощь и поддержка жертвам торговли людьми, лицам с просроченной гостевой визой, тем, у кого отсутствуют какие-либо документы, трудовым мигрантам (гастарбайтерам), пожилым и больным, а также несовершеннолетним, оказавшимся на территории Германии без сопровождения взрослых.

В рамках проекта все желающие могли повысить профессиональную квалификацию, пройти обучающие курсы, подать заявку на первоначальную поддержку малого бизнеса (стартовый капитал), которую рассматривали финансовые менеджеры фонда. В Одессе был открыт специализированный центр, который обеспечил временное пребывание мигрантов по их возвращению из Евросоюза, их поддержку и скорейшую интеграцию в полноценную трудовую жизнь.

Проект в Одессе осуществлялся совместно с миграционной службой Одесской области. В Одессе поддержку мигрантам оказывали общественное движение «Вера. Надежда. Любовь», Диякония евангелико-лютеранской церкви, Открытый христианский университет, фонд «Партнерство», благотворительный фонд помощи беженцам и переселенцам «Сочувствие», а также многие другие общественные организации.

Другим важным проектом «АВО Хайматгартен» в СНГ стал совместный проект «АВО Хайматгартен» и правительства земли Баден-Вюртемберг. С начала 90-х гг. в Германию из СНГ переселились более 2,5 млн. так называемых русских немцев. Большинство из них приехали из Казахстана, куда были сосланы по приказу Сталина, многие из регионов, где веками жили немецкие переселенцы – с Поволжья, Сибири, с юга Украины. Судьба этих людей сложилась по-разному. Кто-то смог подтвердить свой диплом в Германии, нашел хорошо оплачиваемую работу или открыл собственный бизнес. Для большинства же Германия осталась чужой. Многие русские немцы в Германии годами живут на социальное пособие, общаются только с такими же переселенцами, и за 10-15 лет так и не выучили немецкий язык. Причин, почему переселенцы не могут себя найти на «новой» Родине, очень много. Не секрет, что дипломы большинства вузов СНГ в Германии не котируются, и русским немцам приходится либо переучиваться на новую специальность, либо доучиваться в вузе. Не стоит забывать и о усилившейся конкуренции, и о высокой безработице в Германии. Русские немцы нередко жалуются на то, что из-за разницы менталитетов не могут найти общего языка с коренными немцами – слишком разное у них прошлое, стремления, ценности. Для многих переселенцев, переехавших в маленькие уютные немецкие городки, начинается настоящая ломка. Русские немцы, жившие в Украине, в мегаполисах, жалуются на то, что им «не хватает воздуха», не хватает ритма большого города. Их удручает, что в Германии все слишком упорядоченно, слишком спокойно и прогнозируемо.

Среди тех, кто хочет вернуться, есть и старики. Многие из них не продали свои квартиры на родине, и им не хочется заканчивать свои дни в немецком доме престарелых. Они все острее чувствуют свое одиночество, хотят вернуться туда, где все говорят на родном русском языке. Некоторые не могут найти работу по специальности, украинские дипломы в Германии чаще всего не признаются, и дипломированным инженерам приходится работать

поварами на кухне, учителям – санитарями в больницах, юристам и экономистам – секретарями.

О необходимости задуматься над этой проблемой в Германии говорили много: на правительственном уровне, на съездах политических партий, но до недавних пор официальное мнение было таково: «Мы дали им все возможности для того, чтобы реализовать себя в Германии. Неужели мы должны теперь думать еще и о том, как вернуть их обратно?». Проблема назревала долго и становилась все острее. Русские немцы, живущие на социальном пособии, – это тяжкая ноша для ФРГ. Они не только получают социальную помощь, но и бесплатное жилье от государства. Первой выход из ситуации предложила земля Баден-Вюртемберг, выделившая 500 тыс. евро на возвращение русских немцев на родину. В рамках одной земли это внушительная сумма.

В рамках проекта по добровольному возвращению русских немцев в СНГ в Карлсруэ было организовано бюро, куда могут обратиться все желающие.

Руководитель бюро – Эльмар Вельт, выходец из Узбекистана, который эмигрировал в Германию в 1990-х гг., и через которого прошло немыслимое количество историй потенциальных возвращенцев. На конференции с представительницей местного правительства земли Баден-Вюртемберг Ренатой Значичек Эльмар рассказывал мне и сотруднице общероссийского фонда «Евразия» Диане Миролюбовой о русских немцах, страстно мечтающих о том, чтобы вернуться на Родину в СНГ. Некоторые из них говорят: «Лучше я буду есть сухари на Родине, чем жить в сытой Германии, где все мне чужое».

Первого ноября 2007 г. в Карлсруэ открылось консультационное бюро фонда «Хайматгартен» для помощи немцам-переселенцам, желающим вернуться в Россию, Казахстан или в Украину. На данный момент Эльмар Вельт и руководство фонда «АВО Хайматгартен» ведут переговоры с казахстанскими организациями, которые должны координировать действия мигранта в РК и оказывать ему посильную помощь в адаптации и реинтеграции.

Сегодня фонд «АВО Хайматгартен» осуществляет крупный проект Евросоюза «Мосты добрососедства».

У проекта «Мосты добрососедства» есть следующие основные цели:

- практическая помощь мигрантам;
- создание сети общественных организаций и госструктур, работающих в сфере миграции;
- проведение научных исследований, в том числе и транснациональных;
- организация «круглых столов», симпозиумов, конференций;
- проведение обучающих семинаров для журналистов и формирование портрета мигранта в прессе.

Во всех этих направлениях нашей деятельности в Казахстане есть большой потенциал. Для нас крайне важно перенять положительный опыт РК в формировании толерантного многонационального общества, объединяемого общенациональной идеей «я – казахстанец». В то время, когда в обществе Германии, России, Украины усиливаются националистические течения и расовая нетерпимость, подобный опыт просто бесценен. Казахстан – это уникальное государство, объединившее в себе черты Востока и Запада, и ставшее родным домом для представителей более 140 народов и 46 религиозных конфессий.

Мы рассматриваем многолетнюю перспективу проведения научных исследований в сфере миграции в Казахстане, с привлечением экспертов высочайшего уровня. В сегодняшнем мире силу отдельных государств и мирового сообщества следует искать именно в объединяющих идеях. Одной из таких идей может стать евразийство, постулаты которого были разработаны выдающимся ученым Л.Н. Гумилевым. Единение культур, этносов, рели-

гий, при сохранении их многообразия и неповторимости, – вот та база, на основе которой будет создано общество будущего.

Научное исследование, проводимое ведущими сотрудниками ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, направлено на изучение проблем миграции в Казахстане и в Центральной Азии в целом, взаимосвязи социальных явлений с миграционными течениями, уникальной роли Казахстана как страны приема и страны прибытия мигрантов, а также транзитной миграционной зоны.

Проект «Мосты добрососедства» – это второй крупный международный проект фонда «АВО Хайматгартен». В ходе реализации первого проекта «Сатурн» была отмечена важность работы с прессой, особенно с молодыми журналистами. Ведь именно они формируют в обществе портрет мигранта. От уровня их сознательности и толерантности во многом зависит судьба мигрантов в принимающем обществе, их интеграция и благополучие страны, в которую они прибыли. Поэтому мы планируем в будущем реализацию многочисленных проектов для молодых журналистов из стран Центральной Азии и Восточной Европы. Мы надеемся, что Евразийский национальный университет как самый авторитетный и прогрессивный вуз Астаны, вошедший в список 500 лучших высших учебных заведений мира, станет нашим постоянным партнером в этом начинании. Особый интерес для фонда «АВО Хайматгартен» представляет развитие международных связей между высшими учебными заведениями Украины, ФРГ и ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.

В июле 2010 г. в Одессе состоится обучающий семинар для социально ангажированных журналистов, юристов, социальных работников из стран СНГ. О востребованности подобных обучающих мероприятий говорит тот факт, что на 30 запланированных вакансий конкурсантов было подано свыше 200 заявок. Многообразие тем, представленных в эссе о теме миграции, позволяет говорить о том, что тема миграции останется одной из самых актуальных тем, затрагивающих все сферы общественной жизни. В числе заявителей на конкурс были и журналисты, проживающие в Республике Казахстан. Призовое первое место решением международной конкурсной комиссии было отдано журналисту Сергею Расову из г. Караганды, который успешно сотрудничает с ведущими российскими и казахстанскими СМИ. Факт того, что статьи Сергея Расова, казахстанского журналиста, были определены как лучшие из работ более чем 200 участников, подтверждает высокий уровень журналистики в Казахстане. В дальнейшем планируется регулярное проведение подобных обучающих мероприятий, включающих в себя теоретический материал (доклады признанных экспертов в сфере миграции) и практическую часть (мастер-классы международных журналистов). Мы будем рады видеть в числе заявителей казахстанских журналистов!

История Казахстана и история Германии неразрывно связаны между собой. Мы надеемся, что изучение современных процессов миграции, проведение совместных научных исследований, работа с общественными организациями РК укрепит международные связи Казахстана и Германии, а обмен опытом пойдет на благо обеим странам.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАЗАХСТАНСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И ЕС

ШЕРЬЯЗДАНОВА КАМИЛЛА ГАЛИМОВНА

Доцент кафедры внешней политики и дипломатии,
Академии государственного управления при Президенте РК, доктор PhD,
(Астана, Казахстан).

После распада СССР новые независимые государства Центральной Азии оказались под пристальным вниманием Запада. Причины этого следует искать исключительно в сфере геополитики.

Американский политолог Г. Фуллер в своей книге «Новая геополитика в Центральной Азии» (1992) актуальность региона для Запада объясняет следующим образом: 1) наличие на территории Казахстана советского ядерного оружия; 2) крупные запасы углеводородов на Каспийском море; 3) близость исламского мира; 4) неясные перспективы развития демократии; 5) российский фактор^[1]. Таким образом, эти причины оказали прямое влияние на формирование западной стратегии в отношении Казахстана, а с учетом ее модификаций – на все остальные республики Центральной Азии. Следует отметить, что Европейский союз в качестве приоритетной цели своей политики на востоке рассматривал, прежде всего, поддержку демократических институтов^[2]. Концепция ЕС в отношении СНГ базировалась на идее, что техническая и финансовая помощь со стороны Европы поможет экономической стабилизации новых независимых государств, укреплению демократии, и тем самым сведет до минимума риск дестабилизации. В самом начале формирования внешнеполитического и внешнеэкономического курса у руководств республик Центральной Азии существовало ясное осознание того факта, что Западная Европа, институты европейского сообщества являются той политической и экономической силой, которую следует учитывать при разработке стратегии внешней политики каждого государства.

При этом Президент Н. Назарбаев достаточно ясно определил важность европейского направления для Республики Казахстан. Он отмечал, что республике необходимо обратить внимание, прежде всего, на ФРГ, исходя из двух главных посылов: экономического потенциала и экономической модели этой страны, наличия крупной немецкой диаспоры в Казахстане.

Крупным прорывом в европейской политике Казахстана в 1992 г. стал визит Н. Назарбаева в ФРГ (21–23 сентября), в ходе которого были подписаны документы, углубившие экономическое и политическое сотрудничество РК с Германией. Таким образом, в 1992 г. отношения Казахстана развивались на двух уровнях: с отдельными европейскими государствами и с ЕС в целом. Главный результат этого года состоял в том, что были заложены политические основы для сотрудничества РК с ЕС и его институтами.

[1] Пар А. Энергетические ресурсы Каспийского моря // Международная политика. – 2000. – № 12. – С. 90.

[2] Независимая газета. – 1994. – 25 ноября.

Географическое расположение Казахстана и ЕС на Евразийском континенте обусловило быстрое развитие экономического сотрудничества между ними. Эти отношения были формализованы в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое вступило в силу 1 июля 1999 г. Данное соглашение является основой для политического диалога и охватывает следующие области сотрудничества: политический диалог; товарообмен (на базе режима наибольшего благоприятствования); условия бизнеса и инвестиций, включая условия труда и хозяйственной деятельности компаний; трансграничные перемещения услуг и доходов от инвестиций; защита интеллектуальной, промышленной, коммерческой и имущественной собственности, а также экономическое сотрудничество в различных областях. Данный документ закрепляет правовые основы многостороннего политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества РК с ЕС и предусматривает оказание содействия со стороны ЕС в построении рыночной экономики и углублении демократических процессов в Казахстане. Эффективность взаимодействия Казахстана с ЕС также во многом определяется рядом двусторонних соглашений в области политического, экономического и культурного сотрудничества, подписанных между Казахстаном и такими членами ЕС, как Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Швеция и др.

Уже сегодня прослеживается экономическая заинтересованность Европы в освоении энергетических и других минеральных ресурсов Казахстана. Сейчас в Казахстане работает 608 компаний из стран ЕС, из них 290 являются совместными предприятиями. Среди них такие крупнейшие европейские компании, как «Тоталфина» «Аджиш», «Эни», «Шелл», «Бритиш Газ», «Бритиш Петролиум», «Харрикейн». Со временем, в случае расширения экономического присутствия этих компаний в казахстанской экономике, возможно усиление позиций ЕС в стране и в регионе в целом. Можно сказать, что сегодня отношения РК с ЕС приобретают стабильный и долгосрочный характер.

Вступление Казахстана в ВТО является приоритетным и отражает его желание участвовать во всемирной торговле на равных правах. Европейский союз поддерживает Казахстан во вступлении в ВТО и продолжает предпринимать меры для развития торговли и инвестиций ЕС в Казахстане, в особенности посредством оказания технического содействия экономическим и законодательным реформам. Показатели развивающейся торговли между ЕС и Казахстаном положительные. Европейские компании выиграли от разнообразия экономических связей, что позволило им рассматривать Казахстан в качестве нового рынка сбыта для своей продукции. В свете этой развивающейся и уже значительной торговли Соглашение о партнерстве и сотрудничестве представляется вспомогательным инструментом для дальнейшего улучшения экономических связей между ЕС и Казахстаном.

Доля инвестиций ЕС в казахстанские проекты составляет примерно 1/4 от общего объема инвестиций в Казахстане. Причем большую часть европейских инвестиций в казахстанскую экономику сделала Великобритания (12,6 % от общего объема инвестиций), далее следуют Нидерланды (2,6 %), Германия (2 %) и Италия (1,7 %). На двустороннем уровне Германия – начиная с 1992 г. – оказала поддержку Казахстану в целом на сумму свыше 200 млн. марок: при поощрении малых и средних предприятий, осуществлении проектов для начинающих предпринимателей, а также в сфере охраны окружающей среды и здравоохранения^[3].

В силу того, что Казахстан и другие страны Центральной Азии не входят в зону традиционных геополитических интересов Европы, а также наличия

[3] Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Казахстана // Эксперт. – 2001. – № 37

множества внутриевропейских проблем стратегические интересы ЕС в отношении данного региона еще не выстроены в четкую схему. Интересы Казахстана в отношениях с ЕС заключаются в:

- широком привлечении европейского капитала для оздоровления экономики республики, решения социальных и экологических проблем;
- расширении торгово-экономических связей;
- использовании интегративного опыта ЕС в определении и проведении собственной внешней политики.

Таким образом, если в стратегическом плане ставить вопрос о полной интеграции с ЕС, то вместо ассоциированного членства, учитывая политический и экономический вес Казахстана, представляется целесообразным вести дело к формированию полноформатного трансевразийского партнерства (по аналогии с трансатлантическим партнерством между ЕС и США), к которому могли бы присоединиться и страны СНГ. Казахстан в перспективе может не только стать участником всех основных интеграционных процессов, но и взять на себя функцию своеобразного моста, связывающего европейскую и азиатскую интеграции в едином трансконтинентальном процессе.

В целом оценка ближайших и более отдаленных перспектив показывает, что Казахстан и ЕС станут стратегическими партнерами. Казахстан богат природными ресурсами, такими как нефть, природный газ, золото, уран, медь и многими другими.

Особо следует обратить внимание на политический аспект отношений Казахстана с Европейским союзом и отдельными странами Евросоюза. Они не были столь политизированы как казахстанско-американские отношения, но в некоторых случаях, как это было в 1995 г., ЕС делал попытки воздействовать на политические процессы внутри Казахстана. Но следует оговорить, что политические отношения между РК и ЕС развивались в значительно более сдержанных формах, чем с некоторыми государствами ближнего и дальнего зарубежья. Это во многом объясняет и экономическую и геостратегическую неангажированность ЕС в Центральной Азии и собственно в Казахстане. По-видимому, если экономические и геостратегические интересы ЕС в регионе были бы сильнее, то и более эффективным было бы вмешательство Европейского союза во внутреннюю политику Центральной Азии. Однако в целом стратегия ЕС является частью общей стратегии западных индустриальных государств, направленной, прежде всего, на обеспечение своих национальных интересов. Применительно к казахстанско-европейским отношениям они понимаются как заинтересованность ЕС в сохранении стабильности в Казахстане и других странах ЦАР, проведении в них глубоких экономических, социальных и политических реформ, которые должны укрепить стабильность и предсказуемость новых независимых государств. С другой стороны, политики ЕС неоднократно подчеркивали заинтересованность союза в ресурсах Центральной Азии, и особенно Казахстана, в использовании энергетических и коммуникационных возможностей региона. На реализацию этих целей была направлена активность ЕС в период 1991–1997 гг., прежде всего это касалось Каспия.

Немецкие авторы Эрхард и Твирт называют Европейский союз второй важной политической силой, которая намерена играть в Каспийском регионе собственную роль и имеет здесь свои интересы. ЕС характеризуется на сегодняшний день как невоенная держава, которая в течение последних лет уже прилагает усилия, чтобы выработать собственную коллективную внешнюю и оборонную политику. Исходным пунктом в этом направлении, как считают эти эксперты, является активность Европейской комиссии по разработке единой европейской энергетической политики и обеспечение энер-

гетической безопасности ЕС. Все это имеет самое прямое отношение к Каспийскому региону^[4].

Самым существенным изъяном политики ЕС в Каспийском регионе, как считают эти авторы, является отсутствие когерентной политической стратегии. Это означает, что предлагаемые Европейской комиссией различные аспекты стратегического наступления ЕС в Каспийском регионе фактически кладутся в Европейском совете под сукно или же существенно выхолащиваются. Причины этого лежат, во-первых, в том, что в этом органе нет единой точки зрения на будущее энергообеспечение Европы и на его взаимосвязь с проблемами безопасности и экологии; во-вторых, национальные интересы отдельных государств превалируют над общеевропейскими, а интересы нефтегазовых концернов, в свою очередь, ставятся над национальными; в-третьих, ЕС делает ставку, в первую очередь, на логику рыночных отношений и экономической целесообразности при принятии решений, чему сильно препятствует расхождение в оценках запасов углеводородов на Каспийском море, высокие инвестиционные затраты, чрезвычайно медленные процессы трансформации в государствах региона и высокий конфликтный потенциал и, наконец, низкие оценки перспектив роста потребности европейской экономики в экспорте углеводородов.

С политической точки зрения ЕС делает акцент на то, чтобы избежать создания каких-либо антироссийских альянсов в регионе, и видит будущее осуществление своих интересов в рамках тесного сотрудничества и партнерства с Россией. Однако германские эксперты подчеркивают, что в ближайшей перспективе интересы ЕС лежат не в Каспийском или в Черноморском регионах, а в обеспечении своего расширения на Восток. Лишь тогда ЕС сможет более эффективно влиять на снижение конфликтного потенциала, как на Кавказе, так и в Центральной Азии^[5].

В отличие от Вашингтона в Европе понимают, что игнорировать Москву при решении каспийской проблемы не только бессмысленно, но и опасно. По этой причине немецкие политики и эксперты из Европы внимательно отслеживают реакцию России на предпринимаемые другими государствами шаги на Каспии и сообразно этому выстраивают свою политику. В ФРГ, к примеру, не прошла незамеченной холодная реакция России на подписание пакета документов между Казахстаном и США в ноябре 1997 г., что, вероятно, наложило отпечаток на ход визита Президента Казахстана Н. Назарбаева в Германию сразу после посещения США: немецкая сторона фактически избегала разговоров о каспийской нефти.

Достаточно взвешенной была реакция ФРГ на подписание казахстанско-российского соглашения по разграничению северной части Каспийского моря в июле 1998 г. Некоторые немецкие аналитики считают, что окончательный статус Каспия остался нерешенным, что оставляет в дальнейшем руки России свободными. В то же время, немецкие эксперты пришли к выводу, что если Россия совершила пусть и вынужденную эволюцию от своей прежней позиции к прямо противоположной, это означает, что Москва боится «опоздать на поезд», т. е. к фактическому разделу Каспия. Германия может расценивать это как своего рода сигнал для активизации своей политики на Каспийском море.

При разработке своей политики в отношении каспийских энергоресурсов Германия имеет в виду еще и тот факт, что массированное привлечение в будущем углеводородной продукции из этого региона в Европу ослабит ее зависимость не только от алжирского газа и саудовской нефти, но и от поставок из России. Это поможет добиться не только более выгодных ценовых

[4] Ehrhardt G., Thwiert O. Die Rolle von NATO, EU und OSZE in der Kaspischen Region // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Woche

[5] Рахматулина Г. Г. Формирование энергетического рынка стран Центральной Азии: проблемы и перспективы // Казахстан-Спектр. – 2004. – № 2

условий, но и политических уступок от России, которой дают понять, что каспийские энергоресурсы более конкурентоспособны на мировом рынке, чем российские.

Таким образом, можно утверждать, что в ближайшие годы политика европейских стран будет направлена на локализацию претензий России исключительно в рамки партнерских отношений наравне с другими участниками проектов. В этой связи придается большое значение Европейской энергетической хартии, которая создает легитимный базис для создания обширного пространства, обладающего всеми признаками свободного рынка энергетических ресурсов и обеспечивающего защиту инвестиций в различные проекты, в том числе и в каспийские. Безусловно, что немецкий и – шире – европейский бизнес чувствовал бы себя значительно увереннее в регионе под защитой Договора об энергетической хартии. Собственно говоря, это и есть реальная цель политики ЕС на Каспии.

Таким образом, европейская политика в отношении Казахстана и других стран Прикаспия будет строиться в перспективе на постепенное вовлечение их в руло общеевропейской стратегии, базирующейся на постепенном укреплении европейских финансовых и политических институтов в регионе, использовании внутривнутриполитических процессов, связанных с демократизацией государственных моделей в странах региона, привлечении ОБСЕ для решения экологических, экономических и политических задач.

Такая политика ЕС оставляет место как для совпадения интересов со странами региона, так и для противоречий. Очевидно, что создание климата стабильности под европейской крышей, за что выступает Германия, отвечает интересам крупных инвесторов, заинтересованных в четко установленных рамочных условиях в качестве международно-правовой базы для их деятельности на Каспии. Но это не означает, что такая политика не может время от времени вступать в противоречие с частными интересами отдельных международных консорциумов, в которых участвуют страны ЦАР. Оставляет место для столкновений интересов и стремление европейцев поставить на «правовую основу» все сделки в Каспийском регионе, что в реальности может обернуться полным контролем над нефтяной деятельностью на Каспии со стороны ЕС.

Не является открытием тот факт, что до настоящего времени политика ЕС в целом и ФРГ в частности в Каспийском регионе находилась в тени политики крупных международных нефтяных картелей и представляющих их интересы Соединенных Штатов. В связи с этим политика США воспринимается зачастую как общая стратегия Запада. Однако Германия не желает, чтобы ее политика по каспийскому и целому ряду других вопросов трактовалась как проамериканская или ассоциировалась с односторонними действиями Вашингтона. Именно так можно расценить подготовленный в июне 1998 г. фракцией СДПГ в Бундестаге доклад «Регион будущего – Каспийское море». Фактически данный доклад можно расценивать как манифест тех германских и – шире – европейских политических сил, которые выражают недовольство предоставленной самому себе в одностороннем порядке Вашингтоном монополией решать судьбу Каспийского моря.

ФРГ и ЕС имеют в Каспийском регионе свои собственные политические и экономические интересы, о чем недвусмысленно заявлено в документе СДПГ. Главная цель европейских государств – сохранение стабильности в регионе, в условиях которой они могли бы наращивать свое политическое и экономическое присутствие. Европейские государства выражают недовольство тем, что их компании не имеют такого долевого участия в совместных проектах, или сравнимого с ним, как американские.

Таким образом, уже обозначено первое столкновение интересов европейских и американских интересов на Каспии, где европейцы требуют равных с американскими компаниями прав на разработку ресурсов региона. Далее – немецкие социал-демократы, озвучивая интересы ЕС, в качестве непременного условия стабильности выставляют требование учитывать интересы всех государств, в той или иной мере вовлеченных в решение проблемы каспийских энергоресурсов. К ним они относят, помимо восьми республик Кавказа и Центральной Азии, России, Турции, США и ЕС, также Китай, Иран, Пакистан и Афганистан. Однако вся политика США, в отличие от ведущих «критический диалог» с Исламской Республикой Иран (ИРИ) европейских государств, направлена именно на изоляцию Ирана от решения каспийской проблемы. В этом же направлении развивается антироссийская политика Вашингтона по минимизации влияния Москвы в регионе, что также не устраивает европейцев.

И наконец, сама манера, в которой США объявили регион «зоной своих стратегических и жизненно важных интересов», не может нравиться европейским странам, которые искренне уверены, что энергетические ресурсы Каспийского региона должны служить интересам Объединенной Европы от Атлантики до Урала^[6].

Таким образом, суть противоречий, которые могут возникнуть между США, с одной стороны, и другими государствами ЕС – с другой, в зоне Каспийского региона сводится к тому, что Европа будет наращивать требования о создании равных рамочных условий для себя и других европейских стран при благоприятном режиме защиты инвестиций, стабильности и сотрудничества. Однако для того чтобы в Каспийском регионе возник и поддерживался такой благоприятный инвестиционный климат, необходимы именно мощь и геополитическое влияние глобального масштаба, которыми пока государства ЕС не располагают и которые принадлежат только Соединенным Штатам. Вполне вероятно, что мнимые и истинные противоречия между ФРГ и США сгладятся перед необходимостью выступить единым фронтом для защиты интересов индустриального мира, нуждающегося в новом притоке энергоресурсов. Это можно будет понимать как единую стратегию Запада в отношении будущего Каспийского региона.

Для республик ЦА, на наш взгляд, по ряду причин представляется целесообразным усиление европейской активности на Каспийском море. К ним можно отнести следующие:

1. В рамках интеграционной концепции ЦАР и многовекторной внешней политики укрепление позиций Европейского союза было бы желательным в контексте создания противовеса чрезмерному влиянию США и России и в перспективе – КНР.
2. Экономическое вовлечение европейских государств в Каспийский регион способствовало бы интенсификации экономических отношений в целом между ЦАР и ЕС, более полной реализации экономических программ ЕС по оказанию помощи местным республикам и их дальнейшему расширению.
3. В лице стран ЕС государства ЦАР, как и другие производители энергоресурсов в регионе, получили бы гарантированного потребителя своей продукции на несколько десятилетий вперед в рамках создания единой европейской энергетической системы, что предусмотрено Договором об энергетической хартии.
4. Соединение энергетических систем ЕС и Каспийского региона может благотворно отразиться на развитии коммуникаций и общего экономического уровня стран ЦАР.

[6] Жумалы Р. Геополитика Центральной Азии. – Алматы, 2006. – 515 с.

5. Активное сотрудничество с европейскими странами будет способствовать укреплению стабильности на постсоветском пространстве, с одной стороны, и резкому уменьшению риска возникновения конфронтации – с другой.

Немецкий политолог Александр Рар делает акцент на то, что новый ЦАР находится пока в зачаточном состоянии, он будет частью дифференцированного геополитического пространства, в котором активную роль станут играть Китай, Иран, Турция, Пакистан и Индия. Регион будет оказывать влияние на идентичность и интересы стран в XXI в. ЦАР не является гомогенным регионом: «Хотя ее страны по большей части исламские, они не придерживаются одной-единственной этнической, культурной или религиозной традиции. Освоение энергетических ресурсов станет для многих, но не для всех из них, ключевым экономическим фактором. Немоощь государства и гражданского общества широко распространена в регионе, но в действительности она обуславливает продолжающийся упадок и нарастающую дифференциацию». Учитывая слабость региона, следует поддерживать центральноазиатский диалог с участием Китая, России, Турции и Ирана.

По поводу интересов ЕС в регионе А. Рар отмечает, что ЕС не выработал единую внешнюю политику по отношению к ЦА и Каспийскому региону^[7]. Роль Каспийского региона, по мнению А. Рар, заключается в следующем:

- запасы нефти на Каспии не стали серьезной альтернативой Персидскому заливу;
- до сих пор проблематична транспортировка энергоносителей;
- нестабильность прикаспийских государств – авторитарные, коррумпированные режимы;
- иностранные инвестиции направляются только в энергетический сектор, но не в инфраструктуру региона. Однако страны Среднего Востока рассматривают Каспий в качестве конкурентов, поэтому поддерживают исламских экстремистов на Каспии.

Борьба за энергоресурсы на Каспии может пойти как по интеграционному, так и по конфронтационному сценариям. Стабильность Каспия не должна зависеть от объема энергоресурсов. Россия, США, ЕС, Турция и Иран могут создать процветающий региональный рынок, но в случае негативного развития ситуации все достижения будут сведены к нулю в результате наступления исламского фундаментализма, великорусского империализма или национального авторитаризма^[8].

А. Рар настаивал на особой ответственности ЕС в стабилизации Каспия, т. к. ЕС мог бы внести важный вклад в формирование стратегического альянса. Свои взгляды он изложил в докладе Германского общества внешней политики и разработал так называемый Стабилизационный пакт для Каспийского моря. В нем он освещает такие вопросы, как укрепление сети транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад, укрепление демократии и рыночной экономики. По мнению немецких экспертов, проблема Каспия носит европейский характер, так как участие прикаспийских стран в Договоре об энергетической хартии ЕС и их прием в различные европейские структуры – Совет Европы, ОБСЕ – создает такую степень привязанности к Европе, которой страны Персидского залива не располагают.

Европа и Центральная Азия по разным причинам заинтересованы в освоении месторождений нефти и природного газа в регионе. Региональная стабильность является одной из существенных предпосылок для того, что-

[7] Евразийская стратегия суверенного Казахстана / под ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ, 2005. – С. 29.

[8] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – С. 124.

бы иметь возможность сбывать добытое сырье с помощью безопасных транспортных путей.

О массовом привлечении немецких и в целом европейских инвестиций в разработку энергоресурсов Каспийского региона можно будет говорить только в среднесрочной перспективе. Для ЦАР это будет актуально, когда экономика ЕС почувствует нехватку нефтегазовых ресурсов, поступающих из Северного моря, если не произойдет широкомасштабного политического кризиса на Ближнем Востоке, прогнозируемого некоторыми западными экспертами. Однако уже в ближайшее время необходимо, на наш взгляд, заложить политический фундамент под будущие экономические соглашения, которые будут определять стратегию ЕС в Каспийском регионе.

Дегенмен, БІЗ АМАН ҚАЛДЫҚ...

Біз тірі куәгерлер тұрғысынан тарихи оқиғаларды жария ететін ауызша айтылған әңгімемен байланысты жобалар бойынша өткізілген сұхбаттарды жариялау шеңберінде «Ауызша тарих» атты жаңа айдарды ашамыз. Оның негізгі мәні - қарапайым адамдардың ауызша баяндауымен оқиғаны жеткізу.

Сұхбат 1940 жылдары үш жасында отбасымен Қазақстанға жер аударылған, тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстанның еңбек сіңірген мәдениет қызметкері, ресейлік немістердің қоғамдық қозғалысының Федералды Үйлестіру Кеңесінің «Ресей немістерінің мәдениеті» журналының бас редакторы В.А. Ауманнан алынған болатын. Осы сұхбат Қазақстан халқы Ассамблеясы және ТМД қатысушы-мемлекеттердің Мемлекетаралық гуманитарлық әріптестік қорының қолдауымен өткізілген «1930-1950 жж. халықтарды Қазақстанға жер аудару: тарих ортақтығы» тақырыбындағы халықаралық әлеуметтік жобаның шеңберінде жүргізілген болатын. Сұхбат нәтижесі ретінде көрініс тапқан жоба (жетекші - Полян Павел Маркович, география ғылымдарының докторы, профессор) ӘСЗИ-Қазақстан (Астана, Қазақстан), ЦЕССИ-Қазақстан институтымен (Астана, Қазақстан) және Көші-қон зерттеулер орталығымен (Зайончковская орталығы, Мәскеу, Ресей) бірлесіп жүзеге асырылған. Жобаның негізін құраған басты идея – 1930-50 жылдары Қазақстанға жер аударылғандар туралы тікелей осы үдеріске қатысушылардың өздерінен ақпарат жинау. Бұл бірегей тарихи ақпаратты жинауға 13 елден (Қазақстан, Ресей Федерациясы, Армения, Белорусь, Қырғызстан, Тәжікстан, Өзбекстан, Әзірбайжан, Молдова, АҚШ, Германия, Польша, Түркия) жиналған 70 сұхбаттан тұратын мәліметтер базасын жасауға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында Қазақстанға жер аударылып, қазіргі уақытта Қазақстанда немесе басқа елдерде тұратын немістер, поляктар, еврейлер, шешендер, ингуштар, балкарлар, қырым татарлары, түрік-месхеттері, қалмақтар, корейліктер, күрдтер және т.б. этникалық топ өкілдеріне сауалнама жүргізілді.

Жоба нәтижелері бойынша «1930-1950 жж. халықтарды Қазақстанға жер аудару: тарих ортақтығы» атты фильм түсіріліп, Достастық елдерінің бірінші халықаралық тарихшылар форумы шеңберінде 2010 жылдың 28-29 мамырында Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде өткен «Тарихтан – қазіргі заманға дейін» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясында ұсынылды және 31 мамыр – саяси қуғын-сүргіндерді еске алу күні «Хабар» телеарнасынан көрсетілді. Саяси қуғын-сүргіндер, тың игеру және т.б. туралы жобаларды жүзеге асыру жоспарланып отырған «Ауызша тарих» (Oral history) ӘСЗИ-Қазақстан жобаларының қатарындағы алғашқылардың бірі болып табылады.

Расскажите, пожалуйста, как затронула депортация Вас и Вашу семью? Как это было?

Я хочу сказать, что депортация затронула, конечно, всю мою семью. Во-первых, отец сгинул в Трудармии: на начало войны он был в Советской Армии, а когда вышел Указ от 28 августа 1941 года, его, как и всех остальных, отправили в трудармию, откуда он не вернулся, и я потерял отца. Депортирован я был с матерью, из Украины, Запорожской области. Есть там и сегодня хутор Александровский, который тогда был немецким районом, немецким селом Александргейт. И вот маму мою, родственников, нас всех, у меня еще была сестренка, выселили. Ссылка шла в этих телятниках – ужасно долго, никто ничего не знал. Но, в конечном счёте, мы попали в Құстанайскую область, Казахстан, Федоровский район, село Банновка.

WE SURVIVED

it nevertheless

We are opening a new column – «Oral history». Periodically, we will publish the interviews under the projects that will be related to oral history, illustrating historical events from the point of view of its living witnesses. The entity of the project is to show the history through the eyes of average people.

This is the interview of V.A. Auman, the candidate of Historical Science, the Honored Cultural Professional of Kazakhstan, and the head editor of the magazine «The culture of Germans in Russia» under the Federal Coordination Board of the social movement of the Germans of Russia. In 1940s, at the age of 3 he with his whole family was deported to Kazakhstan. The interview was conducted within the framework of the international sociological project «Peoples' Deportation to Kazakhstan in 1930-1950: History Commonness» with support of Assembly of People of Kazakhstan and Intergovernmental Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS States. The project became possible because of the cooperative work of ISPR-Kazakhstan (Astana, Kazakhstan), CESSI-Kazakhstan (Astana, Kazakhstan) and the Center of Migrating Research (The Center of Zainchkovskoi, Moscow, Russia). One of the results of this project became this interview. The basic idea that became the foundation of this project is the retrospective data collection about deportation to Kazakhstan in 1930s-1950s from the process participants. This approach allowed us to collect unique historical information and create a base of 70 interviews that was conducted in 13 countries (Kazakhstan, Russian Federation, Armenia, Byelorussia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Azerbaijan, Moldova, the USA, Germany, Poland, and Turkey). The scientific consultant of the sociological study is Polyana Pavel Markovich, Ph.D in Geography, Professor. The interviews were held with the representatives of the ethnic groups like Germans, Poles, Juwes, Ingushes, Balkarians, Crimean Tatars, Meskhetins, Kalmyks, Karachays, Koreans, Kurds who were deported to Kazakhstan and at the present moment they live either in Kazakhstan or in other countries.

On the basis of the project's results was created the documentary movie «Peoples' Deportation to Kazakhstan in 1930-1950: History Commonness» that was presented at the first International Forum of Historians of the CIS states – international scientific conference «From History to Modernity» (that was held in May 28-29 2010 at the Eurasian National University of L.N. Gumilev). Also it was shown at the national channel of Kazakhstan «Khabar» on May 31st - Memorial Day for Victims of Political Repressions. The project will become the first one in the series of the projects of ISPR-Kazakhstan within the framework of the column «Oral history». Also it is planned to carry out projects about political repressions and reclamation of the primitive soils.

Моя мать была религиозным человеком, уже через много лет, когда начался процесс выезда в Германию, опасаясь, что мы её покинем или тоже уедем, очень часто мне говорила: «Ты – старший, и я хочу, чтобы ты знал, меня сюда выселили, и я не хочу никуда уезжать. Вот когда я здесь умру, вы меня похороните, и тогда можете делать что хотите».

От голода в 1942 году умерла моя сестренка.

Хочу отметить одну особенность: репрессии против российских немцев, репрессии по национальному признаку, отличались большой жестокостью и особенно по отношению к людям, которые попадали в Трудармию. Это было жестче, чем за тюремной решеткой – со всеми атрибутами, собаками, колючей проволокой и т. д. В 1944 году вышел новый Указ по немцам, по которому на трудовые работы в трудармию брались не только мужчины, но и

Мы все-таки УЦЕЛЕЛИ...

Мы открываем новую рубрику «Устная история», в рамках которой будем периодически публиковать интервью по проектам, связанным с устной историей, освещающим исторические события с точки зрения её живых свидетелей. История глазами простых людей – вот её суть.

Интервью с В.А. Ауманом, кандидатом исторических наук, заслуженным работником культуры Казахстана, главным редактором журнала «Культура немцев России» Федерального координационного совета общественного движения российских немцев, в 1940 гг. депортированного в Казахстан вместе со своей семьей в трехлетнем возрасте. Интервью было взято в рамках международного социологического проекта «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», проведенного при поддержке Ассамблеи народа Казахстана и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС). Проект (научный консультант проекта – проф. П.М. Полян, д-р геогр. наук), одним из результатов которого стало это интервью, осуществлен ИСПИ-Казахстан (Астана, Казахстан) совместно с Институтом ЦЕССИ-Казахстан (Астана, Казахстан) и Центром миграционных исследований (Центр Зайончовской; Россия, Москва). Главная идея, которая легла в основу проекта – ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930-50 гг. от непосредственных участников процесса. Это позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из 80 интервью, собранных в 13 странах (Казахстан, Российская Федерация, Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Молдова, США, Германия, Польша, Турция). Во время исследования опрашивались представители этнических групп – немцы, поляки, евреи, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, калмыки, карачаевцы, корейцы, курды и др., которые были депортированы в Казахстан, и в настоящий момент проживают в Казахстане или в других странах.

По итогам проекта также был снят фильм «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», представленный на Первом международном форуме историков стран Содружества – международной научно-практической конференции «От истории – к современности» (28-29 мая 2010 г., Астана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева) и показанный национальным казахстанским телеканалом «Хабар» в День памяти жертв политических репрессии – 31 мая. Сам проект станет первым в серии проектов ИСПИ-Казахстан «Устная история» (Oral history), в рамках которой планируется осуществить проекты о репрессированных, освоенных целинных земель и др.

женщины-немки вплоть до 14 лет, потому что был исчерпан ресурс призыва. А если были женщины, у которых были дети, то детей надо было сдать в колхоз, или если были три женщины-родственницы, то они оставляли своих детей одной, а две уходили в Трудармию, и вот моя мать, одна из трех сестер, осталась с 9 детьми. Я никогда не забуду это выселение. И, может быть, именно после этого я очень много занимался национальным вопросом, потому что я понял, что в самом народе люди не делятся по национальному признаку. У меня из памяти никогда не выходит такой вот эпизод: насильно, без спроса, меня, мою маму, и ещё 8 детей и бабушку, поселили в семью, к женщине по фамилии Горковенко. У неё было двое своих детей, но был большой дом, муж воевал на фронте, это, представляете, насильно немцев вселили, а у нее муж на фронте. И она приняла нас, не выгнала, делилась не толь-

ко своей жилплощадью, но и чем могла. Пахали на коровенке землю – у этой тети Дуни Горковенко была своя коровёнка, и в 1944 году коровенка упала и сдохла. Она сама шла за плугом и сказала: «Вот в этот плуг запрячь Сталина и Гитлера, может быть войну бы кончили». Кто-то донес, и эту женщину в начале 1945 года забрали, и в 1955 году, отсидев 10 лет, она вернулась. И вот всю тяжесть этой объединенной семьи взяла на себя моя мать. У нас в немецкой части семьи умерло трое из девяти детей, в том числе моя младшая сестренка. Двое детей этой тети Дуни 10 лет мою маму называли мамой. И вот вернулась их родная мать, здоровье ее было подорвано в тюрьме, и она умерла. Потом эти дети Горковенко выросли, и когда умерла моя мама, ровно 10 лет назад, на похоронах ее больше всех плакал Иван Горковенко. У него спросили, почему он так плачет, и он сказал: «Я хороню свою маму». Понимаете... Я этот эпизод рассказываю потому, что, в принципе, ужасным было выселение, и я придерживаюсь и всегда придерживался мнения, что благодаря народам разных национальностей Казахстана, благодаря тому что, нас, немцев, выселили именно в Казахстан, во многом мы все-таки уцелели. И хотя в моем случае дело касается украинской фамилии, очень много я мог бы рассказать случаев, когда репрессированных, ссыльных немцев гостеприимно принимали казахи.

А если подводить итог, как нас все это коснулось и касается еще и сегодня, то эхо этих незаконных репрессий по национальному признаку все еще называется. Вот мы только что отпраздновали 65 лет Великой Победы. Я будучи уже в немецком общественном движении, и до этого, имел возможность видеть, что последствия тех репрессий, сказываются и сегодня. Мы видели, каким вниманием были окружены участники ВОВ, хотя в последнее время по телевизору показывают, что при всем внимании со стороны официальных властей, Президента, Премьера и прочее, в непраздничные дни к ним не всегда хорошо относятся. Но вот 65 лет, юбилей, а у меня есть имена и фамилии людей, бывших трудармейцев, они служили в армии, потом их выгнали из-за национальности из армии. И о них не вспоминали как об участниках ВОВ, им не приносили цветов, им не дарили никаких подарков, и очень многие были забыты. То есть репрессии, к сожалению, не ушли в прошлое, и в этом ответ на вопрос, почему немцы хотят реабилитации. Вроде все реабилитировано, но нет, не все.

Что Вы знаете о начале ссылки, ходили ли какие-то слухи, было ли что-то известно? Как это было?

Если Вы знаете, то официальным поводом для высылки немцев стал Указ о выселении немцев с Поволжья от 28 августа 1941 года, под предлогом того, что существуют якобы группы диверсантов, которые готовы в любое время выступить на стороне наступающих фашистских войск и т. д. Позже, спустя много лет, вынуждены были признать, что эти обвинения были беспочвенны и надуманы. Что касается моей мамы и тех, кого выселили с Украины, то слухов никаких не было. Немцы идут, и никто не разбирался. В этих условиях, что там разбираться? Раз фашисты подходят, то вполне возможно, что немцы будут предателями, они перейдут на их сторону. Я хочу сказать, что уже опубликованные документы свидетельствуют о том, что среди немцев не было перебежчиков, не было врагов. Все это было надумано, и их выселили только за национальную принадлежность.

И еще я хочу Вам рассказать о том, как я пострадал из-за ссылки. Вы помните, что вторым этапом репрессий против немцев было решение о контроле немцев в местах высылки, когда был введен статус комендатуры. Надо было, если ты немец, ссыльный, равно как и поляк, и уйгур, приходиться периодически к коменданту и регистрироваться. Даже в соседнее село сходить без разрешения коменданта было нельзя. У меня в этой семье из девяти немецких детей, был двоюродный брат, которому было 12-14 лет и он без разрешения коменданта ушел в соседнюю деревню, и комендант его закрыл в сарае. А для меня этот двоюродный брат был вместо отца. Он нас всегда защищал. И у нас была игрушка, шарик такой, как бильярдный – из шарикоподшип-

ника от трактора. Я взял этот шар и когда комендант подошел объявить, что именно брат нарушил, кинул и попал ему в лицо. Глаз у него набух, но, слава Богу, уцелел. Комендант меня поймал, шестилетнего, и избил так, что я два дня потом харкал кровью, и на всю жизнь он мне внушил, что я немец. Когда меня спрашивают: кем ты себя чувствуешь? Я говорю: я чувствую себя немцем. Вот именно с того момента. Потому что он меня когда лупил, приговаривал: «Я тебе покажу малый фашист, как поднимать руку на коменданта». И вот с тех пор, с этого 6-7-летнего возраста, я всегда задавал себе вопрос: почему я малый фашист? И вообще, почему я фашист? Почему я – немец и вдруг фашист? И все это привело меня к изучению истории. И я и на сегодняшний момент занимаюсь проблемами российских немцев. Вот уже, казалось бы, надо отдыхать, а я хожу сюда, в российско-германский дом – на общественных началах, пишу книги, занимаюсь реабилитацией российских немцев. Я считаю, что до сих пор немцы не реабилитированы до конца. Это не значит, как нам приписывают иные, что мы хотим возвращения республики на Волге. Нет, республика нам не нужна. Мы понимаем политику российского правительства, которое сужает национальные районы, объединяя, укрупняя их, и так далее. Мы хотим реабилитации, мы хотим еще одного Указа, в котором бы нынешняя российская власть признала, что депортация была неверной, что она извиняется перед этим народом, и что те, кто пострадал от этих репрессий, в полной мере получают то уважение, которого они достойны, как это уже делается по отношению к участникам войны. Я хочу сказать крамольную вещь: те 600 тысяч немцев, которые остались, сегодня ни в чем не ущемлены по сравнению с другими. Я, например, через своих внуков, и даже через своих детей, крепко переплетён с другими национальностями. Российские немцы – самые интернациональные, у них много межнациональных браков.

И с этим связано, что сейчас уезжают в Германию по «немецкой» миграции члены семей – не немцы по национальности.

Да это так – Адлер, оказывается Ким, и так далее. Дело в том, что, конечно, причин много – репрессии продолжались, и чтобы не дать ребенку немецкую фамилию, выходили замуж за представителей другой национальности – за русских, украинцев, казахов.

Сегодня немцы, наполовину или стопроцентные немцы, ничем не ущемлены по национальному признаку. Сегодня, если у тебя есть голова и есть деньги в кармане, национальность не играет роли. Но есть последствия тех репрессий, и эти последствия надо разрешить. Более того, есть тема Второй мировой, последствия Второй мировой – и это проблема для российских немцев, их роли в ней. И это тоже надо определить и четко все разграничить и решить.

Российские немцы – один из народов России. Они здесь родились. Когда нужно было, то немцев позвали, и они работали в России и защищали Россию, и Россию, в том числе усилиями немцев, расширяла свою территорию, где оседали немцы. Затем, когда нужно было защищать свою новую Родину, российские немцы её защищали – и во времена Пугачева, и в 1914 году и даже в 1941 году сколько было героев... Наконец мы, как и все в годы советской власти, получили автономию, Республику. Эта республика была передовой, этому есть много свидетельств. Поэтому российские немцы – отдельный народ, это уже не те немцы, что живут в Германии, они уже и вести себя не могут так, как германские немцы, и пить не могут так, и есть не могут так, и работать. От многонационального конгломерата они унаследовали и худшее и лучшее. Посмотрите строительство даже в самой Москве, сколько зданий построено немцами или с их помощью, посмотрите музыку – везде они оставили глубокий след, и важнейшая ошибка то, что у нас нет национальной политики. И поэтому есть Чечня, Ингушетия. Должно быть Министерство национальной политики. Должны быть возможности создавать учебные заведения, где можно было бы формировать элиту кадров, знающую немецкий язык, возможность создать хоть один театр. Ведь в Республике было 14 те-

атров! Дайте возможность иметь свою прессу, издательство. Но государство должно поддерживать это желание, всё это не должно быть на общественных началах, не зависеть только от денег предпринимателей. Нет школы на немецком языке. В отношении немцев, от этих проблем не надо закрываться. Рано или поздно это вызреет в серьёзную проблему. Вот, кстати, замечу, в этом плане у Казахстана большие достижения. Они занимают национальными проблемами, например Ассамблея народа Казахстана. Этот опыт надо бы принимать. Национальная политика в Казахстане есть, благодаря этому нет ни событий подобных событиям в Киргизии, и не будет. Потому что немцы, корейцы, уйгуры в Казахстане и т. д. – они удовлетворены. Может быть не так, как хотелось бы, но это уже другое дело. И вот с этой точки зрения, я считаю, что реабилитация – это значит дать возможность народу, при государственной поддержке, развивать свои национальные традиции, культуру, обряды, менталитет свой, ковать свою национальную элиту. Она сейчас отсюда вся выехала – писатели, поэты, преподаватели немецкого языка. Мало осталось.

То есть реабилитация это не бумажка, а возможности.

Да. Это возможность народа саморазвиваться, и сохраниться как народ. Мы не просто немцы, мы – российские немцы.

Что Вы бы могли сказать своим потомкам – немецким потомкам, и тем, с кем Вы рядом живете, что бы Вы могли пожелать, учитывая тот страшный опыт, который обрели Ваши родные и Вы, прожив жизнь здесь, очень нелегкую жизнь?

Ну, во-первых, я хочу сказать, что мне очень приятно любое упоминание о Казахстане. Родина – это не что-то аморфное. Родина – это как мать. Родина – это то, где ты родился, где ты состоялся, где ты получил образование. Для меня, однозначно, Родина – Казахстан. Трехлетним я туда попал, и он стал мне Родиной.

Второе, я считаю, что должна быть национальная терпимость и национальное самоуважение. Нет причин для вражды между нациями, и всю эту вражду, все проблемы создают власть предрешающие. Мы все спаслись, мы сохранились, нас не полностью уничтожили, благодаря единству всех народов бывшего Советского Союза. И не надо между народами сеять вражду, и считать, что есть непреодолимые преграды. Можно всегда найти, несмотря на религиозные и прочие различия, в чем мы едины. А едины мы независимо от наций, от религии в желании жить в мире, дружбе, в любви, достатке, и это основа. Поэтому я считаю, что конфронтация и вражда между народами – это самое опасное. Надо искать пути сосуществования, где бы ты не жил. Тут много общего с единой Европой, проблемы, и прежде всего в национальных делах, надо решать мирным путем. Конфронтация, война приводят к трагедии.

Спасибо Вам большое.

Ақши драмасын жариялай отырып, біз журналдың «Өткен мен бүгін» атты жаңа айдарын ашып, кеңес заманда экономикалық тәуелділікті мойындамай, сөзімен ғана емес, ісімен де тәуелсіз болуға тырысқан адамдарға деген құрметімізді білдіреміз. Ұйымдастырушылар үшін қасіретпен аяқталған экономикалық эксперимент Қазақстан үшін де, КСРО үшін де үлкен тарихи сабақ болды, себебі икемсіз жоспарлы жүйеден тыс экономикалық бастамалар өте қауіпті болды. Ерекше экономикалық өнеге болатын жағдай туралы материалдар көптеп жинақталып, мақала авторлары В.И. Переведенцев және В.Д.Белкин толыққанды кітап шығаруды жоспарлап еді, бірақ, өкінішке орай жазылған мәтіндердің шамалы бөлігі ғана жарық көрді. Дегенмен, 1987 жылы «Литературная газетада» шығып, Қазақ КСР-да ондаған жылдар бойы жүзеге асырылған батыл экономикалық экспериментті сипаттайтын біз жариялап отырған мақала оқырмандар үшін өте өнегелі әрі қызықты болары сөзсіз.

Жаңа айдар шеңберінде тарих болып есептелсе де, бүгінгі таңда өзекті болып табылған материалдарды жариялап отырамыз.

ДРАМА АКЧИ

1. **Драма Акчи.** В. Белкин, В. Переведенцев

2. **Читатели и чиновники.** В. Белкин, В. Переведенцев

В. БЕЛКИН, В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

ДРАМА АКЧИ^[1]

Как был загублен уникальный эксперимент, почему важно знать о нем сейчас и по каким причинам его надо широко распространить

Недавно редакция «Литературной газеты» пригласила нас на просмотр документального фильма. В зале было лишь несколько ученых и литераторов, да и фильм не новый, с названием вполне ординарным: «Человек на земле». Это дипломная работа украинского режиссера Р. Демина, по сценарию Э. Дубровского снятая еще в 1969 году. С тех пор, целых восемнадцать лет, фильм пролежал в архиве, о нем забыли все, кроме авторов. И сотрудники «ЛГ» не очень надеялись на успех, когда попросили своего украинского собкора К. Григорьева заняться поисками пленки. Вдруг где-нибудь сохранилась хотя бы одна копия?! Оказалось, что именно одна и сохранилась, лента вообще никогда не тиражировалась, хотя, как режиссер нам рассказал, ее привозили по завершении съемок в Москву, показывали и в Госкино, и в самых высоких инстанциях. Даже руководители государства ее тогда посмотрели. «Дело прежнеевременное» — это был приговор, конечно, не фильму, а эксперименту, которому картина посвящалась.

Мы увидели на экране два хозяйства, два полярно противоположных подхода к крестьянскому труду. Одно расположилось на земле Украины. И людей здесь много, и техники в достатке, и вполне налажен быт. Но отчего та-

[1] Литературная газета № 14, 1 апреля 1987 г.

With the material about the play «Akchi», which opens a new column in our magazine, we pay tribute to those who did not want to put up with and did not at the end with the economical dependency during the Soviet times, who strived to be independent not only in words but in deeds too. The economic experiment that ended tragically for its organizers is very revealing to the Soviet era - both for Kazakhstan and for the whole USSR, when economic initiatives outside of the slow planned monster-system were deadly dangerous. There was a lot of material on this unique economic precedent and the authors of the reprint article – V. I. Perevedentsev, V. D. Belkin would release a fully-featured book, but the circumstances worked out the way that made them to publish only a small part of the total written text. Nevertheless, we strongly believe that the articles we reprint in our magazine, published in the «Literature Newspaper» in 1987, that generally outline a bold economic experiment, carried out by a few decades ago in the Kazakh SSR, are very instructive and worthy of our readers' attention.

Within a framework of a new column we plan to publish material that seems relevant to us now, despite the fact that they have already become a history.

кие равнодушные лица, вялые взгляды? Чуть ли не к каждому трактористу приставлен контролер, дотошно проверяют учетчики глубину вспашки, количество обработанных гектаров. Механизатор смотрит на кропотливую их работу отстраненно, безучастно. Не хозяин он, а поденщик. Но вот на экране возникли сцены жизни другого совхоза – в Акчи. Голая, в те годы еще плохо обжитая казахстанская степь. Но какие живые лица у механизаторов! Они с удовольствием и работают, и спорят, обсуждая дела на завтра. У них подряд, самоуправление. В конце шестидесятых! Тучный человек в клетчатой рубашке – Иван Никифорович Худенко – что-то рассказывает, энергично жестикулируя, улыбается... Мог ли тогда Иван Никифорович предположить, что его родное детище, эксперимент в Акчи, грубо растопчут, а сам он умрет, отбывая наказание, определенное ему судом?

Не с безвестным человеком, затерявшимся в жизни, случилось такое, а с автором популярной идеи, за развитием которой с интересом следили ученые и публицисты. О И. Н. Худенко и эксперименте в казахстанском совхозе в Акчи не раз писали в те годы и в «Литературной газете». Этот опыт стал публицистическим открытием Владимира Кокашинского («Эксперимент в Акчи», «ЛГ», 21 мая 1969 г.). Он вместе с социологом Н. Алексеевым проводил впоследствии изучение общественного мнения по проблемам самоуправления и хозрасчета («Земледельцы сами о себе», «ЛГ», 4 марта 1970 г.). А затем сюда же «Литературная газета», уже по печальному поводу, послала для спасения дела экономистов, финансистов, юристов. Увы, борьба закончилась поражением общественности, трагедией Худенко.

В те застойные семидесятые глушились многие славные начинания. Искалеченная судьба Ивана Никифоровича и погубленное дело его жизни были не единственным примером. Творческим, активным людям не хватало воздуха. Бюрократы отказывались их понимать. После долгих гонений и притеснений экспериментальный совхоз ликвидировали, а спустя два года Худенко и его сподвижники пошли под суд.

...Из выручки от продажи продукции государству экспериментаторы возмещали затраты на горючее, удобрения, запчасти и другие расходы, связанные с эксплуатацией всех видов техники. Оставшийся доход поступал в полное распоряжение хозяйства. Из него оплачивали труд, на него строились, обзаводились имуществом. Высшим органом управления был совет звеньевых, которому и дирекция («управленческое звено» из двух человек: директора М. Ли и экономиста-бухгалтера И. Худенко) полностью подчинялась. Совет – совхозный законодатель, а дирекция – исполнительная власть. Так

Этим материалом о драме Акчи, открывая новую рубрику журнала «Прошлое и настоящее», мы отдаем дань памяти тем людям, которые в советские времена не хотели мириться и не мирились с экономической несвободой, старались быть независимыми не только на словах, но и на деле. Экономический эксперимент, окончившийся для его организаторов трагически, очень показателен для советского времени – как для Казахстана, так и для СССР в целом, когда экономические инициативы вне неповоротливой плановой системы-монстра были смертельно опасны. Материала об этом уникальном экономическом прецеденте было собрано много и авторы перепечатаваемой статьи – В.И. Переведенцев и В.Д. Белкин хотели выпустить полноценную книгу, но обстоятельства сложились таким образом, что лишь небольшая часть от общего объема написанных текстов увидела свет. Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, перепечатаваемые нами статьи, опубликованные в «Литературной газете» в 1987 г., в целом обрисовывающие смелый экономический эксперимент, осуществленный несколько десятков лет назад в Казахской ССР, очень поучительны и достойны внимания наших читателей.

В рамках новой рубрики мы намереваемся время от времени публиковать материалы, которые кажутся нам актуальными и сейчас, не смотря на то, что они уже стали историей.

было заведено. Производительность труда в опытном хозяйстве в Акчи была в шесть раз, а заработки втрое выше, чем в обычных совхозах.

Почему мы возвращаемся сейчас, в период всенародной перестройки, к «Акчи»? Эксперимент этот, по нашему глубокому убеждению, не прошлое, а будущее советского сельского хозяйства. И в экономическом, и в социальном смысле. Не только для торжества справедливости должно быть восстановлено сделанное в Акчи, но и для оплодотворения его опытом современных усилий нашего агропрома. В ходе нынешней перестройки не должна повториться нигде трагедия Акчи – эта миссия общественного предостережения тоже вынуждает нас, отложив другие дела, взяться за перо. Ведь и мы, авторы этих заметок, были участниками событий, развернувшихся далеко от Москвы.

В мае 1971 года «Литературная газета» направила в Казахстан общественную комиссию, поручив ей разобраться в сложившейся ситуации и по возможности ее исправить. Мы были в ее составе вместе с известным финансистом В. В. Ивантером и драматургом А. Ашимовым (Акимом Тарази). Изучали обширную документацию, беседовали со сторонниками и противниками эксперимента, руководителями всех уровней, так или иначе к нему причастными. К счастью, вели дневниковые записи, которые сейчас пригодились.

Схватка

Чтобы не поддаться обаянию И. Н. Худенко, не быть пристрастными, свое расследование мы начали, помнится, с противников.

Возглавлявший в то время Министерство сельского хозяйства Казахской ССР М. Г. Рогинец адресовал нас к начальнику управления труда и зарплаты В. И. Меркулову. Тот не скрывал досады:

– Опять эти легенды об Акчи! Вам следовало бы ознакомиться с документами, а не слушать дифирамбы от третьих лиц и самого Худенко.

Нам вручили две пухлые папки. До Акчи подобный эксперимент уже проводили в трех совхозах. Последний из них – «Илийский». Как закоренелые статистики, сразу взяли мы выписывать цифры. Оказалось, что в первом же году работы по безрядной системе сбор зерна в «Илийском» увеличился в 2,3 раза, а численность работников в полеводстве снизилась с 863 до 85 человек. Вот тебе и «легенды»!

Дальше – больше. Листаем документацию об Акчи. Здесь эксперимент, что называется, был уже в чистом виде: заработки прямо и непосредственно связаны с личным трудовым вкладом. На этот раз Худенко буквально на «голом месте» создал небольшой по числу работников новый совхоз. Официально назвали его Опытным хозяйством по производству травяной муки. Эксперимент и его условия согласовали с союзными ведомствами: Комитетом по труду, Центральным статистическим управлением, Министерством финансов, Госбанком СССР. Научным руководителем назначили заместителя министра сельского хозяйства республики, члена-корреспондента АН Казахской ССР А. Е. Елеманова, до конца жизни оставшегося неутомимым сторонником и защитником дела «Акчи». Сохранилось письмо А. Е. Елеманова, написанное незадолго до его смерти, 24 марта 1970 года, первому заместителю Председателя Совмина КазССР И. Г. Слажневу: «...некоторые руководители Минсельхоза заставляют подчиненных людей, вопреки здравому смыслу, нормальные цифры превратить в порочащие эксперимент материалы». Тревога эта, как оказалось, была не напрасной.

...Хозяйству установили государственные задания по производству зерна, травяной муки и т. д., рассчитанные по научно обоснованным нормативам. В основу положили затраты времени на единицу продукции. Подобные «счетчики» созданы для всех природно-климатических зон, но колхозы и совхозы в эти нормы обычно не укладываются. К примеру, затраты труда на центнер зерна в Акчи были приняты в полчаса, а плановая себестоимость одного центнера зерна – два рубля. Сравните: в обычных хозяйствах центнер «делают» за два часа, и обходится он в 5,5 рубля.

Время пересчитывали в деньги. Если, скажем, на тонну какой-либо продукции полагается затратить пять человеко-часов, то только эти пять и будут оплачены, независимо от того, сколько времени потратят фактически. За один нормо-час работник должен был получать полтора рубля. В году около двух тысяч рабочих часов. Значит, годовая зарплата – три тысячи рублей. Ежемесячно давали аванс, а в конце должны были доплачивать за реально полученную продукцию – по итогам работы каждого звена отдельно. Источник оплаты был единственным – выручка за сданную государству продукцию. Она поступала на единый банковский счет хозяйства (в обычных совхозах было 17 счетов).

Учет и отчетность решительно упрощались, не нужны стали ни нормовщики, ни учетчики. Администрация, как уже говорилось, состояла всего из двух человек. Звеньевые работали наравне со всеми.

И хозяйству в целом, и каждому звену в отдельности была предоставлена возможность все дела решать по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий и складывающейся обстановки.

Организовали новое хозяйство осенью 1967-го, и уже через год оно дало хорошие результаты, несмотря на недостаток поливной воды, отсутствие необходимых построек и т. д. В следующем сезоне дела пошли еще лучше, но в середине третьего года, когда все затраты под урожай были сделаны, а результаты еще не получены, хозяйство... ликвидировали. Почему? По официальной версии Минсельхоза – за убыточность. А фактически?

Листаем стенограмму состоявшегося накануне заседания коллегии Минсельхоза республики. Поразительно по своему цинизму выступление начальника планово-экономического отдела Минсельхоза, кандидата экономических наук Е. Закшевского: «Эксперимент в Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, а в августе-сентябре Худенко реализует продукцию, хозяйство получит прибыль, и тогда с ним не совладать». Министр М. Г. Рогинец: «Надо немедленно арестовать счет хозяйства в банке». Как ви-

дите, была учинена форменная расправа. Не стенограмма, а дуэт могильщиков эксперимента!

Почему Минсельхоз да и руководство республики были против эксперимента? Видимо, очень уж не хотелось показывать истинное положение в сельском хозяйстве республики. Итоги эксперимента «кололи глаза».

Спустя девять месяцев Е. Закшевский напечатает в «Экономической газете» (№ 11, 1971) статью «Успехи не случайны». О полном якобы хозрасчете в сорока процентах совхозов Казахстана. Карикатуру на хозрасчет выдаст за новое слово аграрно-экономической науки.

Следующий наш визит – к начальнику главка Минсельхоза В. Косенко, которому подчинялось опытное хозяйство в Ақчи. Просим оценить некоторые факты. Например, высокую урожайность, производительность труда.

– Если дать такую зарплату, то хорошую производительность можно иметь и в других местах.

– А почему бы и не дать, если производительность растет в шесть раз, а зарплата – всего в три?

– Вы что же, считаете, что тракторист должен получать больше, чем начальник отдела в нашем министерстве?!

И это говорил отнюдь не противник эксперимента...

Поразительные документы, обескураживающие речи. Но чтобы понять и прочувствовать, надо еще и увидеть.

Ранним утром следующего дня на рафике киностудии «Казахфильм» (Минсельхоз даже в транспорте нам отказал) отправились в Ақчи, чтобы своими глазами взглянуть на поле боя и бранные останки эксперимента. И что за картина открылась нашему взору!

Ржавеют два импортных агрегата, благодаря которым в 1969 году была получена треть всей травяной муки Казахстана (!), по качеству, содержанию каротина превосходящей мировой уровень... Запустение в поселке, где коттеджи рабочих были построены экспериментаторами не хуже, чем в прославленных хозяйствах Прибалтики, с полным набором инженерного оборудования: водопровод, ванная, электроотопление. В Ақчи было свое строительное звено, которое сооружало дома для рабочих, монтировало оборудование завода по производству травяной муки, возводило другие хозяйственные постройки. Увидели следы прошлогодних цветников...

Очевидцы, рабочие бывшего хозяйства, с горечью описывали нам процедуру закрытия эксперимента: «Приехало начальство, человек двадцать, – из Москвы, Алма-Аты и района. С поля собрали нас всех. Заместитель министра зачитал приказ. Спрашиваем: на каком основании? Трудится-то каждый за шестерых и делает нужное стране дело. В ответ невразумительное: «нарушаете порядок», «много получаете», «самовольничаете» и т. п. Наконец мы поняли: одна у них цель – разгром, уничтожение сложившейся у нас организации труда и оплаты. Видать, опасна она для бюрократа, может распространиться...»

Трудно не согласиться: для бюрократа и впрямь система Худенко губительна. Она давала полную самостоятельность хозяйству, которая была выгодна всем. Только не чиновникам тех лет. Полмиллиона рублей прямых убытков – таков результат решения Минсельхоза Казахстана о ликвидации хозяйства в Ақчи. Решения, принятого после того самого злосчастного заседания коллегии, стенограмму которого мы цитировали. А общий ущерб, нанесенный нашей экономике, государству, всем нам, просто неисчислимы.

Если бы модель Худенко была своевременно воспринята нашим сельским хозяйством, Советский Союз, быть может, уже не импортировал, а, наоборот, экспортировал сельскохозяйственную продукцию.

Недолгое торжество правды

Чтобы завершить расследование, поставить все точки над «и», в Доме Союза писателей Казахстана мы собрали тогда «круглый стол», наивно надеясь, что в спорах истина не только рождается, но и может утверждаться.

Пригласили заместителя начальника управления финансирования сельского хозяйства Минфина Казахстана И. Васютина. Согласен, отвечает, но только с разрешения начальства – зам. министра. Тот в свою очередь: «На это и мне нужно разрешение зав. сельхозотделом ЦК КПК Ю. М. Бурлакова». Звоним Бурлакову: «Дело с «Акчи» ясное. Зря приехали. Проводить здесь «круглый стол» вы неправомочны. Я позвоню в Москву, чтобы вас отозвали. Экспериментом Худенко занимались компетентные люди. Все окончательно выяснено – сплошное безобразиe...»

Нас не отозвали, и «круглый стол» мы с большим трудом, но все-таки провели. Пришли Закшевский и Меркулов из Минсельхоза, не явились многие приглашенные нами ответственные работники. Куратор эксперимента, референт Совмина КазССР В. Н. Васильев смущенно ответил: «Сегодня с утра вызвал меня Бурлаков и категорически запретил идти. Сказал, иначе уволят с работы. Жаль, но ничего не поделаешь».

И тем не менее «круглый стол» оказался многолюдным и жарким. Разве что не было рукопашной!

И. Н. Худенко, его сподвижники В. В. Филатов, В. Хван, Г. А. Ильян и другие подробно и убедительно рассказывали об эксперименте, отстаивая социальную справедливость и социалистическую сущность коллективного подряда. (Кто теперь-то в этом сомневается!) Минсельхоз обвинили в сокрытии истинного положения дел с экспериментом, в дезинформации общественности. И, как мы тут же убедились, не зря. Минсельхозники яростно атаковали представителей «Литературной газеты», утверждая, что гласность в таких делах вредна!.. Зам. начальника ЦСУ КазССР Е. И. Сложеникина: «Ну, согласитесь, Иван Никифорович, что в вашем хозяйстве настоящего учета не было! А вы же знаете, что «социализм – это учет!» И знаете, кто это сказал?» Худенко: «Думаю, что Владимир Ильич говорил не про такой учет. Ваш учет построен как? Вспахали – учет, посеяли – учет, выросло – учет, скосили – учет, сгноили – акт!.. Какой же от нас вам еще нужен учет? Мы сдаем продукцию – государство ее оплачивает. Никаких других средств хозяйство не получало, убытков не было».

А у других были! Полную ясность в это внес начальник управления кредитования сельского хозяйства Госбанка КазССР А. П. Вдовиченко: «В нашей республике совхозы сплошь убыточны. Мы им выплачиваем сотни миллионов рублей дотации. А хозяйство в Акчи высокорентабельно. План по прибыли оно перевыполняло».

Воинственно настроенные поначалу противники эксперимента постепенно поутихли, а потом и вовсе слиняли. Правда об эксперименте временно восторжествовала.

Драматург А. Ашимов (Аким Тарази) довольно потирал руки: в результате «круглого стола», говорил он, получил отличный сюжет для пьесы! Сатирическая пьеса «Везучий Букен» действительно была им написана, опубликована в журнале «Театр» (№ 8, 1972), получила вторую премию на конкурсе в связи с 50-летием образования СССР и сыграла впоследствии свою роковую роль в судьбе ее главного персонажа.

Большие хлопоты и горький финал

Воодушевленные результатами «стола», мы стали добиваться встречи с Д. А. Кунаевым. В сложившихся условиях только он мог решить вопрос о восстановлении доброго имени новаторов и о возобновлении эксперимента. Союз писателей республики взялся помочь с аудиторией...

Ранним солнечным утром пришли мы в ЦК КП Казахстана. Готовясь к этой решающей схватке, отпечатали небольшую памятную записку с нашими расчетами и выводами, которую и вручили Д. А. Кунаеву. Основное обвинение в убыточности «Акчи» в записке начисто опровергалось. При организации совхоз получил от государства материальные ценности и денежные средства на общую сумму 1,8 миллиона рублей. При закрытии их имелось уже 2,1 миллиона рублей.

Несмотря на понятную читателям разницу нашего социального статуса, Кунаев почувствовал, что без серьезного разговора не обойтись, и вызвал «подмогу». Очень скоро в кабинет вошел небольшого роста человек, грудь которого была увешана вперемежку орденами и орденскими планками.

– Наш президент, – представил его Кунаев. – Вот расскажи московским товарищам, что ты знаешь про эксперимент Худенко.

– Худенко экспериментировал у нас в двух хозяйствах, когда я был секретарем Целиноградского обкома. Устроил такую безработицу!.. Еле от него избавились, – сказал Председатель Президиума Верховного Совета республики С. Б. Ниязбеков.

– Вот видите, – оживился Кунаев, – так же было в совхозе «Илийском». Ко мне даже делегация рабочих приходила, чтобы его убрали.

– Но ведь люди, – сказали мы в ответ, – остались не у дел из-за повышения производительности труда, а в республике острая нехватка трудовых ресурсов. Устроить высвобождаемых работников можно было бы на плодово-овощном комбинате, создать который предлагал Худенко. Он хотел кругло-суточно снабжать столицу республики свежими и консервированными овощами, фруктами. Это было бы весьма кстати – в магазинах в ту пору торговали болгарскими фруктами, а цены на городском рынке были прямо-таки «заполярными». И это в Алма-Ате – «отце яблок»!

Звонок секретарю – и на пороге возникает небезызвестный уже читателю Ю. Бурлаков, заведующий сельхозотделом ЦК партии республики.

Д. А. Кунаев:

– Вот познакомьтесь, товарищи из Москвы, из «Литературной газеты», занимаются делом Худенко.

Направленный в нашу сторону «взрыв» Бурлакова:

– Это дело у всех навязло в зубах! Эксперимент был по улучшению учета и отчетности. А Худенко их так упростил, что и вовсе ликвидировал. Худенко развалил хозяйство. Он и его люди – жулики и алкаши.

В Акчи уже тогда царил «сухой закон» – иначе ведь много не наработаешь. Но спорить было бессмысленно. Нам ничего не оставалось, как заявить, что за содержание памятной записки мы ручаемся головой.

– У нас были другие сведения. Но коль так, мы еще раз все тщательно проверим, – сказал Д. А. Кунаев. – Кому, по вашему мнению, надо поручить проверку? Никого, кроме Минсельхоза, у нас для этого нет. Вы же не будете настаивать, чтобы проверкой занималась прокуратура?

Мы попросили, чтобы этим занялась именно прокуратура. Минсельхоз необъективно относится к делу. Притом Худенко обвиняют в убытках и даже в хищениях.

В заключение беседы мы вновь пытались привлечь внимание руководителя республики к исключительной важности эксперимента в Акчи, заявили, что, по нашему мнению, И. Н. Худенко – это гордость Казахстана. Кунаев не сдержался:

– Не нужна нам такая гордость, а эксперимент продолжим и без него. Если бы Худенко кто-нибудь забрал, мы охотно сняли бы его с партучета. А, кстати, состоит ли он в партии?

Наш собеседник лукавил. О том, что Худенко уже исключен из партии, он, конечно, прекрасно знал. Потому тот и уехать не мог – добивался восстановления. А приглашали его многие. В нашем досье лежит копия письма А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской, ныне академиком, Д. А. Кунаеву с просьбой направить Худенко в Сибирь, для которой его эксперимент представлял особый интерес из-за трудностей с рабочей силой. Возобновить эксперимент под научным руководством Центрального экономико-математического института АН СССР просили директор этого института академик Н. П. Федоренко и его заместитель Н. Я. Петраков. Звали к себе новатора и эстонцы... А его преследовали ревизиями, завели уголовное дело.

После нашего отъезда работники прокуратуры Алма-Атинской области и Казахской ССР провели повторное расследование. Компрометирующих фактов при всем желании установить они не смогли, но и вынести официальное решение, оправдывающее экспериментаторов, опасались. Тогда по ходатайству И. Худенко и директора совхоза в Акчи М. Ли, поддержанному «Литературной газетой», уголовное дело было затребовано Прокуратурой СССР, рассмотрено и прекращено – письмо № 3/779–72 от 7 мая 1972 г. за отсутствием события преступления.

После этого И. Н. Худенко обратился в Комиссию партийного контроля с просьбой восстановить его в КПСС. В КПК его, участника Великой Отечественной войны, поддержали. Однако Д. А. Кунаев был неумолим, и в партии Худенко так и не восстановили.

О дальнейшей судьбе Ивана Никифоровича Худенко кратко упоминалось в статье А. Ваксберга «Кому это нужно?» («ЛГ», 21 января 1987 г.). Сообщим несколько подробнее.

Желая получить компенсацию за те два года, что были по вине Минсельхоза лишены работы, И. Н. Худенко и его сподвижники обратились с исковым заявлением в народный суд. Но одно беззаконие повлекло за собой другое. Ликвидировав без всяких на то оснований хозяйство, Минсельхоз не имел юридического права изъять его гербовую печать. И она осталась у руководителей уже не существующего совхоза. Конечно, им не следовало бы скреплять этой печатью свой иск о выплате компенсации. Но они это сделали. Положительного решения народного суда по этому иску ответчики, как оказалось, ждали с большим нетерпением, чем истцы... Ответчики не в одном лишь юридическом смысле слова. Ответчики перед обществом и народом за судьбу поруганного ими эксперимента.

Да, они ждали. Это был рассчитанный удар. И как только постановление суда, вынесенное в пользу истцов, было предъявлено в банк, И. Худенко, М. Ли, В. Филатова обвинили в попытке хищения государственных средств. А деньги, подчеркнем, они так и не получили...

Но давление, и весьма настойчивое, было оказано на судей. Тогдашних руководителей республики особенно разгневала сценическая вариация эксперимента Худенко – огласка нелицеприятных подробностей их бытия в сатирической пьесе «Везучий Букен»: ханжества, лицемерия, угодничества, двоеженства. Пьеса Акима Тарази, увы, лишь единожды увидела свет рампы в Казахском академическом театре драмы Алма-Аты. Кое-кто из высокопоставленных зрителей узнал себя в действующих лицах. Не дожидаясь окончания спектакля, «госпожи министерши» вцепились друг другу в волосы, их высокопоставленные мужья покинули зал. Симптоматично, что Худенко был арестован на следующий день после спектакля... Уничтожен эксперимент... запрещен спектакль... положен на полку фильм...

Времена изменились. О внедрении коллективного подряда, хозрасчета в сельском хозяйстве нынче говорят много. Немало и делается. Но это не означает, что история Худенко потеряла актуальность. Коллективный подряд в

иных местах внедряется в жалком, урезанном, а иной раз просто карикатурном виде (пооперационный учет затрат рабочего времени, низкие авансы, громоздкая и ненужная для дела отчетность, невыполнение договорных условий в оплате труда, материальном снабжении и т. д.). Между тем в Акчи успешно внедрялась целостная и проверенная система хозяйствования. Ее надо сейчас изучать, пропагандировать, распространять. Может быть, это и есть модель всего нашего сельского хозяйства в недалеком будущем.

Из трагической истории И. Н. Худенко и его эксперимента следует извлечь также другой урок, поучительный для перестройки, на которую ориентирует нас партия. Урок мужества и сплочения общественных сил во имя правды. Следует задуматься: почему эксперимент в Акчи, о котором, помимо «Литературной газеты», писали «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», республиканская печать, за который вступились писатели и кинематографисты, который поддерживала академическая наука, оказался все же разгромленным?

Наш ответ таков: губителей эксперимента нельзя было критиковать напрямую, поименно. Должности позволяли им существовать вне гласности. Писали в газетах, что опыт Худенко хорош, но нельзя было писать, что отношение руководства республики к Худенко и его коллегам антиобщественно, некомпетентно. А у гласности не может быть низким потолок.

Демократизация общества исключает волюнтаризм, от кого бы он ни исходил, личные симпатии и антипатии не должны оказывать влияние на государственные дела, а тем более на судьбу и жизнь людей.

Таковы экономические, социальные, нравственные уроки эксперимента в Акчи.

В. БЕЛКИН, В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

ЧИТАТЕЛИ И ЧИНОВНИКИ^[2]

В связи с публикацией статьи «Драма Акчи» (1 апреля с.г.) «Литературная газета» получила много писем.

Большинство полученных писем – индивидуальные, но немало и коллективных. Одно даже подписано парторгом от имени пятидесяти коммунистов, совместно обсуждавших публикацию. Практически все письма «за» – за эксперимент, экспериментаторов вообще и Ивана Никифоровича Худенко в частности. И, естественно, против тех, кто погубил и эксперимент, и самого Худенко.

Тональность редакционной почты лучше всего передает письмо Г. В. и В. Г. Щеголевых из г. Люберцы Московской области. Приводим его дословно: «Прочитали статью «Драма Акчи», и нет слов, которыми можно выразить охватившее нас чувство возмущения.

Описывая эту историю, нам кажется, вы все-таки смягчаете истинное положение. Вы пишете: «Трудно не согласиться: для бюрократа и впрямь система Худенко губительна». Дело здесь не в бюрократе, а в преступном отношении. Да, это преступное отношение к развитию социалистической экономики. Пора уже вещи называть своими именами.

Просим сообщить в газете, кто привлечен и к какой ответственности за срыв эксперимента, нанесение нашему государству морального и материального ущерба, а также за то, что приходится реабилитировать коммунистов посмертно.

[2] Литературная газета № 37, 9 сентября 1987 г.

До тех пор, пока безнаказанность будет продолжаться, с подобными явлениями мы не покончим».

По мнению кандидата экономических наук В. М. Писарева (Москва), пришедшего, по существу, целое исследование с самостоятельными выкладками и аналитическими таблицами, «статья «Драма Акчи» делает очевидной главную причину дефицита продуктов питания в стране при нашем внушительном мировом лидерстве по производству минеральных удобрений, тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, а также по потреблению энергоресурсов в сельском хозяйстве». Громадные капитальные вложения в сельское хозяйство и их непрерывный и быстрый рост не давали соответствующей отдачи из-за неверной направленности этих вложений и недостатков в организации труда, которые особенно хорошо видны в свете эксперимента в Акчи.

Бывший председатель колхоза в Алтайском крае А. С. Павлухин пишет: «У меня накоплен богатый опыт работы по методу И. Н. Худенко. Будучи председателем колхоза «Родина» Усть-Пристанского района Алтайского края, я восемь лет внедрял его метод. За первые же три года производительность труда выросла в три с половиной раза, хозяйство стало высокорентабельным... О нашем опыте писали «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда»...»

Очень весомый факт! Он опровергает нередкое утверждение, которое мы слышали шестнадцать лет назад, слышим иногда и теперь: у Худенко были чуть ли не тепличные условия. На самом деле особыми были лишь социально-экономические условия – коллективный подряд с полной хозяйственной самостоятельностью. Все остальное было обычным и даже хуже – и техника, и горючее, и семена, и земля – в полупустыне, и вода, которая подавалась нерегулярно из хвостовой части Куртинского канала, что сильно затрудняло полив.

А. С. Павлухину, по его словам, «пришлось встретиться с противодействием верхов» и трудностями трудоустройства высвобождавшихся работников, новое «рождалось в муках», после многолетней борьбы он был вынужден отказаться от избрания председателем на новый срок. Это, к сожалению, общая судьба многих инициативных руководителей колхозов и совхозов, а о «верхах» – чуть ниже.

Ныне подряд в разных его формах – коллективный, бригадный, семейный, индивидуальный – внедряется в нашем сельском хозяйстве повсеместно. В 1986 году на условиях подряда работало, судя по официальным данным, около половины всех занятых в этой отрасли народного хозяйства. Однако заметных сдвигов ни в производительности труда, ни в объемах производства, ни, следовательно, на прилавках продовольственных магазинов не произошло. Почему?

В какой-то мере на этот вопрос отвечает письмо Нины Федоровны Малышкиной из совхоза «Ударник» Красноармейского района Донецкой области:

«У нас прибылей нет, одни долги на миллионы рублей. Я свой совхоз давно назвала дармоедом у государства. Пытался и у нас директор внедрить подряд, так сказать, «отдать дань моде». Да потерпел фиаско. Перед глазами моими стоят пока только отрицательные стороны «нашего» подряда. Низкий уровень сознания подрядчиков, отсутствие у них элементарных экономических знаний, равнодушие специалистов к подряду, отсутствие хозрасчета привели к плачевным результатам, порочащим метод. Возможно, и действительно, как вы утверждаете, эксперимент Худенко – будущее нашего сельского хозяйства. Но пока... В этом году в совхозе снова внедряют подряд (четвертый год, и все по-разному). Какая уж там

экономика, если зайдешь в контору – некуда ногу поставить. И сторожами числятся, и слесарями, и еще кем-то там, но все на счетах щелкают. Убытки считают – выводов не делают. Придешь на ферму – то же самое; сторожей да зоотехников – несть числа, а молоко, чтобы план выполнить, водой разбавляют. Пойдешь в УТМ – агрономы да инженеры (соотношение их к рабочим – один к двум), то газетами шелестят в рабочее время, то подсолнухами забавляются. Трактористов же по пальцам перечесть. Не зря частушку такую сложили:

*Тракторист Тимошка
Запел под гармошку:
Не прокормишь, право,
Эту всю ораву.*

Смотрю опять на этот, по-другому внедряемый метод и снова в него не верю... Возможно, я и не права в своих суждениях, но пока подряд, тот, который внедряется у нас, с двойной бухгалтерией, с нормо-сменами, кажется мне тем же самым нижним бельем, только вывернутым, грязными швами кверху.

Извините. Не обижайтесь на меня. Что увидела в подряде, то и отмечаю.

За что же обижаться на вас, Нина Федоровна? Примерно такой же псевдоподряд, о котором вы пишете, мы сами нередко встречаем в самых разных частях необъятной нашей страны, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». С таким «подрядом» эксперимент И. Н. Худенко ничего общего не имел. Напомним только, что все «административно-хозяйственное» звено в Акчи состояло из двух человек – директора и бухгалтера-экономиста. Какой может быть подряд без подлинного хозрасчета?! А ведь его в подавляющем большинстве случаев нет. Это не подряд, если ведут учет не конечного результата, а отработанного времени.

Мы рады, что сумели заинтересовать замечательным экспериментом И. Н. Худенко практиков сельского хозяйства. Председатель колхоза «Победа» Матвеево-Курганского района Ростовской области В. Гулов:

«Коллектив специалистов колхоза «Победа» два года изыскивает пути повышения производительности труда в условиях дефицита рабочих рук. Статья «Драма Акчи» была обсуждена на совете специалистов, и у нас возникли просьбы: мы хотим встретиться с авторами статьи, посмотреть фильм «Человек на земле», о котором они упоминают; изучить статьи В. Кокашинского в «ЛГ» – «Эксперимент в Акчи» (21 мая 1969 года) и «Земледельцы сами о себе» (4 мая 1970 года). Все это намерены применить в нашем хозяйстве в условиях перестройки».

Первую и третью просьбы мы охотно удовлетворим – приедем, расскажем, привезем ксерокопии статей из старых номеров «Литературной газеты». Что касается второй, то ее мы адресуем «Киевнаучфильму» и Гостелерадио: предлагаем «Человек на земле» показать по телевидению, например, в программе «Сельский час».

Самое тяжкое впечатление произвела на читателей трагедия Ивана Никифоровича Худенко, которая, понятно, воспринята более эмоционально, чем прекращение эксперимента. Большинство авторов писем задают вопросы: как такое могло случиться? Понес ли кто-либо за травлю И. Н. Худенко наказание? Где находятся и чем занимаются главные «могильщики» эксперимента и И. Н. Худенко в настоящее время?

Вот наиболее типичные фразы из писем:

«С болью и гневом прочитал статью «Драма Акчи», посвященную трагической истории совхоза в Акчи и автора проводившегося там эксперимента Ивана Никифоровича Худенко» (С. Д. Таранцев, член КПСС с 1946 года, журналист, г. Гагра).

«С содроганием прочитал «Драму Акчи». Это трагедия на уровне трагедии инквизиторской сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, трагедии «Факела» в Новосибирске...» (*О. Патрушев, врач*).

«Прочитал «Драму Акчи» и ужаснулся: до какой же низости, подлости, бесстыдства и степени разложения доходили члены партии, облеченные высокой властью. И. Н. Худенко был высокоодаренным человеком и гордостью страны. И вот такого человека и его дело уничтожили. И кто? Те, кто мог и обязан был поднять его, как знамя социализма... Большое спасибо авторам и редакции за эту публикацию» (*В. П. Сарафанов, член КПСС, конструктор, Москва*).

Все читатели, приславшие письма, одобряют позицию газеты в связи с «делом» И. Н. Худенко. Видимо, противники этой позиции (хорошо знаем, что такие есть) не пожелали писать в газету или не осмелились это сделать. Читатели нередко и дополняют статью, приводят данные и аргументы, которых, по их мнению, в статье недостает. Эту публикацию они справедливо связывают с происходящей в стране перестройкой.

«В связи со статьей «Драма Акчи» считаю своим долгом поддержать позицию газеты, – пишет доцент Новосибирского университета Л. Ф. Лисе. – Подобные акции важны для оздоровления нравственного климата нашего общества и, следовательно, для утверждения духа и дела перестройки. Торжество принципа «никто не забыт и ничто не забыто» – в самом широком его толковании, как неизбежность воздаяния каждому по его делам – поможет усилить социальную активность одних и несколько сдержать негативные устремления других. Человеку далеко не безразлична общественная оценка его позиции и его дел как при жизни, так и после нее. Вот почему глубокий нравственный смысл имеет гласное и широкое восстановление исторической справедливости и в отношении тех, чей вклад в наше развитие незаслуженно забыт или оклеветан, и в отношении тех, кто сыграл роковую роль в нашей истории, в больших и малых ее делах. Каждый гражданин должен осознать, что обеспечить забвение содеянного невозможно, что рано или поздно истина будет обязательно явлена обществу. Показывая это, «ЛП» выполняет очень нужную, очистительную для нашей социальной атмосферы работу. Тем более что и сейчас, судя по прессе, «технология» срыва эксперимента в Акчи (да и других подобных экспериментов) широко используется для саботажа и срыва политики перестройки».

На вопрос о том, понесли ли наказание виновники гибели И. Н. Худенко и его замечательного эксперимента, ответим коротко: нет, не понесли. Мы не юристы, и не нам судить, кто и в какой степени виновен – в юридическом смысле. Во многих письмах содержится требование реабилитации И. Н. Худенко и восстановления его в партии. Полагаем – требование справедливое, присоединяемся к нему.

Нас спрашивают: где находятся и чем занимаются некоторые отрицательные «герои» статьи? Дадим слово М. А. Кинееву – ученому секретарю Восточного отделения ВАСХНИЛ (Алма-Ата):

«В статье говорится о цинизме выступления С. Закшевского, но не более ли цинично то, что этот чинуша за эти годы сумел защитить диссертацию на степень доктора экономических наук и теперь возглавляет Главное управление планирования и экономического развития АПК Казахской ССР? Весьма сомнительно, что, занимая такой пост, он принесет пользу сельскому хозяйству республики, когда речь идет о переводе этой отрасли народного хозяйства на рельсы хозрасчета и коллективного подряда. Не цинично ли и то, что Ю. М. Бурлаков, сыгравший роковую роль в судьбе И. Н. Худенко, покинув стены ЦК КП Казахстана, впоследствии подвизался в должностях начальника главка науки МСХ КазССР (это после Елеманова-то, светлого че-

ловека, соавтора эксперимента в Акчи! – В. Б., В. П.), первого заместителя председателя президиума Восточного отделения ВАСХНИЛ, тоже успел стать доктором экономических наук и сейчас воспитывает слушателей Высшей школы Госагропрома КазССР, студентов Института народного хозяйства. Вот какие метаморфозы происходят с теми, кто на корню сгубил добрые всходы подряда и хозрасчета в республике.

Иначе обстоит дело с реакцией должностных лиц. Пять месяцев мы терпеливо ждали их ответа на статью – и не дождалось. Впрочем, в редакционной почте один официальный ответ оказался, правда, адресован он не нам, а бывшему участнику эксперимента в Акчи В. А. Хвану. Владимир Антонович обратился в высшие инстанции с предложением возобновить эксперимент. А Госагропром СССР, отвечая В. Хвану, ссылается на то, что в 1970 году в хозяйстве Акчи «урожайность основных культур сложилась крайне низкая... Сокращения численности работников и повышения производительности труда, предусмотренные экспериментом, не произошло... Были полностью дезорганизованы учет и отчетность... Учитывая это, проводимый эксперимент был закрыт».

Подписал ответ заместитель начальника Управления организации труда и заработной платы Главного управления планирования социального и экономического развития В. Протасов. И при этом счел нужным добавить: «Одновременно сообщаем, что в соответствии с действующим порядком предложения по проведению экспериментов по вопросам оплаты труда в совхозах могут рассматриваться только по представлению Госагропромов союзных республик».

Хозяйство Акчи закрыли в середине 1970 года, когда затраты под урожай были сделаны, а результаты еще не получены (кстати, об этом в нашей статье говорилось). Так как же можно судить о его работе по данным за 1970 год? Для того чтобы в этом разобраться, мы отправились в Госагропром к В. Протасову. Мы надеялись, что он введен в заблуждение давними недругами И. Худенко и его эксперимента из Казахстана, что все прояснится и системе Худенко будет дан наконец зеленый свет.

Наивное заблуждение. Отстаивая правомерность своего ответа В. А. Хвану, наш собеседник утверждал, что в Южном Казахстане урожаем убирают чуть ли не весной, так что закрытие эксперимента в середине года не могло сказаться на хозяйственных результатах. Тогда мы обратили его внимание на то, что, по данным весьма придирчивой ревизии хозяйства, в 1969 году урожайность была намного выше, чем указанная в ответе В. Хвану: ячменя – в четыре с половиной, люцерны – в четыре раза. А сокращения численности экспериментом не предусматривалось, поскольку хозяйство Акчи создавалось на голом месте в полупустыне, и в нем с самого начала было людей в 6–7 раз меньше, чем использовалось для аналогичного объема сельскохозяйственных и строительных работ в других совхозах Казахстана и страны в целом. Соответственно и производительность труда в Акчи была намного выше. Напомним, что предыдущий эксперимент Худенко проводился в совхозе «Илийском» и позволил сократить численность работников полеводства в 10 раз при удвоении продукции.

При обсуждении вопросов эффективности хозяйства Акчи мы обратили внимание тов. Протасова на сообщение начальника Управления кредитования сельского хозяйства Госбанка КазССР А. П. Вдовиченко о том, что дотаций на покрытие убытков хозяйство Акчи не получало и систематически вносило платежи из прибыли. Тем не менее, ссылаясь на результаты ведомственных проверок, Протасов отстаивал версию убыточности.

Трудно понять и другое. Как мы уже писали, при организации хозяйства Акчи получило от государства материальные ценности и денежные средства

на общую сумму 1,6 миллиона рублей, а при закрытии их имелось уже 2,1 миллиона. Между тем Протасов утверждал, что имущество опытного хозяйства буквально растаскивалось. Была ли здесь своеобразная защита чести ведомственного мундира или элементарная финансовая безграмотность? А может быть, и то, и другое?

Что касается «дезорганизации учета и отчетности», то одним из достоинств эксперимента является их решительное сокращение и упрощение. Учитывались лишь затраты на «входе» и результаты на «выходе» – по известному в кибернетике принципу «черного ящика». Устранялась декадная, месячная и прочая промежуточная отчетность, поэтому не нужен был громоздкий учетно-расчетный аппарат.

– Да что там говорить о Худенко! – горячился наш собеседник. – Рвач, расхититель, совершил уголовное преступление. И его защищать будем?!

Тогда мы сообщили: редакция располагает документом Прокуратуры СССР, подписанным прокурором Е. Онегиным. Там сказано, что дело о «растратах и расхитительстве» было прекращено за «отсутствием события преступления». Однако Протасов продолжал стоять на своем.

В конце концов нам было доверительно сказано, что эксперимент прекратили, в сущности, по иной, не указанной в ответе Госагропрома причине: надоели, дескать, жалобы И. Н. Худенко. Подумать только, в Москву ездил жаловаться! На что же? Оказывается, на то, что «безнарядную систему не распространяют на всю страну». Еще раз воздадим должное 20 гражданственности и патриотизму Ивана Никифоровича... Напомним, что ныне хоть и не в том виде, но распространяют...

Рассказывая нам о своей работе, В. П. Протасов специально подчеркнул, что его управление организации труда и заработной платы «двадцать лет занимается поиском эликсира для подъема нашего сельского хозяйства», что сам он и его сотрудники – «горячие приверженцы и стойкие поборники экспериментов». В этой связи мы заметили, что действующий порядок, при котором, как сказано в ответе Хвану, «предложения по проведению экспериментов... могут рассматриваться только по представлениям госагропромов союзных республик», не способствует, мягко говоря, этим поискам. Подобная процедура особенно удивительна в условиях нынешней демократизации нашей общественной жизни.

В беседе принимал участие экономист В. Чупеев – тот самый, в памятной нам статье которого, опубликованной в «Литературной газете» 18 ноября 1970 г., обосновывалось прекращение эксперимента в Акчи и доказывалась ненужность экспериментов вообще. Статья заканчивалась словами: «Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции возможно в результате долгой, кропотливой работы, больших затрат труда, средств, энергии, а не по щучьему велению», то бишь новациям, полученным в экспериментах. С тех пор минуло почти 17 лет. Была и долгая работа, и огромные затраты, и почти по Чупееву – на корню изничтожились новации. А к резкому увеличению сельскохозяйственного производства все это не привело. Но взгляды В. Чупеева не переменились: былые догмы были повторены и в разговоре с нами.

От редакции. Публикуя этот обзор, редакция «ЛГ» ждет, что Госагропром СССР, Прокуратура СССР, а также компетентные органы Казахской ССР пришлют нам ответы не только на статью «Драма Акчи», но и на вопросы, поставленные в письмах читателей.

Послесловие

собкора «ЛГ» по Казахской ССР А. Самойленко

Недавно в «ЛГ» просочился слух, будто в Алма-Ате уцелевших худенковцев принял какой-то большой руководитель и дал «добро» «на воз-

рождение и продолжение эксперимента». Мне было поручено проверить, так ли это.

Выяснилось следующее. В ЦК Компартии Казахстана и в Госагропроме республики (через три с лишним месяца после публикации статьи) приняли и выслушали уцелевших участников эксперимента, сказали, что дело, начатое Худенко, соответствует духу времени, и попросили написать нечто вроде методики системы хозяйствования «по Худенко».

Соратники Ивана Никифоровича подготовили документ и представили его в Госагропром Казахской ССР. Вот, собственно, и все, что было сделано. Я не знаю, радоваться или уже в который раз негодовать на медлительность наших инстанций? Если иметь в виду, что еще совсем недавно худенковцев не подпускали к руководящим приемным на пушечный выстрел, то можно, конечно, проникнуться оптимизмом. Но, с другой стороны, можно ли считать, что три с лишним месяца – это вполне допустимый (в условиях ускорения и перестройки!) срок для реабилитации опыта, который доказал свою состоятельность еще 16 лет назад?

Вместе с экземпляром методики В. Н. Васильев (он, так сказать, «технический директор» группы оставшихся экспериментаторов) вручил мне перечень инстанций, представители которых должны «изучить вопрос»: Минюст, Госкомцен, Госкомтруд, Минфин... 15 адресов! Только в Госагропроме их восемь... С одним из руководителей я встретился на стадии этого глубокомысленного изучения методики. Хотелось понять: зачем делается вид, что мы столкнулись с совершенно неизведанной, словно бы родившейся вчера новацией? И почему, назвав метод Худенко стержневым в перестройке сельского хозяйства (вот ведь какие комплименты!), начать не сам эксперимент, а изучение методики с нуля? И нравственно ли было просить пострадавших, много раз незаслуженно обиженных худенковцев (один из них по сей день работает инспектором пожарной охраны при гостинице), готовить документацию, не объединив их в специальную рабочую группу, раз уж система – стержень перестройки?

– Понимаете, надо посмотреть все в контексте современной обстановки, привязать эксперимент к конкретным условиям, – говорил мне один из ответственных работников Госагропрома республики.

Тут есть вопросы...

Но реальный повод для оптимизма все-таки появился. Министр рыбного хозяйства Казахской ССР Х. С. Саржанов обратился к худенковцам с предложением: возьмите один из пригородных прудхозов и ведите там дело по вашей системе. А его первый заместитель А. И. Брагинец повез их в прудовое хозяйство – вот вам «полигон», согласны иметь с вами дело на взаимовыгодных условиях. Худенковцы тоже согласны. Но для реализации предложения нужна... разработка методики. Применительно теперь уже к прудовому хозяйству. И они опять пишут ее, в свободное от работы время. Суждено ли всерьез возродить дело, за которое боролись и страдали Худенко и его соратники? Пока не ясно.

Кстати, вот как оценивает дело И. Худенко Председатель Совета Министров Казахстана Н. А. Назарбаев («Дружба народов» № 9, 1987): «Худенко пал жертвой авторитарного руководства, которое царило в нашей республике долгие годы. Последствия тех лет сказываются и по сей день».

Да еще как сказываются!

Ассамблея народа Казахстана при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС)
27-30 мая 2010 г.

провел мероприятия в рамках международного проекта

«ПАМЯТЬ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО»,

посвященного памяти

жертв политических репрессий и депортации народов.

Институт социально-политических исследований совместно с Институтом ЦЕССИ-Казахстан и Центром Зайончковской (Москва) в рамках международного проекта «ПАМЯТЬ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО» провел международное социологическое исследование **«ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В 1930-1950 ГГ.: ОБЩНОСТЬ ИСТОРИИ».**

Основная задача социологического исследования:

ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930-50 гг. от непосредственных участников процесса, что позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из интервью, собранных в **13 странах**. Это первая часть серии «УСТНАЯ ИСТОРИЯ» (ORAL HISTORY).

Исследование проводилось в следующих странах:

Казахстан, Российская Федерация, Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Молдова, США, Германия, Польша, Турция.

Во время исследования опрашивались представители этнических групп - немцы, поляки, евреи, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, калмыки, карачаевцы, корейцы, курды, которые были депортированы в Казахстан и в настоящий момент проживают в Казахстане или в других странах.

Научный консультант социологического исследования -

ПАВЕЛ МАРКОВИЧ ПОЛЯН, доктор географических наук, профессор.

Руководители Проекта:

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук (*Москва, Россия*),

БОТАГОЗ РАКИШЕВА ИСЛЯМОВНА, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, Программный Директор Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан), кандидат социологических наук (*Астана, Казахстан*).

31 МАЯ В 22.20 ЧАСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ КАНАЛУ «ХАБАР»

транслировался документальный фильм

«ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В 1930-1950 ГГ.:

ОБЩНОСТЬ ИСТОРИИ»,

подготовленный **ИНСТИТУТОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ** по результатам международного социологического исследования. Показ фильма приурочен к 31 мая - к Дню памяти жертв политических репрессии.

Сегодня гость нашей рубрики «Интервью с учеными» известный британский ученый **Ширин Акинер**. Беседовал с доктором Ширин Акинер Дмитрий Полетаев, член Редакционного Совета журнала, (Москва, Россия).

Доктор **ШИРИН АКИНЕР**, научный сотрудник Форума по исследованиям Центральной Азии Кембриджского университета, лектор Лондонской Школы восточных и африканских исследований (SOAS), эксперт по центральной Азии и каспийскому региону. Автор семи монографий, в том числе, «Исламские народы Советского союза» (Islamic Peoples of the Soviet Union (London, 1983, 1987), Средняя Азия: Новая Дуга Конфликта? Central Asia: New Arc of Conflict? (London, 1993), Формирование казахской идентичности (The Formation of Kazakh Identity (London, 1995). Работы Ширин Акинер переведены на французский, немецкий, арабский, персидский, турецкий и русский языки.

Они сказали, ЧТО Я СОВЕТСКИЙ АГЕНТ...

Ширин, Вас в Центральной Азии знают, но знают о Вас мало, ходят какие-то нелепые слухи. Полагаю, что правда будет интересней всяких слухов.

Расскажите, пожалуйста, где Вы учились? Вы учились в Лондоне?

Да, в Лондоне.

И там был какой-то специализированный факультет по Центральной Азии?

Нет, в те времена это было абсолютно невозможно, поэтому я изучала русскую литературу и филологию, еще турецкий язык, тюркскую филологию и османский язык.

Учитель Ваш тоже специализировался на России?

Нет.

Там же есть какой-то научный руководитель?

Да, есть, конечно. Это чисто славянская филология, русская литература – есть такой факультет.

То есть учителя у Вас были англичане, русских среди них не было?

Если и были русские, то эмигранты, или из эмигрантских семей, но, в основном, англичане.

Был ли кто-то, кто Вас заинтересовал Центральной Азией, СССР, или был просто какой-то личный интерес?

Не было.

Из чего сложился Ваш интерес к Центральной Азии, Вы помните?

Конечно, я помню, потому что для меня интересны были тюркские языки и славянские языки, их столкновение, и для меня местом этого столкновения была Средняя Азия, которую теперь называют Центральной Азией. Я начала интересоваться чагатайским языком. В Узбекистане его называют старым узбекским языком. Я хотела специализироваться на тюркской филологии. Это было началом. Чтобы изучать эти языки, я собирала книги, словари, все, что мне было доступно. В первый раз я поехала в Центральную Азию в 1979 или 1980 году – 30 лет назад. Я посетила все пять республик. Это было очень интересно, и потом, по возможности, я туда возвращалась. Это было довольно сложно в те времена, но я там бывала – иногда с туристическими группами или, когда были конференции, с большими группами. У меня появились там знакомые, мы переписывались. Я защитила докторскую диссертацию по теме «Религиозный словарь белорусского татарского Китаба», об очень интересной рукописи XIX-го столетия, написанной белорусскими татарами-мусульманами на белорусском/польском языках арабским письмом. Потом работала в Лондонском университете и открыла в 1986 году первый отдел о Центральной Азии. В 1987 году я организовала первую большую конференцию о Центральной Азии. Это было очень интересно. Прибыли участники со всего мира, даже из Ирана, Израиля, Саудовской Аравии. Из Центральной Азии приехали 12 человек. Это было совершенно удивительно. Из Синьцзяня приехали. Спрашивали: где оргкомитет, и узнав, что я одна, очень удивлялись. И все я сделала одна: нашла спонсоров, заказала авиабилеты, гостиницы, встречала – ну все. Это была очень большая работа. Потом выпустила 4 книги по выступлениям: собрала материал, доклады участников, и отредактировала. Проводила потом и другие конференции, потому что студентов было очень мало, и я считала, что люди должны знать Центральную Азию. У нас на Западе принято проводить такие конференции. После этого начали проводить большие конференции в других странах Западной Европы, хотя до этого ничего подобного почти не было. Потом удалось организовать и провести другие конференции: о Монголии, об Афганистане, в том числе филологические. А когда Союз распался, я по возможности посещала все 5 стран Центральной Азии.

У меня было студентов 20 человек максимум. Обычно это были 4-5 человек, не больше. В последние годы – где-то 10-12 студентов. Студенты всегда говорят, что изучение Центральной Азии для них это очень интересно, но после окончания университета нет работы по такой специализации. Где они будут работать? Это пока невостребованный предмет. Если говоришь, что есть научная степень, бакалавриат или магистерская работа о Центральной Азии, это хорошо, это интересно, но что дальше? Поэтому всегда встает вопрос, что они будут делать после окончания университета!?

Мне тоже было очень интересно. Первая книга получилась было совершенно случайно. У меня была знакомая профессор – женщина, которая хотела издавать материал о тюркских народах со всего мира, и она попросила меня написать о тюркских народах Советского Союза. Я собрала материал. Это была очень-очень большая работа – Вы можете себе представить. Потом она передумала, сказав: мне не нужен этот материал, мне нужно другое. Я была в отчаянии и не знала, что мне делать. Почти случайно нашла издателя. Пошла в издательство, и там был редактор, ответственный за большую серию, в которой потом вышла эта книга. Он сказал, что у меня интересный материал и можно сделать отдельную книгу, только назвать её «Исламские народы Советского Союза». Он издал эту книгу.

А в каком году это было?

Первое издание вышло в 1982 году, а второе – чуть позже, в 1986 году. Потом меня попросили сделать третье издание, но после распада Союза это стало уже невозможно. До распада это было возможно, потому что были переписи. После распада Союза было очень сложно собирать материал. Вы сами знаете, как это трудно теперь в отдельных бывших республиках. Эта книга была описательной, но в основном там ценна статистическая информация. У нас говорили: исламский народ или мусульманский народ Советского Союза. Это не правильно. Народы все разные, и мы должны их различать: казахи, узбеки, татары и т. д. Ещё есть очень много тюркских народов, не все из них мусульмане. Например, тувинцы, гагаузы. Исходный пункт – что они все разные, у них есть своя история и даже если они приняли ислам, это было в разные времена и у них разные традиции. Для меня это было интересно. И после распада Союза это, может быть, одна из немногих книг, которую всё ещё читают, потому что там есть информация, и люди хотят знать, например, кто такие татары или турки-месхетинцы?

Книгу я старалась писать, опираясь на факты, без эмоций и с минимальным авторским взглядом на излагаемый материал. При этом важно четко разграничить факты, которые можно проверить, и свое собственное мнение. Это разные вещи, но, к сожалению, когда пишут о Центральной Азии, часто не делают различий между фактами и собственным мнением. Мне видится важным проверять и выделять в тексте используемые источники и делать на их основе уже какие-то свои выводы. Получается так, что пишу я всегда как для себя – просто всегда хочу больше знать, понимать ситуацию, и развиваю то, что уже мной написано в последующих работах. И мне интересно сравнивать то что было, то, что я тогда видела и сегодняшние оценки. Для меня все, что я пишу, это путешествие, интеллектуальное путешествие. Это путешествие продолжается и только когда я умру, тогда и будет конец, но этот конец, конечно, для меня. Для других это путешествие продолжится.

Центральная Азия – это очень сложные общества. Для человека извне абсолютно невозможно понять их до конца. Вникать глубже, чуть лучше их понимать – моя цель, но я понимаю все больше и больше, что очень сложно изучать Центральную Азию, но я стараюсь и всегда буду стараться.

Когда вышли Ваши книги, как к ним отнеслись Ваши коллеги-ученые?

Они сказали, что я советский агент!!! (СМЕЕТСЯ).

Это действительно так. Это даже смешно, что ты пишешь нейтральные вещи, но есть общепринятое мнение, и ты или с ним, или против него. Тогда модно у нас было критиковать Советский Союз, писать, что там есть мусульманские народы и добавлять, что они угнетены, что там есть революционные настроения, что там будет переворот. У нас тогда много писали о революционном перевороте. Для мусульманских народов надо было взять как шаблон то же самое, а я так не писала. Когда писала, что у них есть высшее образование этому не верили – говорили: этого просто не может быть. Публиковала разные статьи, например, о женщинах Средней Азии. Это все было для меня как школа. Я постоянно учусь, до сих пор учусь, и настолько мало знаю, что считаю я – студент до сих пор, я изучаю, и могу расти.

Вас читают не только специалисты, Вы, наверное, пишете статьи и в газеты?

Нет. Я очень медленно пишу, я не могу писать для газет.

Как, на Ваш взгляд, что изменилось в интересах западного читателя о Центральной Азии? Есть какие-то изменения или до сих пор не очень многие интересуются ей?

Вы знаете, всё ещё существует это чувство – или с нами, или против нас. Это продолжается, осталось, но теперь, конечно, объекты другие. Если, например, пишешь о Туркменистане лучше, чем обычно пишут, то все считают, что ты агент туркменского правительства. Если пишешь, что и как было в Андижане, и не так, как все пишут, то, очевидно, ты агент узбекского правительства. После андижанских событий я написала статью чисто для внутреннего использования – для НАТО, потому что они спонсировали эту конференцию, которую я должна была проводить в Ташкенте 26-28 мая 2005 г. Так как я отменила конференцию буквально за 3-4 дня до её начала, то я участникам разослала то, что написала, четко указав, что это не для размножения, не для публикаций, конфиденциально но кто-то это выложил в Интернет. Как раз я съездила, на СОРО-Совскую летнюю школу NESP в Кыргызстан, вернулась спустя две недели, и все уже говорят о том, что я писала. Потом из университета Джона Хопкинса в Вашингтоне связались со мной и написали: «То, что Вы написали очень интересно, и мы бы хотели это опубликовать, а Вас бы хотели пригласить выступить, сделать презентацию в Вашингтоне в сентябре». Они предлагали оплатить дорогу и гостиницу, но никакого гонорара не было. Я это говорю потому, что потом мои «обличители» считали, что я поехала, чтобы пропагандировать свою работу, и что я получила огромные гонорары за работу.

А почему Вы поехали в Андижан?

Я была в Ташкенте по организационным вопросам, связанным с проведением конференции, и так получилось, что в субботу и воскресенье была свободна. Я видела, что в Ташкенте все спокойно и решила поехать в Андижан. В Ташкенте мне все говорили: «Нельзя, это опасно». Я сказала, что поеду сама, найду машину. Я подумала, что все-таки должна туда ехать, посмотреть, увидеть всё своими глазами. Когда они это поняли – нашим партнером был Исламский университет, – то нашли двух учителей из Намангана и сказали: «У нас есть машина, мы вас привезём туда, тогда все будет хорошо». Это были такие здоровые парни, и мы вместе поехали. Но я, конечно, боялась. Сделала все распоряжения и оставила контакты своих родных, которых побоялась предупредить, что еду в Андижан.

В тот день был ливень. Мы переночевали в Намангане, на следующий день очень рано, где-то в полчетвертого утра встали и отправились дальше в Андижан. Когда мы приблизились к Андижану, нам стало страшно – никто ничего не знал. Из городского акимията (региональный орган исполнительной власти в Узбекистане – Д.Полетаев) нас встретили, и было понятно, что им не давали команду, только сказали, что какая-то женщина едет. Они не знали, что делать со мной. Они спросили: «Что хотите посмотреть?» Я сразу решила: если они спрашивают, то буду требовать всё – посетить тюрьму, больницу, морг. Всё-всё. Я не думала, что они скажут: «Да, всё что хотите». Но они просто не знали, что делать. Мы поехали и по дороге увидели медресе, и я сказала: «Остановите машину, я хочу поговорить со студентами». – «Хорошо». Я сказала в медресе, что хочу поговорить со студентами. Мне ответили: «Пожалуйста». Я спрашивала: «Как вы узнали об андижанских событиях? Где вы были в тот день? Как вы узнали о том, что происходит? Как вы думаете, кто здесь был инициатором? Как это все произошло?» Студенты рассказывали. Я не помню, стояли там учителя или нет. Думаю, что это даже не имело большого значения – мне было инте-

ресно смотреть на них, на их реакцию. Потом, мы поехали дальше, я увидела мечеть: «Остановите машину, я хочу зайти в мечеть». В мечети были имамы, несколько стариков. Я поговорила с ними, спросила: «В тот день, где Вы были, когда вы узнали об этом? Что Вы делали?» Когда мне говорили, например, о чём-то, что произошло в 11 часов, я спрашивала: «Откуда Вы знаете, что это было 11 часов?» Потому что, если человек знает точное время, то это очень сомнительно. Если он говорит, что смотрел новости дня или кушал, или было какое-то домашнее событие, тогда это более точно, потому что люди знают, что они делали.

Все что я видела, я описала, и в то время не делала для себя каких-то выводов, оценок, а просто постоянно смотрела, спрашивала, слушала и всё записала. До сих пор у меня есть та записная книжка. Мы заночевали в очень, очень бедной ведомственной гостинице для спортсменов. Это было очень простое место. А в полчетвертого мы встали и вернулись в Ташкент, потому что я обещала выступить на небольшом заседании «круглого стола». Сопровождающие поочередно сидели за рулем, чтобы не останавливаться. Ехали быстро. Приехали в Ташкент около десяти часов, успели сделать все, что было запланировано, и я улетела домой. Мой знакомый сказал: «Опиши то, что видела в Андижане, чтобы мы знали». И я это сделала.

Я это Вам всё рассказываю, потому, что кроме вас никому не говорила об этом так подробно – никто не спрашивает, никто не интересуется у меня лично. Те, кто обо мне написали, считают, что всё обо мне знают, они говорят, что даже знают, что я ела в тот день, когда была в Андижане!!! И это, конечно, смешно – они не знают ничего о моей поездке!!!

Потом – поездка в Вашингтон. Я тогда нервничала – очень не люблю выступать перед аудиторией на общие темы. Мне приятно разговаривать с людьми, но выступать – не просто. Тем более что я знала, что аудитория будет настроена против меня, но посчитала, что раз написала, то теперь мной интересуются, и было бы трусостью не поехать. Я должна показать, что не боюсь вопросов, и их мне могут задавать, поэтому я поехала. Меня удивило, что во время выступления задавали много наивных вопросов, но присутствовавшие сказали, что всё, что я говорила, было убедительно. Для меня это был тем более необычный опыт, так как это была американская аудитория. Потом в Нью-Йорке, в Колумбийском университете, узнали, что я в Вашингтоне, и пригласили выступить у них.

После всех выступлений, не совпадавших по духу с моими, сложилось такое положение, что меня хотели выгнать из моего университета. Анонимно затеяли кампанию против меня, дошло до того, что наш университетский комитет по этике заявил, что я нарушила этические правила, что репутация института страдает от этого и поэтому меня надо уволить. Я показала директору все документы о НАТОвской конференции, все финансовые документы, чтобы опровергнуть все слухи. Когда директор все увидел, он сказал, что не видит никаких нарушений этики и всё нормально.

Но нападки на меня до сих пор продолжаются.

Есть один узбек, проживающий в Англии, выдающий себя за лидера оппозиции. Он дал интервью и сказал, что каждый раз, когда я приезжаю в Ташкент, меня встречает президентская гвардия и меня везут в резиденцию президента, где я останавливаюсь!!! Что я там лично, при свидетелях, получала 1 миллион долларов!!! Мне просто интересно, как это мне могли дать такие деньги, и потом это нигде не проявилось? Через банковскую систему никто не принимает такой чек!!! А если наличными, то миллион долларов – как это выглядит? Наверное, это не один чемодан!

Понимаете, такие фантастические вещи пишут, и люди верят. Если у меня есть такие деньги, я даже не знаю, зачем я ещё работаю?

Как Вы оцениваете востоковедческую школу и советскую и постсоветскую и востоковедческую школу в Англии, на Западе?

По-моему, пока у нас нет хороших специалистов по Центральной Азии.

Вы когда-нибудь занимались депортациями? Как-то сталкивались с этой темой?

Только когда я изучала депортации в Казахстане. Я писала статью об этом, я изучала этот вопрос.

Депортация в Казахстан, в сталинское время?

Да, я написала статью именно об этом. Когда я изучала вопрос о депортациях в Казахстан, то решила более широко рассмотреть этот вопрос. К своему удивлению, я увидела, обнаружила для себя, что не только в России, но даже в Британской империи были такие депортации. В частности, ситуация на архипелаге Чагос [Chagosians], в Индийском океане. В середине 1960-х все население Диего-Гарсии, британской островной территории в Индийском океане, было выслано, из-за создания американской морской базы. Описания этой депортации теми, кто пережил её, имеют поразительное сходство с советскими массовыми депортациями. Описывают, как с оружием в руках окружали людей и запрещали им брать больше чем самый необходимый минимум и переселяли их в ужасных условиях и в далёкие от дома места. По прибытии их оставляли без еды и работы и они «стали переселенцами на чужой земле», ощущающими себя «покинувшими рай и брошенными в ад». Все это произошло потому, что хотели во время холодной войны построить военную базу. То есть буквально за один день депортировали всё местное население. Переселенцы очень страдали, умирали, среди них началось повальное пьянство, работы не было. Сложилось ужасное условия. Это было 50 лет назад. И было показательным, что эти депортированные употребляли те же слова, что и крымские татары, когда они описывали депортацию. А потом чагосцы начали судиться с Британским правительством. Был суд, судьи Великобритании их оправдали и дали право возвращаться, но правительство фактически не дало им такой возможности до сих пор. До сих пор они в изгнании. Теперь они обращаются в Европейский суд, с просьбой, чтобы им не только дали право вернуться, но и чтобы действительно имели такую возможность.

Откуда и куда их депортировали?

На Сейшелы и другие острова, за тысячи километров от Родины.

С родного острова их депортировали на другие острова?

Да. И они не устроились, они до сих пор мечтают о возвращении.

До сих пор?

Да, они борются за это, как крымские татары в свое время. Это очень напоминает то, как крымские татары начинали бороться за право вернуться и очень напоминает то, что происходит с ними теперь. Это не единственный пример. Если мы возьмем Австралию, то австралийское правительство тоже депортировало аборигенов. Нашли богатые месторождения минеральных ресурсов, и когда их захотели разрабатывать, то аборигенов просто депортировали. И опять мы встречаем у аборигенов Австралии те же слова, те же воспоминания: «Наша Родина очень красивая, и это наша Родина». Они еще говорят: «Наше кладбище там, наши предки». После того, как они подняли этот вопрос, премьер-министр Австралии публично в парламенте извинился перед аборигенами, но они так и не вернулись на

свои земли, потому что там идет добыча полезных ископаемых, на этом работает целая отрасль промышленности и невозможно аборигенам вернуться на эти земли.

Речь не идёт о том, чтобы оправдывать то, что было сделано в Советском Союзе, но великие державы часто ведут себя подобным образом. Они считают, что не стоит считаться с какими-то ничтожными малочисленными, не очень развитыми народами, смотрят на эти народы с высоты, и полагают, что вправе делать с ними всё, что захотят, во имя великодержавных государственных интересов. Это великодержавный менталитет. Для меня было совершенно неожиданно, что в Британской империи, в Австралии тоже были такие случаи, и мы должны всё это учитывать, когда изучаем этот вопрос. Это проблема не только одной страны, одного периода в истории. Нет, это мышление империи, и вот на это надо обратить внимание.

А то, что Вы писали, когда сравнивали британский и австралийский примеры с казахстанским? Что на Ваш взгляд это из себя представляет?

Казахстан это особый пример.

Было несколько волн депортаций, но если мы смотрим на 1940-е годы, то тогда доминировали военные причины. И правительство Советского Союза в 1940-е, и правительства других стран в схожих ситуациях считали, что угроза безопасности – это главное всего. И они закрывали и закрывают глаза на то, что у людей есть гражданские права, или просто вообще не думают об этом. Но если угрозу безопасности правительство считает очень убедительной причиной для нарушения гражданских прав, то есть ещё и криминальное поведение, распространяемое на целый народ. Так, например, считают что, криминальное поведение есть у цыган в Европе. Везде говорят, что нельзя обращаться с цыганами таким образом, как будто они все преступники. Но, существует, якобы, общественное мнение, к которому и апеллируют, несправедливо утверждая, что это сплошь преступники и уголовники. Поэтому надо анализировать причины принятия любого несправедливого, ужасного по своим последствиям решения. Это очень важно понимать и учитывать – не простить, но понимать этот процесс, если мы хотим избежать таких ошибок, в дальнейшем. Это не уникальный случай, это образ мышления, поведения и надо это изучать, чтобы потом мы лучше поняли этот процесс.

Ширин, скажите, а Вы купили эту жилетку или Вам подарили? (жилетка в национальных восточных орнаментах, вручную вышитая)

Да, подарили.

Скажите, пожалуйста, несколько слов для читателей.

Мне кажется, что у Вас очень хороший журнал. Это всегда хорошо, когда есть большое количество многосторонней информации, и то, что вы берете интервью у исследователей, мне кажется очень нужным. Сейчас молодежь начинает изучать Центральную Азию, это хорошо, но до сих пор это осуществляется на невысоком уровне, много не исследовано, это совершенно новый регион мира для многих, и я рада, что Ваш журнал помогает такому изучению.

Находится ли изучение Центральной Азии на Западе или в странах СНГ тоже на низком уровне?

И в странах СНГ, и на Западе. У всех нас есть свои предубеждения и мы должны избавляться от них. Только когда исследователи приезжают в

Центральную Азию, живут здесь, у них накапливается опыт. Можно только сожалеть, что молодые исследователи Центральной Азии изучают её через Интернет или чужие публикации, переписывают то, что найдут на свой лад, и еще хуже, когда западные исследователи, или исследователи из стран СНГ пишут или выступают на английском языке о Центральной Азии. Они, конечно, прекрасно знают язык, новейшие модные выражения, но суть они не знают. И как применять новомодные теории к тому, что они видят – не знают. Лучше говорить простыми словами, а не красивыми, но малозначащими фразами, чтобы было интересно то, что происходит здесь, в Центральной Азии

Спасибо!

«АРТ'ЭРИА» «НЕМИС КЛУБЫ» неміс-ресейлік мәдениет байланыстарының феномені ретінде

Мақалада Мәскеу немістерінің бастамасымен құрылған, патшалық Ресейдегі ең көне қоғамдық ұйымдардың бірі – Мәскеу неміс клубының тарихы, революцияға дейінгі Мәскеудің мәдени өміріндегі оның рөлі сипатталған. Сонымен бірге, 2009-2010 жылдары 1860-1914 жылдары Мәскеу неміс клубы жұмыс істеген үйде «АРТ'ЭРИА» өнер жұмыскерлерінің орталық үйінің шығармашылық экспериментальды алаңында «Неміс клубы» атауымен классикалық музыка кештерінің циклы өткендігі туралы баяндалып, бұл оқиға өзіндік сипатта бұрынғы Мәскеу неміс клубының, ал бүгінде «АРТ'ЭРИА» атты экспериментальды алаңын бірыңғай құбылысқа байланыстырғандай болды.

Осы сәтті пайдалана отырып, автор «Неміс клубына» ақпараттық қолдау көрсеткен неміс тілінің барлық аудармашыларына өзінің алғысын білдіреді. Бұл - Sonja Luehrmann, Елена Кузнецова және Голощук Татьяна.

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Цикл вечеров классической музыки творческой экспериментальной площадки московского Центрального дома работников искусств «АРТ'ЭРИА», начавшихся в сезон 2009-2010 гг., можно с полным правом считать историческим событием культурной жизни российской столицы и немецко-российских культурных связей – именно в том здании, где сейчас расположена «АРТ'ЭРИА», несколько десятков лет работал Московский немецкий клуб, одна из старейших общественных организаций в царской России, созданная по инициативе московских немцев. Возрождение традиций на почве искусства и творчества – хороший повод не только вспомнить о необходимости кропотливой повседневной работы по налаживанию добрососедских отношений, но и о уже имеющемся историческом, но за давностью лет сильно подзабытом, позитивном опыте выстраивания таких отношений. Начать стоит издавелека, чтобы увидеть, как сильно в историческую ткань формирования городской среды вплетаются немецкие (да и не только немецкие) мигранты-иностранцы, меняющиеся под её воздействием и, в свою очередь, сами меняющие её.

История места

Пушечная улица, на которой стоит здание, где в дореволюционные времена располагался Московский немецкий клуб, получила свое название в 1922 г., в память о существовавшем здесь с XV по XIX вв. Пушечном дворе. До этого улица называлась Софийкой – по церкви Софии, построенной насильно переселенными в Москву жителями из Великого Новгорода. Здание церкви и сейчас еще стоит на улице.

В XVII в. все пространство по Рождественке^[1], от Софийки до Кузнецкого моста, составляло двор окольного Михаила Васильевича Собаки, по-

[1] Сорокин В. Пушечная улица (Софийка, Софийская улица, Пушечный переулок). // Наука и жизнь. – 1995. – №3. – http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9503/nj9503_a.htm

«GERMAN CLUB» IN «ART'ERIA» as a phenomenon of German Russian cultural connections

In the article were described the origins and work of the Moscow German club, one of the oldest social organizations in Tsarist Russia, initiated by the Germans in Moscow and its role in the cultural life of pre-revolutionary Moscow. The article tells us about the series of evenings of classical music under the name "German Club" in creative experimental area of the Moscow Central House of Art Workers' ART'ERIA that were held in the building, where from 1860 to 1914 worked Moscow German club that sort of linked the past - in the face of the Moscow German club and present - in the face of the experimental place Central Club "ART'ERIA" into a one united thing in 2009-2010.

Using the opportunity, the author expresses his gratitude to all the translators to German language, which provides information support to "the German club." This is Sonja Luehrmann, Elena Kuznetsova and Tatiana Goloschuk.

томка родственников третьей жены Ивана Грозного – Марфы. В середине 1770-х гг. здесь уже размещались дворы нескольких владельцев, среди которых были владения Николая и Федора Салтыковых – сыновей известной тиранки и душегубки Салтычихи. В марте 1776 г. владение последних было продано с аукциона.

В 1802-1803 гг. был снесен Пушечный двор, его территория была превращена в площадь. Пожар 1812 г. уничтожил все деревянные здания и повредил каменные строения на всей территории современной Пушечной улицы. После этого, по указанию Комиссии для строения города Москвы, в 1817-1819 гг. реку Неглинную заключили в подземный канал, перепланировали всю местность до стен Китай-города и Лубянки. К 1848 г. большая часть территории по Софийке сосредотачивается в руках почетного гражданина,

Рисунок 1.
Вид улицы
Софийки сверху.
Фототипия XIX в.
Фирмы «Шерер,
Наболец и Ко»
из найдёновских
альбомов
«Москва. Виды
некоторых
местностей,
храмов,
примечательных
зданий и
сооружений».
Здание на
Пушечной, 9
– здание с
колоннами
(справа), где
располагался
Московский
немецкий клуб

«НЕМЕЦКИЙ КЛУБ» В «АРТ'ЭРИА» как феномен немецко-российских культурных связей

Описана история возникновения и работы Московского немецкого клуба, одной из старейших общественных организаций в царской России, созданной по инициативе московских немцев, и его роль в культурной жизни дореволюционной Москвы. Рассказывается о прошедшем в 2009-2010 гг. цикле вечеров классической музыки под общим названием «Немецкий клуб» на творческой экспериментальной площадке московского Центрального дома работников искусств «АРТ'ЭРИА», в здании, где с 1860 по 1914 гг. работал Московский немецкий клуб, что своеобразно связало прошлое – в лице Московского немецкого клуба, и настоящее – в лице экспериментальной площадки ЦДРИ «АРТ'ЭРИА» в единое целое.

Пользуясь удобным случаем, автор выражает благодарность всем переводчикам на немецкий язык, которые обеспечивали информационную поддержку «Немецкого клуба». Это Sonja Luehrmann, Елена Кузнецова и Голощук Татьяна.

коммерции советника А. А. Торлецкого, выполнявшего подряды на крупных строительных объектах.

В 1840-х гг.^[2] новый владелец А. А. Торлецкий возводит по Софийке на свободной территории здание (ныне здание Пушечная, 9), по проекту, приписываемому архитектору К. А. Тону – автору проектов Большого Кремлевского дворца, первого вокзала Москва – Санкт-Петербург и Храма Христа Спасителя. Именно сюда в октябре 1860 г.^[3] переезжает Московский немецкий клуб (рис.1).

Московский немецкий клуб как феномен культурной жизни Москвы

Московский немецкий клуб не был первым в своём роде. В Санкт-Петербурге уже были образованы «Санкт-Петербургское немецкое общество 1772 года» и «Санкт-Петербургское немецкое общество 1801 года». Такие организации ориентировались на средние слои немецкого населения в России^[4], предлагая своим членам различные формы проведения досуга (бильярд, кегельбан, шахматы и шашки, карточные игры и т. д.) в кругу соотечественников.

Хотя предание относит возникновение Московского немецкого клуба чуть ли не ко времени Петра Великого, первой достоверной датой^[5] в его истории следует все же считать 15 декабря 1818 г., когда некий Мартин (Матвей Андреевич) Шварц и 45 других иностранцев, в основном немцев, подали прошение на имя московского военного генерал-губернатора гр. А.П. Тормасова с просьбой разрешить открытие Танцевального клуба: «... в Москве, на Бутырках, по желанию многих иностранцев открыть танцевальный клуб» и позволить продажу в нем горячительных напитков и игру в карты, а также «для увеселения поставить один бильярд» и «в назначенные от старшин дни производить инструментальную музыку для увеселения дам». После чего 7 февраля 1819 открыто первое официальное гражданское общество в

[2] Сорокин В. Пушечная улица (Софийка, Софийская улица, Пушечный переулок) // Наука и жизнь. – 1995. – № 3. – http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9503/nj9503_a.htm

[3] http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9503/nj9503_a.htm

[4] Бахмутская Е.В. Общественная жизнь российских немцев в кн. «Немцы в России»: Историко-документальное издание. – СПб.: Лики России, 2004. – <http://www.genrogge.ru/grbook/12.htm>

[5] Михаил Вострышев М. Клубная жизнь старой Москвы // Московский журнал. – 2004г. – N 10. <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=800994>

Москве в Бутырках – «Немецкий танцевальный клуб», организованный по примеру «Немецкого (мещанского) танцевального клуба» в С.-Петербурге (осн. в 1789 г.). Через несколько месяцев среди членов клуба возникла идея создания «Немецкого гражданского общества», устав которого написан летом 1819 г. и утвержден московским военным генерал-губернатором 30 авг. 1819 г.

Уже в октябре 1819 г. клуб переехал в Мясницкую часть, в дом князя М. М. Долгорукова. Он был открыт ежедневно с утра до 12 час. ночи, а в балльные дни – до 2 час. ночи. Еще одно отличие балльных дней состояло в том, что кавалеры имели право приводить с собой сколько угодно дам. Впрочем, если они, по легкомыслию, решались прихватить и женщин «с худой репутацией», то весьма легко могли лишиться членства в клубе. Создатели клуба стремились объединить своих соотечественников для приятного проведения свободного времени: в клубе предусматривались чтение газет, игры (в карты, на бильярде), организация обедов и ужинов, проведение балов и маскарадов^[6]. В 1819-1839 гг. количество членов клуба составило 450 чел. Сверх того допускались 250 годовых посетителей.

Посещать увеселения поначалу могли только немцы, но уже в 1830 г.^[7] русские получили возможность становиться членами клуба на правах посетителей. В 1833 г. в клубе числилось 104 русских члена, тогда как немцев и представителей других национальностей – 127 человек, но по уставу первым запрещалось избираться старшинами. В число членов клуба входили, главным образом, ремесленники, мелкие хозяева и представители образованных городских слоев.

К 1839 г. клуб насчитывал 450 действительных членов, 250 членов-посетителей и 500 кандидатов. В «географическом» отношении он перемещался следующим образом: с Мясницкой переехал на Покровку, в дом возле церкви Троицы на Грязях, оттуда на Ильинку, в дом Петра Калинина, затем в здание Российского благотворного собрания (вход с Георгиевского переулка), а последний его адрес – дом Торлецкого-Захарьина, где ныне располагается старое здание Центрального Дома работников искусств.

Рисунок 2.
Металлическая бона Московского немецкого клуба
Источник:
<http://smolbattle.ru/index.php?showtopic=1857>

Когда в клуб получили доступ и русские, то скоро число их было уже значительным: после 1839 г. они составили 250 годовых посетителей и 500 кандидатов в посетители (в год).

Особенно весело в Немецком клубе проходили маскарады, под которые отдавались и залы Благородного собрания, располагавшиеся в том же здании и соединявшиеся лестницами с клубными залами. На них присутствовало одновременно до десяти тысяч человек, а ужин накрывали на четыре тысячи персон. В «Очерках московской жизни», опубликованных в 1842 г., П. Ф. Вистенгоф следующим образом передал дух этих праздников: «Маскарады Немецкого клуба посещаются преимущественно семействами немцев,

[6] Клубы в России. История длиною в 200 лет. – <http://www.cigarinfo.ru/news/articles/1191.html>

[7] Аридт Е. Немцы у истоков современной культуры России. Материалы сайта Астраханской областной немецкой национально-культурной автономии. – http://www.rdinfor.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=30351

иностранцами других наций, принадлежащих к ремесленному классу, семействами мелких учителей, актерами и актрисами. В этих маскарадах существует разгульная непринужденная веселость. Здесь на туалет нет большой взыскательности, и молоденькие немочки, а иногда и старушки, преспокойно попрыгивают контрадасы в простых беленьких платьицах, часто без всяких украшений. Между ними попадаются и русские дамы в амазонках и наряженные кормилицами. Эти дамы снимают свои маски уже тогда, когда старшины клуба порядочно наужинаются и ко входу их сделаются несколько благосклоннее. А до того времени им угрожает злобное немецкое «heraus» (вон) Мужчины среднего круга также посещают маскарады клуба, чтоб поволочиться за немочками и за этими русскими дамами, которые так боятся непоужинавших немцев. Они нередко также подвергаются грозному «heraus» за свои шалости. Смотри по роду преступления, их иногда выводят с музыкой»^[8].

По числу посетителей (62 тыс. чел. в 1853 г.)^[9] и размерам капитала (во 2-й пол. XIX в. капитал клуба составлял более 300 тыс. руб. ассигнациями, а в 1869 г. – 420 тыс. руб.) Московский немецкий клуб являлся одной из ведущих общественных организаций Москвы.

В 1860-е гг. в клубе образовались две «партии»: «русская» и «немецкая», из-за разногласий по использованию средств клуба. Одна из причин возникновения конфликта – появление националистических настроений в русском обществе, находивших поддержку в правительстве; другая причина – национализм части немецких членов клуба, в основном германских подданных.

С принятием в 1870 г. нового устава клуба^[10], русские его члены получили равные избирательные права с немцами. В клубном уставе 1870 г. подчеркивалось, что «в клубе все... должны почитать себя равными, а различия звания каждого из них (членов клуба) вне клуба не принимаются в уважение». Вплоть до закрытия клуба происходила постепенная русификация его деятельности. Это нашло выражение в подборе пьес, ставившихся на его сцене, и концертного репертуара, а также в постепенном вытеснении немецкого языка как основного средства общения в клубе.

На начало 1870-х гг.^[11] среди двух тысяч членов Московского немецкого клуба, превратившегося к этому времени в крупнейшее общественное собрание старой столицы, немцев было менее половины. С 1870-х гг. в клубе устраивались литературные чтения. В программе клуба на улице Софийка все большее место занимают культурные мероприятия, проводившиеся на русском языке – вечера поэзии, концерты, спектакли. Аналогичная ситуация была характерна для Санкт-Петербургского немецкого общества 1801 г., среди членов которого в 1880-е гг. немцы составляли лишь треть по численности национальную группу. Политики открытости придерживалось и основанное в 1789 г. столичными ремесленниками Немецкое мецанское танцевальное общество: приглашая в свои ряды представителей ремесленных специальностей разных национальностей, оно публиковало внутреннюю информацию одновременно на немецком и русском языках, подписывалось не только на немецкие, но и на русские и французские периодические издания.

С 1870 г. в члены Московского немецкого клуба принимали без различия национальностей. Его посещали немцы, евреи, армяне, иранцы и др. иностранцы (442 члена и 417 кандидатов в члены), русские годовые посетители – 234 и 715 кандидатов – всего 1808 чел. В клуб допускались и гости: два от каждого члена клуба. Московский немецкий клуб состоял из полных членов, имеющих право избирать и быть избранными на должности в клубе и контролировать доходы и расходы, и из годовых посетителей. Возрастной ценз члена клуба – не моложе 21 года. Участвовать в баллотировке по приему в члены или годовые посетители клуба могли только кан-

[8] Клубы в России. История длиною в 200 лет. – <http://www.cigarinfo.ru/news/articles/1191.html>

[9] Аридт Е. Немцы у истоков современной культуры России. Материалы сайта Астраханской областной немецкой национально-культурной автономии. http://www.rdinfo.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=30351

[10] Аридт Е. Немцы у истоков современной культуры России. Материалы сайта Астраханской областной немецкой национально-культурной автономии – http://www.rdinfo.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=30351

[11] Бахмутская Е.В. Общественная жизнь российских немцев в кн. «Немцы в России»: Историко-документальное издание. – СПб.: Лики России, 2004. – <http://www.genogge.ru/grbook/12.htm>

дидаты в них, занесенные прежде в особую книгу. В управление Московского немецкого клуба входили пять репрезентантов, служивших посредниками между простыми членами клуба и старшинами, и семь старшин, управлявших делами клуба. Кроме того, избирались почетный старшина и почетные члены клуба.

12 апреля 1883 г.^[12] в здании на Софийке была открыта выставка картин художника В. В. Верещагина о русско-турецкой войне. В 1891 г. здесь устраивались спектакли Общества искусства и литературы, на которых впервые выступил в качестве режиссёра К. С. Станиславский.

Так, 8 февраля 1891 г.^[13] на сцене этого клуба прошла с успехом пьеса Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». На роль Бетси режиссер спектакля К. С. Станиславский пригласил дочь известного певца Ф. П. Комиссаржевского – Веру. О том, что здесь К. С. Станиславский осуществил первые режиссерские работы, говорит установленная на стене дома мемориальная доска.

На сцене клуба играли спектакли многие театральные кружки, в залах проводились семейные и танцевальные вечера, балы, вербные и рождественские благотворительные базары. В 1890-х гг. в Немецком клубе секретарем работал А. А. Штильмарк, отец известного писателя Р. А. Штильмарка^[14], написавшего известнейший приключенческий роман «Наследник из Калькутты»^[15].

Музыкальная жизнь Немецкого клуба освещалась в московской дореволюционной прессе и была достаточно интенсивной. Например, из прессы нам известно об одном блестящем концерте, прошедшем в Московском немецком клубе. Это был концерт Сергея Александровича Кусевицкого – контрабасиста-солиста, дирижера, общественного и музыкального деятеля. Он с большим интересом ожидал в начале 1900 г. приезда в Москву австрийского композитора Зимандля. Кусевицкий, заочно бывший большим поклонником его таланта, побывав на репетиции своего кумира, испытал полное разочарование «примитивной техникой и легкомысленной интонацией» Зимандля и, вернувшись домой, в гневе разорвал его портрет. А несколько дней спустя Кусевицкий с блеском исполнил в Немецком клубе тот самый концерт Генделя, который весьма неудачно играл Зимандль. И хотя о клубных концертах пресса обычно не писала, об этом концерте Кусевицкого появилось несколько восторженных рецензий.

Немецкий клуб был открытым национальным сообществом, которое можно назвать самым популярным в городе по числу членов и посетителей (1817 членов в 1910 г.^[16]). Из других общественных организаций московских немцев стоит отметить общество любителей хорового пения «Лидертафель» (образовано в 1861 г.), Московский литературно-драматический кружок (функционировал с 1904 г.), Мужской певческий союз (образован в 1874 г.), Гимнастическое общество (создано в 1907 г.) и др. В 1907 г. в Москве был основан Немецкий союз, главной целью которого провозглашалась «культурно-национальная работа». В отличие от Немецкого клуба, эта организация строго соблюдала принцип корпоративности, не допуская в число своих членов лиц иных национальностей.

[12] Сорокин В. Пушечная улица (Софийка, Софийская улица, Пушечный переулок). // Наука и жизнь. – 1995. – №3. – http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9503/nj9503_a.htm

[13] Сорокин В. Пушечная улица (Софийка, Софийская улица, Пушечный переулок). // Наука и жизнь. – 1995. – №3. – http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9503/nj9503_a.htm

[14] Штильмарк, Роберт Александрович. Материал из Википедии – свободной энциклопедии – http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA_%D0%A0%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

[15] «Наследник из Калькутты» (1958) – приключенческий исторический роман Роберта Штильмарка. Роман был написан в 1950–1951 гг., в лагере, на строительстве восточного крыла железной дороги Салехард–Игарка. Штильмарк начал писать его по просьбе уголовного авторитета Василия Васильевского в обмен на освобождение от общих работ. Васильевский надеялся послать роман Сталину и получить амнистию. В 1955 г. Штильмарка реабилитировали, и он уехал в Москву. Ему удалось передать рукопись Ивану Ефремову, который дал хороший отзыв для издательства «Детгиз». Роман вышел в 1958 г. в серии «Библиотека приключений и научной фантастики» и стал бестселлером. На обложке, кроме Штильмарка, в качестве автора был указан и Васильевский. В 1959 г. Штильмарк через суд доказал, что он является единственным автором. Следующая волна интереса к «Наследнику из Калькутты» возникла в конце 1980 гг., когда можно было рассказать о подлинных обстоятельствах его появления на свет. Сам Штильмарк подробно написал об этом в автобиографическом романе «Горсть света», в котором вывел себя под фамилией Валдек, а Васильевского – под фамилией Василенко. – Наследник из Калькутты. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%B8%D0%B7_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D1%82%D1%82%D1%8B

[16] Арият Е. Немцы у истоков современной культуры России. Материалы сайта Астраханской областной немецкой национально-культурной автономии http://www.rdnfo.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=30351

К идеологическим метаморфозам можно отнести то, что клуб, называвшийся сначала Московским немецким клубом, в связи с началом Первой мировой войны в 1914 г., когда в обществе оживились патриотические чувства, был спешно переименован в Московский славянский клуб. Начало Первой войны положило конец не только деятельности немецких общественных организаций, подлежащих закрытию согласно указу от 21/22 октября 1914 года^[17], но и самому существованию многотысячной немецкой диаспоры российских столиц, игравшей на протяжении столетий заметную роль в экономической, социальной и культурной жизни Москвы и Санкт-Петербурга. В 1918 г. прекратилось и существование Московского славянского клуба.

Связь времён

В мае 1939 г. в здании, где находился Московский немецкий клуб, открывается Центральный Дом работников искусств (ЦДРИ). В 2004 г. в ЦДРИ открывается театрално-концертно-художественный клуб «АРТ'ЭРИА», в котором в течение сезона 2009-2010 гг. Ниной Кибрик, арт-директором этого клуба, проводились вечера классической музыки в память о Московском немецком клубе. Через 95 лет после закрытия Московского немецкого клуба, 149 лет после переезда Московского немецкого клуба в здание на Софийке (ныне Пушечной, 9) и через 190 лет со дня его основания, прошедший в «АРТ'ЭРИА» цикл мероприятий под общим названием «Немецкий клуб»^[18] связал прошлое – в лице Московского немецкого клуба, и настоящее – в лице экспериментальной площадки ЦДРИ «АРТ'ЭРИА» в единое целое.

Список исполнителей, которые участвовали в этом цикле обширен и очень разнообразен. Это исполнители классической музыки в её современном академическом варианте (струнный квартет «Carbonari XL», ансамбль старинной музыки «Arte-Fakt»); классической музыки, исполняемой на аутентичных инструментах XVI-XVIII вв. (ансамбль старинной музыки «Соллисты Барокко»), включая даже переносной орган («Alta Capella»), и средневековая музыка XII-XVI вв., также исполняемая музыкантами на аутентичных инструментах и даже в аутентичных одеждах (ансамбль средневековой музыки «Avis Dei»). Кроме того, в «Немецком клубе» звучали классические (и новые авангардные) произведения в совершенно экспериментальном варианте – дуэт «Yugoria» виртуозно исполнял на двух аккордеонах композиции от Баха до авангардной японской современной музыки.

Сезон «Немецкого клуба» 2009-2010 гг. был закрыт 15 мая 2010 г., в итоговом концерте которого выступили почти все участники «Немецкого клуба».

Живая, почти домашняя атмосфера концертов, была вызвана, с одной стороны, камерностью зала, вмещающего не более 100-120 зрителей, с другой – великолепной акустикой купольного кирпичного свода «АРТ'ЭРИА», сохранившегося со времён Московского немецкого клуба и позволившего почти всем музыкантам выступать без микрофонов, максимально приблизившись к исторической атмосфере выступлений в Московском немецком клубе. Но, конечно, главное, что сделало «Немецкий клуб» особенно запоминающимся, – удивительная атмосфера, создаваемая Ниной Кибрик, и внимательные зрители.

Созданный «АРТ'ЭРИА» прецедент «Немецкого клуба», когда классическая музыка звучала в исторических помещениях Московского немецкого клуба, удивителен и необычен ещё и тем, что присутствовавшие на концертах иностранцы (немцы, французы и др., в том числе представители немецкого посольства в Москве и фонда Конрада Аденауэра^[19]) своеобразно

[17] Бахмутская Е.В. Общественная жизнь российских немцев в кн. «Немцы в России»: Историко-документальное издание. – СПб.: Лики России, 2004. – <http://www.genroge.ru/grbook/12.htm>

[18] Видео и фотографии можно посмотреть на сайте Арт'Эриа – http://community.livejournal.com/art_eria/ и найти в YouTube

[19] Ролдик о «Немецком клубе» можно посмотреть по адресу – <http://rutube.ru/tracks/2684767.html?v=4167154a15bd566123ff1a217caaac43>

Рисунок 3.
Афиша
«Немецкого
клуба»
в «АРТЭРИА»
15 мая 2010 г.

воссоздавали атмосферу Московского немецкого клуба, объединявшую московских жителей из разных стран с помощью искусства.

Проведённый музыкально-исторический эксперимент – необычный российско-немецкий культурный прецедент, очень естественный и интересный. Думается, что именно такого рода проекты могут быть предметом для подражания как в других городах России, так и в Казахстане, где до сих пор проживает большое количество немцев, ставших частью казахстанского общества и воспринимающих Казахстан как свою Родину.

Уважаемые читатели!

Полную версию нашего журнала

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Общество. Политика. Экономика»

вы можете найти в базе данных

интегрум

(Интегрум-Техно)

www.integrum.ru

База данных Интегрум — это крупнейшая электронная коллекция СМИ России

и стран СНГ. На начало августа 2010 г. в базах Интегрума хранилось

- более 400 млн. документов в 5000 базах данных, охватывающих полнотекстовые версии центральных и региональных СМИ;
- аналитические исследования и обзоры;
- адресно-справочные и правовые базы данных;
- информацию Роспатента, Госкомстата; полные тексты произведений русской классики и многое другое.

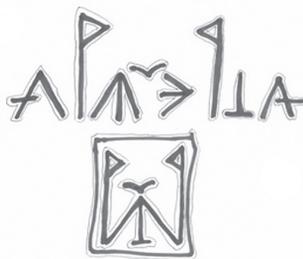
Интегрум — это не только уникальная коллекция баз данных, это еще и набор профессиональных поисковых и аналитических инструментов для мониторинга русскоязычных СМИ и для исследования политической, экономической жизни России и стран СНГ.

Клиентами Интегрума являются такие всемирно известные организации, как

- ✓ Британская библиотека, Оксфордский университет,
- ✓ Шанхайский университет иностранных языков,
- ✓ Институт международных исследований (Монтерей),
- ✓ радио Свобода,

а также многие другие библиотеки, университеты, фонды, газеты, информационные агентства в разных странах.

Театрально-концертно-художественный клуб «АРТ`ЭРИА»

Каминный зал Центрального дома работников искусств – ЦДРИ в Москве

Творческое кредо клуба сформулировал его основатель – **Александр И. Строев**:
«**ДЫШАТЬ САМИМ, ДАТЬ ДЫШАТЬ ДРУГИМ, ДЫШАТЬ ДРУГИМИ**».

Клуб основан в 2004 г. и продолжает, с одной стороны, традицию поддержки экспериментов в области искусства при ЦДРИ, активным сторонником которой является директор ЦДРИ

Энгелиса Георгиевна Погорелова, а с другой – является продолжателем традиций концертов, проходивших в Московском немецком клубе, расположенном до 1914 г. в здании, где сейчас располагается «АРТ`ЭРИА». Арт-директор «АРТ`ЭРИА» **Нина Кибрик**.

Клуб является экспериментальной творческой площадкой Центрального дома работников искусств в Москве, его основная задача – поддержка неформатного, в том числе экспериментального искусства и творчества различных направлений и стилей. Деятельность клуба осуществляется в основном благодаря волонтерской работе его постоянных посетителей, и все проекты клуба являются некоммерческими.

Основную деятельность клуба можно разбить на несколько направлений, в том числе по циклам проводимых мероприятий.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО:

- музыкально-художественная «Студия Ратнера» – музыкальные вечера; (музыка всех направлений) для рисующих, фотографирующих и снимающих видео;
- «День Ангела. Жизнь замечательных художников» – встречи с художниками и вечера памяти;
- художественные выставки;
- артериальные ясли – занятия искусством с младенцами – детьми членов клуба.

КИНО:

- кино-чай «Африка» – фильмы об Африке и африканские фильмы из коллекции Виктора Сисоко, перевод фильма на русский «вживую», обсуждение и чаепитие после фильма;
- кино-чай «Ars Longa» – фильмы о художниках, в том числе, при необходимости, перевод фильма на русский «вживую», обсуждение и чаепитие после фильма.

БЕСЕДЫ И ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА:

- «Простому говоря» – простым языком о специфических творческих профессиях и областях знания;
- «По следам экспедиций» – рассказы о самых разных экспедициях, от фольклорных до археологических;
- «Одно и об одном. Цвета и оттенки церковной молитвы» – о. Александр Агапов, ученый-филолог рассказывает об оттенках православной культуры;
- поэтические вечера.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА:

- «Немецкий клуб» – инструментальная музыка, акустические концерты классической музыки в память о Московском немецком клубе;
- «Нескучный понедельник» с Яном Бедерманом – экспериментальные джемы-перформансы Яна Бедермана с различными музыкантами и исполнителями;
- музыкальные концерты: авторская песня, фольклор, фолк-рок, экспериментальная музыка различных стилей и направлений.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ФЕСТИВАЛИ:

- «От фольклора до авангарда» – фестиваль «Путивльский путь. Putivl's drive» – февральская презентация летнего фестиваля искусств, проводимого «АРТ`ЭРИА» в августе, городе Путивль (Украина) «Золотая кувшинка» (с 2004 г.);
- «Красная горка» – фестиваль язычковых инструментов, пасхальный фестиваль;
- «Пустые холмы» – с 2010 г. отдельная сцена «АРТ`ЭРИА» на этом фестивале;
- «Учудил» – фестиваль уникального креатива;
- «Чаща всего» – некоммерческий проект движения хиппи, объединяющий в себе трёхдневный фестиваль под открытым небом, вдали от города, и разнообразные концерты, часть из которых проходит в «АРТ`ЭРИА»;
- «Даждь» – фестиваль поэтического рока.

Проекты «АРТ`ЭРИА» по итогам сезона – спектакли «ОЕ» по А.С. Пушкину (по мотивам «Евгения Онегина», чтение «Слова о полку Игореве», проект Влада Жигалова (Аэроглиф) – «Маяк».

Творческие партнёры клуба, на площадках которых осуществляются выездные мероприятия «АРТ`ЭРИА» – Клуб «Дом», Политехнический музей, клуб «Арбат-22», «Винзавод», «Живой уголок», «Жест».

Сообщество театрально-концертно-художественного клуба
«АРТ`ЭРИА»

(Каминный зал ЦДРИ) в Интернете – http://community.livejournal.com/art_eria/

Адрес: Россия, Москва, ул. Пушечная, 9/6 (м. Кузнецкий мост)

сайт ЦДРИ, страница «АРТ`ЭРИА»: <http://www.cdri.ru/clubart/>

«АРТ`ЭРИА» «В контакте»: <http://vkontakte.ru/club1295653>

«АРТ`ЭРИА» – «ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ НАСТОЯЩЕЕ».

Мы ждём Вас
в нашем клубе!

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

ТОРСТЕН БОНАКЕР

Шиеленісті зерттеу орталығының бейбітшілік және шиеленіс мәселелері жөніндегі профессор, Филиппс университеті (Марбург, Германия)

ШИЕЛЕНІС, ҚОҒАМДЫҚ ТӘРТІП ЖӘНЕ ШИЕЛЕНІСКЕ ТАЛДАУ ЖАСАУ – ПІКІРТАЛАСТАР ЖӘНЕ КӨЗҚАРАСТАР

Шиеленіс пен қоғамдық тәртіпті зерттеу Орталық Азия мен Шығыс Еуропа елдерінің көпшілігінде зерттеудің біршама жаңа саласы.

Бұл мақала академиялық пән ретінде шиеленіс пен қоғамдық тәртіпті зерттеудің негізгі мүмкіншілігі мен болашағын қарастырады. Мақала қоғамдық тәртіп пен шиеленіс анықтамаларына қатысты әр түрлі көзқарастарға жалпылама талдау жасайды. Автор шиеленіс – қарапайым сенімдердің бақыланатын сәйкессіздігі деген анықтама ұсынады. Сонымен бірге, ұзақ мерзімді қоғамдық тәртіп үшін қажет жағдайлар мен шиеленісті реттеудің үдерістік-бейімділік мүмкіншілігі талқыланады.

Қоғамдық тәртіп пен шиеленісті зерттеудің негізгі тұжырымдамалары тақырыбында ертеректен келе жатқан пікірталастар орын алған, бұл пікірталастар шиеленісті талдауға байланысты жүргізілген эмпирикалық жағымен өте сирек өзара байланыста болатын. Сол себепті, автор шиеленісті талдаумен байланысты салалар мен категориялар ұсынады.

ТОРСТЕН БОНАКЕР

профессор по вопросам исследования мира и конфликта Центра исследований конфликта, Университет Филиппса (Марбург, Германия)

КОНФЛИКТ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И АНАЛИЗ КОНФЛИКТА – ДЕБАТЫ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Исследование конфликта и общественного порядка – относительно новая область исследования в большинстве стран Центральной Азии и Восточной Европы. Данная статья рассматривает главные перспективы в исследовании конфликта и общественного порядка как академической дисциплины. Статья обобщает различные перспективы и точки зрения по поводу определения общественного порядка и конфликта. Многочисленные предложения определяют, что конфликт – это наблюдаемая несовместимость обычных ожиданий. Далее обсуждаются различные условия для продолжительного общественного порядка и более процессно-ориентированная перспектива урегулирования конфликта. В то время как существует давняя традиция дебатов на тему коллективных концепций исследования общественного порядка и конфликта, данные дебаты достаточно редко были взаимосвязаны с эмпирическими интересами по поводу данного исследования, а именно безоговорочного анализа конфликта. Таким образом, я подведу итоги, представив несколько сфер и категорий, связанных с анализом конфликта.

ХОСЕ ПАСКАЛЬ ДА РОКА

JD, MA, профессор, Колумбия университетінің Келіссөздер мен шиеленістерді шешу бағдарламасы бойынша магистр (Нью-Йорк, АҚШ)

ГЕРМАНИЯДА ТАЛАС-ТАРТЫСТАРДЫ БАЛАМАЛЫ ШЕШУ – ҮДЕРІСТЕР, МЕКЕМЕЛЕР, БАСТАМАЛАР ЖӘНЕ АРНАЙЫ ШЫҒАРЫЛЫМДАР

Әдетте, шиеленіске деген көзқарас жағымды болмайды. Шиеленістегі әдеттегі сезім – одан қашу немесе ол туралы ештеңе айтпау. Дегенмен, шиеленіске назар аударған жөн, оны түсіну қажет, оны шешу немесе тоқтату үшін оны басқара білу қажет. Кәсіби шиеленіс менеджменті шиеленістің мазмұнына байланысты пайда және олжа алу мақсатында үшінші жақтарды тарту үшін бірқатар мүмкіншіліктерді қамтамасыз етеді. Шиеленісті шешудің бұл механизмдері әдетте сот жүргізудің реттеуші және нормативті үдерістерімен қатар жұмыс істейді.

Қазіргі уақытта Германияда шиеленістерді баламалы шешу жүйесі мүдделі жақтарға сотқа жүгінуден басқа шиеленісті

шешудің көптеген әр түрлі әдістерін ұсынады. Бұл мақала шиеленістерді баламалы шешу жүйесінің үдерістеріне назар аударып, Германиядағы институттар мен бастамаларды сипаттап, делдалдықтағы гендер, мәдениет және билікпен байланысты арнайы мәселелерді талқылайды.

ХОСЕ ПАСКАЛЬ ДА РОКА

JD, MA, профессор, Магистр по Программе переговоров и разрешения конфликтов Колумбийского университета (Нью-Йорк, США)

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ В ГЕРМАНИИ – ПРОЦЕССЫ, УЧРЕЖДЕНИЯ, ИНИЦИАТИВЫ И СПЕЦВЫПУСКИ

Как правило, реакция на конфликт не бывает положительной. Обычное чувство в конфликте – желание избежать или даже не говорить о нем. И все же, на конфликт нужно обращать внимание, он должен быть понят, управляем, чтобы его разрешить или прекратить. Профессиональный конфликтный менеджмент обеспечивает целый ряд возможностей для привлечения третьей стороны с целью получения выгоды и пользы в зависимости от контекста и содержания конфликта. Эти механизмы разрешения конфликта обычно существуют вместе с регулятивными и нормативными процессами судопроизводства. В настоящее время в Германии система альтернативного разрешения конфликтов (ADR) предлагает заинтересованным сторонам различные методы работы с конфликтами помимо обращения в суд. Данная статья акцентирует внимание на процессах ADR, описывает существующие в Германии институты и инициативы и обсуждает специфические проблемы, связанные гендером, культурой и властью в посредничестве.

ЕЛМУРЗАЕВА Р. С.

Тарих ғылымдарының кандидаты, халықаралық қатынастар кафедрасының меңгерушісі
Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ (Астана, Қазақстан)

ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢДЕГІ ҚАЗАҚСТАН МЕН ГЕРМАНИЯ СЕРІКТЕСТІГІНІҢ БАСЫМ БАҒЫТТАРЫ

«Қазіргі кезеңдегі Қазақстан мен Германия серіктестігінің басым бағыттары» атты мақала екі жақты қатынастардағы талдаудың барлық аймақтарын құрайды. Германия, Еуропалық Одақтың барлық елдері секілді, Орталық Азияда тұрақтылықтың орнауына, шиеленістерді болдырмау мен алдын алуына мүдделі болып табылады. Сонымен қатар, герман жағының аймақ елдерінің энергетикалық потенциалына және герман фирмаларына жергілікті нарықта ашылып жатқан мүмкіндіктеріне қатысты айрықша экономикалық қызығушылықтары бар.

Кеңес Одағының ыдырауынан кейін және жаңа тәуелсіз елдердің пайда болуы, Германияда Орталық Азия елдеріне қатысты «аймақтық көзқарастың» қалыптасуына алып келді, яғни, саясат бөлек елге емес барлық аймаққа қатысты бағытталды.

Неміс бизнесінің Қазақстанда жеткіліксіз болуы, объективтімен қатар, субъективті себептерге де ие. Белгілі болғандай, Қазақстанның тәуелсіз дамуының алғашқы кезеңінде ақ, шет ел инвестицияларының басты ағыны мұнайгаз секторларына бағытталып отырды. Алайда, Германияда көмірсүтөк шикізаттарды меңгерумен айналысатын ірі компаниялар тарихтан келе жоқ болды. Сонымен қатар, жалпы герман экономикасына жаңа шығыс жерлерінің экономикаларының шұғыл түрде интеграциялану үдерісін де айта кету жөн, оның үлкен қаржы құралдарын қажетсінуі неміс бизнесінің сыртқы нарықта белсенділігінің төмендеуіне алып келді. Қазақстан-герман экономикалық серіктестігіне ұйымдастырғыштық қолғабыс та жеткіліксіз болды. Экономикалық серіктестік аймағындағы басты үйлестіруші орган болып табылатын Кооперативті кеңестің 1955 ж. бастап әрекетсіз болғандығын айта кетудің өзі жеткіліксіз.

Қазақстанның тәуелсіздік алуынан бастап, қазақстан-герман қатынастары көп деңгейде, этникалық немістердің көптігімен, және неміс тілінде сөйлейтін халықтардың болуымен анықталады.

Астана неміс жағының БҰҰ реформалауға, және ең бастысы, ГФР-ң Қауіпсіздік Кеңесінде тұрақты мүшесі орнын алуына, ЕО-тың Орталық Азия елдеріне қатысты біртұтас стратегиясын өндіруге бағытталған әрекеттерін қолдайды. Өз алдына, Германия Қазақстанға аймақтық интеграцияны, Орталық Азиядағы тауар және экономикалық серіктестікті дамытуда қолғабыс көрсетеді. Германия, сонымен қатар, Қазақстанмен энергетикалық серіктестікті айтарлықтай жеделдетуге мүдделі болып отыр.

YELMURZAYEVA R. S.

Candidate of Sciences (History), Head of the Department of International Relations Eurasian National University after L.N. Gumilyev (Astana, Kazakhstan)

PRIORITIZED DIRECTIONS IN COOPERATION OF KAZAKHSTAN AND GERMANY AT THE MODERN STAGE

This article is dedicated to the analysis of different aspects of Kazakhstan - Germany relations. Germany, as well as all the countries of the European Union, is interested in establishment of stability in the Central Asia and the prevention of conflicts. Also Germany has economic interests, especially concerning an energy potential of the countries of region and prospects at the local market for the German firms.

After disintegration of the Soviet Union and occurrence of the new independent states Germany has formed the regional approach concerning the countries of the Central Asia when the policy was constructed toward the whole region.

Insufficient investment presence of German business at Kazakhstan has both objective and the subjective reasons. As is known, at the initial stage of independent development of Kazakhstan the main stream of foreign investments went to oil-and-gas sector. However historically there are no the large oil-and-gas companies in Germany.

It is necessary to have in view that processes of intensive integration of economy of the new East grounds in uniform German economy distracted huge financial assets and led to decrease in activity of German business at the foreign markets. Also Kazakhstan - Germany economic cooperation did not have enough organizational support. Suffice it to say, that the Cooperation Board, being the basic coordinating body in area of economic cooperation, since 1995 was inactive.

Kazakhstan - Germany relations from the moment of declaration of independence by Kazakhstan are defined substantially by presence of ethnic German diaspora, as well as the groups of people who knows German.

Astana supports the efforts of Germany which have been directed on reforming of the United Nations, and, in particular, aspiration of Germany to receive seat of a permanent member of Security Council, development of the uniform strategy of the EU in relation to the countries of the Central Asia. Germany assists Kazakhstan in development of regional integration, trade and economic cooperation in the Central Asia. Germany is also interested in an intensification of energy cooperation with Kazakhstan.

ВИКТОР КРИГЕР

Шығыс Еуропа тарихы институтының ғылыми қызметкері
Гейдельберг қ. (Гейдельберг, Германия)

РЕСЕЙ НЕМІСТЕРІНІҢ ТАРИХИ ТӘЖІРИБЕСІ РЕСЕЙ, ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ГЕРМАНИЯ ҚОҒАМДАРЫНЫҢ ҰЖЫМДЫҚ ЖАДЫНЫҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ

Бұл мақалада Ресей немістерінің тарихи жадының ерекшеліктері мен негізгі құрамдас бөліктеріне талдау жасалады. Ресей немістері деп Ресей империясын қоныстану және игеру деген Екатерина II және одан кейінгі патшалардың ұранына бой ұрған, XVIII – XIX ғасырларда Еуропадан, әсіресе Германия мемлекеттерінен аграрлық және көл өнершілер қоныс аударушылардың ұрпақтары есептеледі. Осы ұлттық ортақтықтың тарихи санасының үш негізгі элементі бөліп ажыратылған:

- қызмет ету;
- куғын-сүргін;
- қарсыласу.

Жеке түрде шақыру және әр түрлі үкіметтік манифесттердің нәтижесінде Орталық Еуропадан шетелдіктердің пайда болу ерекшелігі өзгеше «протестанттық» еңбек этикасы мен заң нормаларына бағыну тән ерекше «қызмет ету» менталитетінің көрініс табуына өз әсерін тигізді. Қызмет ету ықыласы, яғни адал еңбек пен тапсырылған істі жауапкершілікпен орындау XX ғасырдың барлық күрт өзгерістеріне қарамастан бүгінгі күнге дейін неміс азшылығының барлық тарихына тән болып отыр.

Кеңестік билік жылдары ресейлік немістер әлеуметтік-таптық, сонымен бірге, этникалық белгілері бойынша көптеген куғын-сүргінге ұшырады. Жер аудару, мәжбүрлеу еңбек лагерьлеріне жіберу, арнайы комендатура жазылмас терең моральды әрі психологиялық зақым болып қалды. Бірақ Сталиннің өлімінен кейін де қоғамдық-саяси өмірдің барлық салаларында көптеген шектеулерге душар болып, мемлекеттік германофобиядан да, қоршаған тұрғындардың антинемістік нанымдарынан зардап шекті.

Мемлекеттік зорлық-зомбылыққа және қысым көрсетуге жауап ретінде неміс халқы азаматтық соғыс жылдары көтерілістерге және ұжымдастыру кезеңінде шаруашылардың

наразылығына шықты. Эмиграциялық қозғалыстар және христиан құндылықтарын ұстану соғыстан кейінгі жылдары қарсыласудың және коммунистік идеологиядан бас тартудың бұқаралық түрлері болды. Қазақстанда немістер кеңестік авторитарлық режимге ашық түрді саяси әрі рухани қарсылық көрсеткен жалғыз ғана ұлттық топ болды.

Осы негізгі үш құрамдаушылар неміс азшылығының тарихи тәжірибесінің ерекшелігін анықтай отырып, жағымды топтық идентификацияның негізі болып табылады. Осы жағдай неміс ұлтының «бұрынғы кеңестік азаматтардың» және олардың ұрпақтарының басым бөлігі өмір сүріп жатқан Ресейдің, Қазақстанның және Германияның ұжымдық жадында және ұлттық сана-сезімінде жеткілікті деңгейде көрініс таппайды.

ВИКТОР КРИГЕР

PhD Researcher at the Eastern European History Institute at Heidelberg University (Heidelberg, Germany)

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE RUSSIAN GERMANS AS A PART OF THE COLLECTIVE MEMORY OF THE RUSSIAN, KAZAKHSTAN AND GERMAN SOCIETIES

In this work specifics and the basic components of historical memory of the Russian Germans are analyzed. By the Russian Germans we see all descendants of agrarian-technical immigrants from Europe of the XVIII – XIX centuries, first of all from the German states, that followed Catherine's II and the following emperors' call to inhabit and domesticate the vast land of Russian empire. There are three basic elements of the historical identity in the nowadays national community:

- service;
- repressions;
- resistance

The specific of having foreigners from Central Europe as the result of individual invitations and various kinds of governmental declarations, made an impact on creating a special "servant" mentality with its expressive "protestant" working ethics and following the legislative norms. The service enthusiasm, or the conscientious work and the responsible execution of the assigned job, permeates the whole history of the German minority from the beginning until today, regardless of all the catastrophes of the 20th century.

During the period of the Soviet power, the Russian Germans have been exposed to numerous repressions due to social-class and ethnic features. The deep moral and psychological trauma such as deportation, mobilization in forced labor camp, special settlements are left unhealed. But even after Stalin's death, they were exposed to numerous restrictions in all areas of socio-political life, suffered both from state German phobia, and from anti-German prejudices of the surrounding population.

As a reply to permanent governmental violence and discrimination, the German population answered with uprisings during the civil war and peasants' revolts in time of collectivization. In postwar time emigration and adherence to Christianity values became the most popular forms of confrontation with the communist ideology.

The Germans in Kazakhstan represented the only national group which showed openly political and spiritual resistance against the Soviet authoritative regime.

These three basic components define the uniqueness of historical experience of the Russian German minority and form the foundation of a positive group identity. But they are not reflected enough in the collective memory and national consciousness of Russia, Kazakhstan and Germany where today the overwhelming majority of «the Soviet citizens of German nationality» and their descendants are living.

ЛАУМУЛИН М.

саяси ғылымдарының докторы, профессор,
Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы
Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының
бас ғылыми қызметкері (Астана, Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАН МЕН ГЕРМАНИЯ АРАСЫНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ БАЙЛАНЫСТАР

2010-шы жыл біздің елде Қазақстандағы Германия жылы (2009 жыл соған сәйкес Германиядағы Қазақстан жылы) болып табылады. Бұл жағдай біздің қоғамдастықтың Германияға және Қазақстан мен Германия арасындағы қарым-қатынас тарихына деген ерекше қызығушылықтың болуын түсіндіреді. Екі мемлекет те өз аймақтарында, яғни Германия – Еуроодақта, ал Қазақстан Орталық Азияда экономикалық жетекшілер болып табылады. Екі ел бір уақытта, яғни 1998-99 жылдары өз астаналарын көшірумен айналыста. Неміс капиталы анағұрлым сәтті Қазақстан экономикасының мұнай, газ, минералды шикізат кешені, көлік және коммуникация, құрылыс, қаржы және несие, баспа сияқты секторларда жұмыс істейді. Қазақстанға гуманитарлық көмек Германияның үкіметтік және үкіметтік емес ұйымдардың тарапынан болды.

Қазақстанда тұратын этникалық немістерге қолдау көрсетуде Қазақстан мен Германия арасындағы ынтымақтастық 1994-1996 жылдар арасындағы үкіметаралық келісім-шарттарға негізделді. Қазақстандық-германдық үкіметаралық комиссия осы саладағы ынтымақтастықты үйлестіруші орган болып табылады. Германия мен Қазақстанның экономикалық қарым-қатынасына күшті саяси фактор әсерін тигізді, яғни аймақтық көзқарас Германияның Қазақстанға қатысты саясатының негізгі ерекшелігі болды. Берлин Қазақстанды Орталық Азияның бір бөлігі ретінде қарастырып, өз саясатын барлық Орталық Азия аймағының шеңберінде жүргізді. Еуроодақ саясатымен байланыстыру және үйлестіру Германия саясатының екінші ерекшелігі еді.

Орталық Азия, оның ішінде Қазақстан да Еуропаға бағытталған Германияның сыртқы саясатының басымдықтары болмады. Сонымен бірге, неміс кәсіпкерлері Қазақстан нарығындағы қызметті жүзеге асыруда өз мемлекетінің тарапынан саяси қолдаудың жеткіліксіздігін атап өтеді. Жалпы алғанда, 2000 жылдары екі елдің сауда-экономикалық қарым-қатынасы тұрақты болды. Еуропа нарығына шикиматты, оның ішінде ең алдымен, оттегіні үздіксіз жеткізуді қамтамасыз ету Берлиннің маңызды стратегиялық мақсаты болып табылады.

Сонымен, Германия Қазақстан үшін белсенді экономикалық саясаты жүргізуші ірі сауда-экономикалық серіктестердің бірі. Қазақстан нарығында Германияның көптеген беделді маркалары жұмыс істейді. Қазақстанда тұратын этникалық немістер екі елді байланыстырушы әрі жақындастырушы факторы ролін ойнайды. Шағын және орта бизнесті дамытуға көмектес отырып, оларға екі үкімет те қолдау көрсетуге тырысады. Жалпы алғанда, Қазақстан мен Германия арасындағы терең диалог пен ынтымақтастықты жалғастыру үшін екі жаққа да өз аймақтарын дамытудың келешектегі бағыттарын айқындап, Астана мен Берлинде барлық Еуро-Азия континентінің геосаяси және геоэкономикалық бірлігін сезінуді қалыптастыру қажет.

LAUMULLIN M.

PhD (Political Sciences), professor, chief researcher at the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN KAZAKHSTAN AND GERMANY

The year 2010 in our country is the Year of Germany in Kazakhstan (The year 2009 was the Year of the Republic of Kazakhstan respectively, in Germany). This fact explains the increased interest in our community to the FRG and the history of relations between Kazakhstan and Germany. Kazakhstan and Germany have a lot in common in a recent history. Both are economic hegemony and leaders in their respective regions: Germany - in the EU and Kazakhstan - in the Central Asia. Both countries, almost simultaneously - in 1998-99, were engaged in transferring of their capitals. The most successful German capital works in the sectors of Kazakhstan's economy as oil and gas, mineral complex, transport and communications, construction, finance and credit, publishing and printing. Humanitarian assistance to Kazakhstan was received from the government and non-government organizations of Germany.

Cooperation between Kazakhstan and Germany is based on support of ethnic Germans living in Kazakhstan under the intergovernmental agreements of 1994-1996). Coordinating body for the cooperation in this sphere is the Kazakh-Germanic Intergovernmental Commission.

In the economic relations between Germany and the Republic of Kazakhstan was the strong political factor. Meaning, the specific of Germany's policy in relation to Kazakhstan was the so-called regional approach. Berlin considered Kazakhstan as part of Central Asia and conducted its policy in the context of the entire Central Asian region. Another of Germany's policy specific is its interface and coordination with European Union policies in general.

Central Asia, including Kazakhstan, is not relevant to the priorities of Germany's foreign policy focused primarily on Europe. In addition, the German businessmen in Kazakhstan have always noted a lack of political support from their state to carry out activities in Kazakhstan market. In general, trade and economic relations between the two countries were stable in the 2000's, which was caused by a well-established structure of the range of mutually interesting products, and global conjecture. The main strategic objective of Berlin is to provide uninterrupted supply of raw materials, especially hydrocarbons to European markets.

Thus, Germany for Kazakhstan is one of the largest trade partners. It maintains an active economic policy of Kazakhstan. In Kazakhstan market, Germany is represented by many prestigious brands. An important point of contact and liaison between the two countries became ethnic Germans who are living in Kazakhstan. They are getting help from both governments for developing small and medium businesses. In general, to continue in-depth dialogue and cooperation between Kazakhstan and Germany both sides need to understand the perspectives for further development of their regions, and the developing of a clear understanding of the geopolitical and geo-economic unity of the whole Euro-Asian continent in both Astana and Berlin.

MATTHIAS KLINGENBERG

dvv international-дың Азия аймағы бойынша жобалық қызметтің координаторы (Бонн, Германия)

ORAL HISTORY, УАҚЫТ КУӘГЕРЛЕРІМЕН ЖҰМЫС ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ТАРИХИ ЖОБАЛАР

Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін халықаралық ұйымдар сол уақытта таныс емес әрі алыс аймақтағы Орталық Азияда, яғни Ташкентте, Бішкекте, Душанбеде және Алматыда өз кеңселерін ашуға тырысты. Көптеген ұйымдар кезінде «үшінші әлем елдері» үшін дайындалған бағдарламаларды Орталық Азия аймағында «Африка үшін жақсы болған жағдай, Орталық Азия үшін жаман болуы мүмкін емес» деген принциппен жүзеге асыруда қателік жасаған болатын.

Өкінішке орай, олар посткеңестік отелі елдердегі жағдайға дұрыс баға бере алмады. Олардың саяси режим мен халықтың арасындағы байланысты бағалауы дұрыс болмады, себебі өмір сүру сапасының төмендігі «сындалуы бұқараның» негізін құрап, сыртқы ықпалға бейім болады деп сенді. Мысалға, өз басшыларына деген бейтараптығын сезінген Өзбекстанның төмен жағдайда тұратын ауыл тұрғындары.

Демократия, адам құқығы, теңдік, еркіндік деген батыс түсініктері Орталық Азия елдері үшін түсініксіз әрі танымал емес болды. Қоғамдық жұмылдыру, қорғау, жыныстардың теңдігі стратегиясын дамыту сияқты қазіргі заманғы батыс идеялары негізделген көптеген жобалар ұзақ мерзімді жоспар ретінде тиімді болмады. Олар посткеңестік қоғамдардағы дәстүрлер мен әдеп-ғұрыптарға қарама-қарсы болып қала берді.

Автор оқырмандарды dvv international Тарих және жеке тұлға жобасымен таныстырады. Оның пікірінше, үлкен ұйымдар Орталық Азияда азаматтық қоғамның дамуына үлес қосқан. Бұл мақала dvv international Орталық Азиядағы тарихи жобаларының мәнін ашып, аймақтың дамуы үшін маңызды бірқатар факторларды көрсетіп, посткеңестік аймақтарда жобалардың тиімділігін сипаттайды. Сонымен бірге, автор жобаны мәдениетке сәтті енгізу және оны жергілікті серіктестермен қалай жүзеге асыру керектігі жөнінде айтады.

MATTHIAS KLINGENBERG

Project Coordinator for Asian Region DVV International Bonn (Bonn, Germany)

Oral History, Contemporary Witnessing and History Projects in Central Asia

After the Soviet Union broke down, the first international organisations foraying into Central Asia, a remote and largely unknown region at the time, were looking to set up offices in Tashkent, Bishkek, Dushanbe and Almaty. Many of them made the mistake of trying to replicate existing programmes, designed for the Third World, in the new target region according to the maxim that "what helps in Africa can't be bad for Central Asia."

Sadly, they completely misjudged the exceptional situation in these post-Soviet countries in transition. Their assessment of the relationships between regimes and their populations was wrong, assuming as it did that people's disastrous living conditions would provide the basis for a 'critical mass' just waiting to be activated by outside influences. For instance, that the impoverished rural population of Uzbekistan, of all groups, felt deeply loyal to its leadership and to its understanding of leadership came as a surprise.

Our western concepts of democracy, human rights, and *liberté, égalité, fraternité* were likewise unknown and not understood in Central Asia. Many projects guided by modern western ideas like community mobilisation, advocacy or even gender mainstreaming, simply didn't take effect in the long run. Rather, they were imposed on people from the outside and remained foreign, then and now diametrically opposed to the customs, traditions and rituals of the post-Soviet societies being targeted.

The author will introduce here the History and Identity project series of dvv international, which he believes makes an important contribution to the development of civil societies in Central Asia and is not imposed on them from "above" or from "outside". Rather, this series succeeds in capturing the interest of target groups and makes new options available to them. This article will illuminate how dvv international's history projects in Central Asia cover a full range of factors relevant to development and how the projects are especially effective in post-Soviet regions. Additionally, the author will describe what it means to embed a project well within a culture and put it into practice together with local partners.

МОВКЕБАЕВА Г. А.

тарих ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің аймақтану және әлемдік экономика кафедрасының профессоры (Алматы, Қазақстан)

ЕО-ТЫҢ СЫРТҚЫ САЯСИ ҚҰРЫЛЫМЫНДАҒЫ СЫРТҚЫ САЯСИ СТРАТЕГИЯЛАР ЖӘНЕ ГЕРМАНИЯҒЫҢ РОЛІ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҮШІН ТӘЖІРИБЕСІ

Мақала ЕО-тың сыртқы саяси стратегиясын, ГФР-дың аталмыш стратегияны жүзеге асырудағы ролін және оның тәжірибесінің Қазақстан Республикасы үшін қажеттілігін талдауға арналған. Еуропалық Одақтың сыртқы саяси стратегиясының тәжірибесін зерттеу өзектілігі Қазақстан Республикасының аймақтық интеграция мен жаһандану жағдайында ғылыми негізделген стратегияны даярлаудың, геосаяси және геоэкономикалық даму векторын айқындаумен байланысты.

Аталған мүмкіндіктерді іске асыру ЕО-тың Орталық Азияға қатысты стратегиясын мейлінше ескеру қажеттілігімен, сондай-ақ, ЕО елдерінің Еуропалық Одақтың сыртқы саяси стратегиясын қалыптастыратын үлесті органдарының бір-бірімен қатынастарын кеңейту және тереңдету қажеттілігімен шарттасады.

Бұндай талдау жасау тек Еуропалық Одақ елдерінің бір-бірімен, мемлекеттердің одақпен және одақтың мемлекеттермен қатынастарын қарастырумен шектелмей, еуропалық сыртқы саясатты қалыптастыруға белсенді атсалысып отырған Германия Федеративті Республикасының роліне жете зерттеу жүргізуді қажет етеді.

ГФР-ның сыртқы саяси ұстанымдары ЕО-тың интеграциялық стратегиясының институционалды дамуы мен құқықтық-нормативті қамтамасыз етуде, сондай-ақ, ЕО-тың ОСҚС саласындағы, атап айтқанда, аталған салада мемлекет аралық ынтымақтастықты үлесті деңгейге ұластыру мүмкіндіктерін жүзеге асыруда маңызды роль атқарғаны белгілі. ГФР сыртқы саясатының басты көрсеткіштері мызғымайды және олар болған ары қарай бола береді. ГФР сыртқы саясатына – көптарпаптылық ұстаным, сабырлық, транспаренттілік, ашық диалог тән екендігі белгілі.

Еуропалық қауіпсіздік стратегиясын нақты іс қимылдарға бағытталған жоспар немесе Одаққа арналған саяси жетекшілік деп қабылдауға болмайды, керісінше, оны Еуропаның біртектілік стратегиясының негізін қалыптастыратын және Еуропаның болашақта бірігуіне негіз салатын бастама ретінде түсіну керек.

Еуропалық қауіпсіздіктің стратегиясы өзінің ішкі мазмұны бойынша мүше-мемлекеттердің бірлескен шешімдерді қабылдаудағы механизмдерді даярлау қажеттілігі мен халықаралық құқық пен көптарпаптылық принципі негізінде кең ауқымдағы сыртқы саяси, әлеуметтік-экономикалық, экологиялық, гуманитарлық мәселелерді үйлестіру қажеттілігіне жауап береді.

Стратегияның басты маңызы – ол кейінгі стратегиялар мен концептілердің пайда болуы үшін іргелі негіз қалап беруінде.

Ортақ концепция қауіпсіздік қатерлерге байланысты пайда болған мәселелерді тиімді шешу жолдарын көрсетуге мүмкіндік береді және Орталық Азия аймағы елдері үшін өздерінің алдарындағы міндеттерін нәтижелі іске асыру бағытындағы құралдар мен механизмдерді айқындауда тағлым алатын дүние болып табылады.

MOVKEBAYEVA G. A.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Regional Studies and World Economics, Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

FOREIGN POLITICAL STRATEGIES IN THE STRUCTURE OF FOREIGN POLICY OF THE EUROPEAN UNION AND THE PLACE OF GERMANY: EXPERIENCE FOR THE REPUBLIC KAZAKHSTAN

The article is devoted to the analysis of the EU foreign political strategies, the role of Germany in the implementation of the strategy and necessity of the experience for the Republic of Kazakhstan. The relevance of studying the experience of the EU foreign political strategies defines the necessity of working out of the scientific based strategy, choice of geopolitical and geo-economical vector of development of the RK in the conditions of regional integration and globalization.

The realization of above-mentioned opportunities causes the necessity to take into account the strategy of the EU towards the Central Asia in extending and strengthening relations with the EU countries and its super national organs that form the EU foreign political strategy.

Such as analysis intends the necessity of the considering not only the relations of the EU members with each other states' relations to the EU and the EU's relations to the states, but also the role, that several states have, in particular Germany in forming the European foreign policy.

The foreign political approaches of the Germany made some influence of institutional development and normative-legal content of integration strategies of the EU in the sphere of the CFPS of the

EU. The key parameters of the foreign policy of the Germany are multilateral approach, reserve, transparency, open dialogue.

The European security strategy cannot be interpreted as concrete project of activities or political management for the EU. It presents the base for formation of strategic identity and future of united Europe.

According to its inner contents the European security strategy responds to the requirements of its member-states in the forming of the mechanism of making joint decisions and coordination activities towards wide specter of foreign political, social-economic, ecological, humanitarian issues on the base of principles of the international law and multipolarity.

The meaning of strategy is to create fundamental bases for further strategies and concepts.

General strategy allows to define the effective ways of solving the problems, related to the security threats and define the instruments and mechanisms for effective realization of the Central Asia region states' tasks.

ПОЛЯН П. М.

география ғылымдарының докторы, профессор, PFA География институтының және Ставрополь мемлекеттік университетінің ғылыми қызметкері, Фрайбург университетінің Тарих институтының ғылыми қызметкері [Ресей-Германия].

1941-1943 ЖЫЛДАРДАҒЫ КЕҢЕСТІК НЕМІСТЕРІНІҢ ЖЕР АУДАРЫЛУЫ ІРІ ЖЕР АУДАРУ КАМПАНИЯСЫ РЕТІНДЕ

Соғыс жылдарында кеңестік немістердің жалпы қоныс аударуы соғыс уақытындағы ірі ішкі, ал өз көлемі бойынша Кеңес Одағының тарихындағы екінші жер аудару ірі кампаниясы бола отырып, ол тек «кулактарды жер аудару» деп аталған үдерістен «бәсеңдеу» сипатта жүзеге асты. Повольжьеден жер аудару оның негізі болды, дегенмен кампания бірнеше ондаған жылға созылып, «қарапайым жер аударуды» ғана емес, «шегіну жер аударуын», сонымен бірге, «еңбек әскерлер» деп аталған «екінші жер аударуды», яғни гулагтық нормаларда ұстау тәртібіне көшіру және зорлық-зомбылықпен жер аударуды да қамтыды. Неміс жер аударғандардың тағдыры КСРО-мен бірге соғыс жағдайында болған басқа этностар, яғни финндер, румындар, венгрлер және итальяндықтардың тағдырымен байланыста болды. Мақалада дәйекті түрде 1) жалпы КСРО-ның жер аудару саясаты және түсініктемелік аппарат, 2) мемлекеттің жер аудару белсенділігінің күрт өсуінің алғышарттары ретінде соғыс уақытының ерекшеліктері, 3) немістер мен финндерді превентивті жаппай жер аудару, 4) неміс-«еңбек әскерлерінің» екінші жер аударуы, 5) немістердің, финндердің, итальяндықтардың шегіну жер аударуы қарастырылады.

POLYAN P. M.

PhD in Geography, professor, researcher of the Geography Institute at the Russian Academy of Science and Stavropol State University, researcher of the Institute of History at Freiberg University (Russia-Germany)

DEPORTATION OF THE SOVIET GERMANS IN 1941-1943 AS THE MOST MASSIVE DEPORTATION CAMPAIGN

Total deportation of Soviet Germans during the war years was the largest internal deportation campaign of the war-time and second, in its scale, throughout the Soviet History: it is only inferior to deportation level of de-kulakization – the so-called “kulak exile”.

It's undisputed core was the deportation from Volga region, overall this campaign lasted for a few years, including not only “preventive deportation”, but “step back deportation” and “secondary deportation” so-called “labor army members”, meaning forced dislocation of deported sub-groups within the area settled by deported and retraining their detention regime in the direction of Gulag standards. The destiny of German deportees became inseparable from the destiny of other ethnic groups; the governments of these ethnic contingents were in a state of war with USSR: Finns, Romanians, Hungarians and Italians.

In the article step by step were overviewed: 1) the deportation policy of the USSR in general and the conceptual apparatus 2) specifics of war time as a prerequisite for the upsurge deportation activity of the state, 3) preventive deportations of Germans and Finns, 4) secondary deportations of Germans – labor army members and 5) step back deportations of Germans, Finns and Italians.

САВОСКУЛ М.С.

География ғылымдарының кандидаты, география факультеті, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті [Мәскеу, Ресей]

GERMANYDAҒЫ РЕСЕЙЛІК НЕМІСТЕРДІҢ ҚОҒАМҒА СІҢІСУІ ЖӘНЕ ЭТНИКАЛЫҚ ИДЕНТИФИКАЦИЯСЫНЫҢ ТҮРЛЕРІ

Мақалада 1990–2000 жылдары бұрынғы КСРО-дан Германияға қоныс аударған ресейлік немістердің қоғамға бейімделуі мен сіңісуіне арналған зерттеудің нәтижелері ұсынылған. Қазіргі уақытта Германияда көшіп келгендердің саны, отбасы мүшелерін қосқанда, 4 млн. адамды құрайды.

Мақала Академиялық Алмасудың Неміс Қызметінің (DAAD) қаржылық көмегімен Германияда 2002–2008 автордың өзімен өткізілген бірнеше ғылыми жобалардың қорытындылары негізінде жазылды.

Орыс дүкендерінен бастап ғаламтор сайттары сияқты ресейлік немістермен дербес ұйымдастырылған экономикалық, мәдени, саяси және ақпараттық құрылымдардың көшіп келгендердің Германия қоғамына сіңісуі уәдесіне ықпал ету деңгейін қарастыру - осы мақаланың негізгі тақырыптарының бірі болып табылады. Сонымен бірге, мақалада ресейлік немістердің этникалық идентификациясының ауысуына талдау жасалды. Талдау үшін теориялық негіз ретінде неміс зерттеушісі Г.Элверттің көзқарасына сүйендік.

Зерттеу барысында келесі әдістер қолданылды: тереңдетілген сұхбат, тікелей бақылау, Германияның орыс тілді баспаларындағы жарияланымдарды талдау, орыс тілді ғаламтор сайттарына талдау жасау. Ақпаратты жинаудың негізгі әдісі ретінде тереңдетілген сұхбат таңдалды. Баварияда, Гессенде, Солтүстік Рейн-Вестфалияда, Берлинде бірнеше ондаған тереңдетілген сұхбат өткізілді.

Мақалада Германияға көшіп келген ресейлік немістердің этникалық идентификацияның үш басым түрлері анықталып, этникалық идентификация, қабылдап отырған қоғамның өміріне сіңісу мен ену деңгейі және тор негізіндегі құрылымдардың жиынтығы арасында тәуелділік пен байланыс көрсетілген.

Тереңдетілген сұхбат талдау мәліметтері көрсеткендей, қоғамға сіңісудің сәтті үдерісі кезінде нақтылы құрылымдар мигранттардың қажеттіліктері мен сұраныстарын қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады. Ең алдымен, бұл мәдени қоғамдар, әдебиет бірлестіктері, театрлар, саяси ұйымдар және т.б. сияқты құрылымдарға тиесілі айтылған, яғни, олар қабылдап отырған қоғам қанағаттандыра алмайтын қажеттіліктерді өтей алатын, көшіп кеткен елдің мәдениетімен байланыстыратын құрылымдар болып табылады.

Мақаланың қорытындысында автордың пікірінше, жаңа әлеуметтік ортаға ресейлік немістердің сіңісуін қиындататын себептер қарастырылған, оның ішінде Германияға кейіннен қоныс аударғандардың қандай да болмасын деңгейде көрініс табатын этникалық идентификация дағдарысы да үлкен рөл ойнайды.

SAVOSKUL M.S.

Lomonosov Moscow State University, Geography Department,
Candidate in Science, Geography (Moscow, Russia)

INTEGRATION AND THE TYPES OF ETHNICAL IDENTITIES OF RUSSIAN GERMANS IN GERMANY

In the article the results of study of Russian Germans Integration who immigrated to Germany from the post USSR in 1990–2000 are presented. Today's number of immigrated Germans with the families that are immigrants too is 4 million people.

The article is written as a result of several scientific projects that were carried out by the author in 2002–2008 in Germany with the financial support from German Academic Exchange Service.

One of the central topics of this publication is the overview of the degree of influence by different economical, cultural, political and informational structures that were independently organized by Germans, from Russian shops to internet web sites, on the process of their integration into the host society. Also, the article provides with overview of the transformation of ethnical identity of Russian Germans in Germany. As a theoretical foundation for analysis was taken, G. Elver's, a German scientist, approach.

During the work process the following methods were used: in-depth interview, observation, full scale survey, the publication analysis in Russian language newspapers and web sites of Germany. As a chosen basic method of data survey became in-depth interview. There were dozens of conducted in-depth interviews in Bavaria, Hessen, North Rhine-Westphalia and Berlin.

In this work were three prevailing types of ethnical identity of Russian Germans immigrated to Germany. The dependency between ethnical identity and degree of participation in life of a host society and the complex of used networking options of migrants was traced.

The data from in-depth interviews shows that even with help of successful integration process there are certain institutes that still will play an important role in providing migrants with certain needs and demands. First of all, it refers to the networking options such as cultural communities, theaters, literature clubs, political organizations and etc. Meaning, these are the institutions that connect migrants with

their home country's culture that is able to support and develop the needs which the host society will not be able to provide.

In the summary of the article, the reasons that makes the integration of Russian Germans harder to the foreign social environment, by the opinion of the author, including, the important role of ethnical identity crisis which in varying degrees manifests itself in the majority of late immigrants to Germany were overviewed.

ЧЕРКЕЗ О.

«АВО Хайматгартен» қорының «Тату көршілік көпірлері» жобасының координаторы (Бремерхафен, Германия)

ЕУРОПА МЕН АЗИЯ АРАСЫНДАҒЫ КӨПІРЛЕР ҚАЗАҚСТАНДА САЛЫНАДЫ

Мақала «АВО Хайматгартен» халықаралық қайырымдылық қорының іс-шараларына арналған. Бұл қор әлемнің барлық елдерінде жұмыс істеп, туған жері болып табылатын елдерге қайта оралуға ниеттері бар барлық мигранттарға көмектесу. Сонымен бірге, қор қызметі журналистерге, әлеуметтік қызметкерлерге және мемлекеттік жұмыскерлерге арналған ғылыми зерттеулер мен кәсіби бағдарламаларға да бағытталған. Қайырымдылық қоры Қазақстандағы Украина Елшілігі және Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетімен серіктестікте әр түрлі жобаларға тартылған. Көші-қон саласындағы зерттеу жетекші профессорлардың, дәріс берушілердің және докторлардың зерттеу тобының қатысуымен жоғары деңгейде жүргізіледі.

SHERKEZ O.

«The bridges of good neighborly relations», project coordinator, the international charity fund «AWO Heimatgarten» (Bremerhafen, Germany)

BRIDGES BETWEEN EUROPE AND ASIA ARE BUILT IN KAZAKHSTAN

The article is dedicated to the activities held by the international charity fund «AWO Heimatgarten». This fund is internationally active, and helps the migrants who want to return to their countries of origin. The activities of this fund are also concentrated in scientific researches and qualification programs for journalists, social workers and state employees. The charity fund is active in Kazakhstan in multiple subprojects, among other partners are the Ukrainian Embassy in Astana and the National university of Lev Gumilyov. The researches in the sphere of migration are held on the high level, with the participation of prominent professors, lectors and research team of doctors.

ШЕРЬЯЗДАНОВА К. Г.

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, сыртқы саясат және дипломатия кафедрасының доценті, PhD (Астана, Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ЕУРОДАҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫ ШЕҢБЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН-GERMANY ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ НЕГІЗГІ БАҒЫТТАРЫ

Еуроодақ Орталық Азия және Каспий аймағына қатысты бірыңғай сыртқы саясатын әлі қалыптастырған жоқ. А.Рардың пікірінше, Каспий аймағының маңызы мынада:

- Каспийдегі мұнай қоры Парсы шығанағына күрделі балама бола алмайды;
- энерготиеленушілерді тасымалдау әлі күнге дейін мәселе болып табылады;
- Каспий маңындағы мемлекеттердің тұрақсыздығы – авторитарлы, сыбайласқан режимдер;
- шетел инвестициясы аймақтың инфрақұрылымына емес, тек энергетикалық секторға ғана бағытталады. Бірақ Орта Шығыс елдері Каспийді бәсекелестер ретінде қарастырағандықтан, Каспийдегі ислам экстремистеріне қолдау көрсетеді.

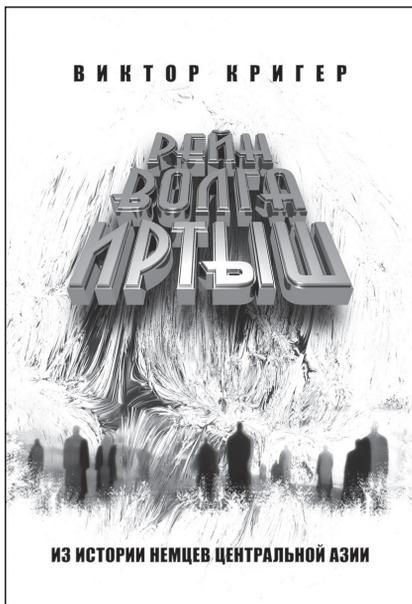
SHERYAZDANOVA K. G.

Associated Professor, Department of Foreign Policy and Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD (Astana, Kazakhstan)

KEY DIRECTIONS IN KAZAKHSTAN-GERMANY RELATIONS WITHIN THE COOPERATION OF KAZAKHSTAN AND EUROPEAN UNION (EU)

As for EU interests in the region EU has not worked out the unified foreign policy towards Central Asia and the Caspian. According to A. Rar the Caspian plays the following role:

- oil reserves on the Caspian Sea have not become the serious option to Persian Gulf;
- energy vectors transportation is still a problem;
- instability of the Caspian Sea states – there are authoritarian, corrupted regimes;
- foreign investments follow only to the energy sector, but not to the infrastructure of the region. However the countries of the Middle East consider the Caspian as competitive, this is why they support the Islamic extremist at the Caspian.

Виктор Кригер

Ph.D доктор, Гейдельберг қаласы университетінің Шығыс Еуропа тарихы институтының ғылыми қызметкері (Гейдельберг, Германия)

**Рейн-Волга-Ертіс:
Орталық Азия немістерінің
тарихынан**

Рейн-Волга-Ертіс: Орталық Азия немістерінің тарихынан. Алматы: Дайк-Пресс, 2006, 276 б.+16 б. илл., ISBN 9965-798-05-2.

Кітап Орталық Азиядағы неміс азшылығы тарихының әр түрлі аспектілеріне арналып, XIX ғасырдың аяғынан бастап бүгінгі күнге дейінгі кезеңді қамтиды. Жинақ бұрын жарияланбаған, сондай-ақ соңғы жылдары шыққан жұмыстардан тұрады. Басылым атаулы және географиялық сілтемелермен, сирек түрлі түсті және қара-ала суреттермен жабдықталған.

Viktor Krieger

PhD Researcher at the Eastern European History Institute at Heidelberg University (Heidelberg, Germany)

Rein-Volga-Irtysh: from the history of Germans in Central Asia

Rein-Volga-Irtysh: from the history of Germans in Central Asia. Almaty: Dayk-Press, 2006, 276 p.+16 p. illustrated hard copy, ISBN 9965-798-05-2.

The book is dedicated to different aspects of history of German minority in Central Asia and it covers period from the end of 19th century until now. It contains unpublished papers as well as articles that were published recently. The book has the name and geographical indexes, rare colored and black & white photos.

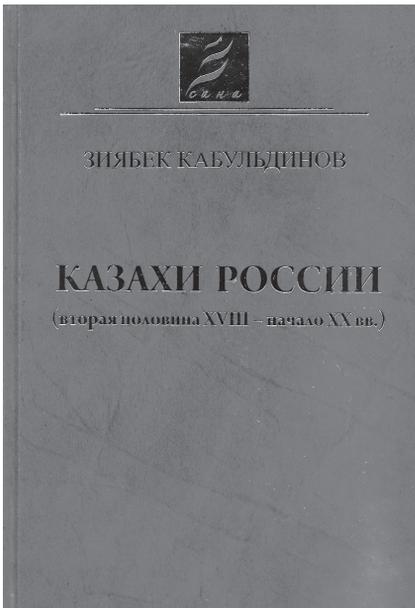
Виктор Кригер

Доктор PhD, научный сотрудник Института восточноевропейской истории университета г. Гейдельберга (Гейдельберг, Германия)

Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии

Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 276 с.+16 с. илл.. ISBN 9965-798-05-2.

Книга посвящена различным аспектам истории немецкого меньшинства в Центральной Азии и охватывает период с конца XIX века до наших дней. Сборник содержит как ранее неопубликованные работы, так и статьи, вышедшие в последние годы. Издание снабжено именным и географическим указателями, иллюстрировано редкими цветными и черно-белыми фотографиями.

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы
Тарих ғылымдарының докторы, профессор

Ресей қазақтары (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басы)

Ресей қазақтары (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басы). – Астана, 2010. – 400б.
ISBN 978-601-264-012-0

Бұл монография XVIII екінші жартысы - XX ғасырдың басы кезеңінде Ресей империясының ішкі губерния территорияларында қазақ халқының қалыптасу тарихын зерттеуге арналған.

Жұмыста Қазақстан мен Ресейдің ірі мұрағаттарындағы материалдар, жазбаша деректер мен қазақтардың ауызша халық шығармашылығы пайдаланылды.

Кітап өзінің тарихи отанынан тыс жерде өмір сүретін қазақ халқының бір бөлігінің өмір сүру салтын зерттеу мәселелерімен айналысатын зерттеушілер мен оқырмандардың кең ауқымына арналған.

Kabuldinov Ziabek
PhD (History), Professor

Kazakhs of Russia (in the second half of XVIII - early XX centuries)

Kazakhs of Russia (in the second half of XVIII - early XX centuries). – Astana, 2010. – 400p.
ISBN 978-601-264-012-0.

This monograph is dedicated to the research of the history of the Kazakh population formation in the inland provinces of the Russian Empire around the second half of XVIII - early XX centuries.

In work were used the materials of the largest archives of Kazakhstan and Russia, written documents and some samples of oral folklore of the Kazakhs.

The book is addressed to a wide range of readers and researchers interested in the study of life of the Kazakh people who have been living for a long time outside of their historic homeland.

Кабульдинов Зиябек Ермуханович
Доктор исторических наук, профессор

Казахи России (во второй половине XVIII – начале XX вв.)

Казахи России (во второй половине XVIII – начале XX вв.). – Астана, 2010. – 400с.
ISBN 978-601-264-012-0

Данная монография посвящена исследованию истории формирования казахского населения на территории внутренних губерний Российской империи применительно ко второй половине XVIII – начале XX вв.

В работе использованы материалы из крупнейших архивохранилищ Казахстана и России, привлечены письменные источники и некоторые образцы устного народного творчества казахов.

Книга адресована широкому кругу читателей и исследователей, интересующихся вопросами изучения жизнедеятельности части казахского народа, издавна проживающей за пределами своей исторической родины.

Татяна Дронзина

Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Әйелдердің суицидтік лаңкестігі

Бұл кітап суицидтік лаңкестік әрекеттерінде әйелдердің қатысу туралы баяндайды. бұл құбылыстың дамып келе жатқандығында еш күмән жоқ. Әйел жыныстағы лаңкестердің саны 1980 жылы 8-ден 2000 жылы 60-қа дейін өсті. Осы тұрғыдағы «борыш істер» Ливанда, Шри-Ланкада, Түркияда, Шешенстанда, Израильде және Палестинада, Иракта, Үндістанда, Пакистанда, Ресейде, Сомалиде, Өзбекстанда және Қытайда сәтті жүзеге асқан болатын. Өзін-өзі өлтіруші лаңкестер ретінде әйелдер тек дәстүрлі әскери іс-қимылдар территорияларында әрекет етіп, сонымен бірге, олар «үшінші әлемнің» кедей, тұрмысы төмен елдерден шыққандар деп қана есептеу қателік болып табылады. Жаһандану ғасырында, бірде-бір мемлекет өзін қауіпсіз жағдайда деп есептеп, сондай-ақ бірде-бір қоғам адам бомбаларының қауіпін жоққа шығара алмайды.

Кітапта Ливандағы (1985-87); Шри-Ланкадағы Тамил-Иламды азат ету жолбарыстары (1987-2008); Түркиядағы Күрдiстан жұмысшылар партиясы (1996-1999); Шешенстанда (2000-2004) және Палестинада (2002-2006) сияқты 5 жағдайға талдау жасалды. Әр жағдайға қатысты екі сауал

қойылды: неге бұл ұйымдар суицидтік «борыш істер» үшін әйелдерді пайдаланды және неге кейбір әйелдер бейбіт тұрғындарды өлтіру мақсатында өзін-өзі жою тәсілін таңдайды? Автор осы әрекетке итермелейтін себеп ұйымдық және жеке бас деңгейінде әр түрлі болып келеді деп тұжырымдайды.

Радикальды ұйымдар бәсекелестік және ынтымақтастық жағдайда қызмет еткендіктен, сонымен бірге, ұлттық және ұйым мақсаттарына жету үшін қатыгездіктің осындай түрлерін қолданады. Жеке бас деңгейінде басты себептер ретінде кек, харизматикалық жетекшілерге адалдық, өмірде жетуге мүмкін емес анағұрлым жоғары мәртебені иелену, әлсіз жеке тұлға немесе дәстүрлі, мәдени және діни нормалардың бұзылуына байланысты болған әлеуметтік құбылысты, кейде қоғам арасында «оны естуге мүмкіншілігін іздеуді» атауға болады.

Осы қатыгездіктің түрін алдын-алу үшін не істелуі қажет? Автордың ұсыныстары мынадай: әйел азаптаушы емес, құрбан етуші деген таптаурындарды жою; зорлық-зомбылық субъектісі емес, нысаны болып табылатын масс-медианың үгіт-насихатын өзгерту; әйел суицидтік лаңкестігін тәжірибеде қолданатын ұйымдарда ұлттық ережелердің феминизациясы әрқашанда әділ гендерлік саясат еместігін түсіну; әйелдерге жаһанданудың жағымсыз әсер ету салдарын әлсіретуге ықпал жасау; жеке мәдени контексте жеке тұлғаның, әсіресе әйел жеке тұлғасының құндылығын мойындау; әйелдер арасында суицидтік лаңкестікке ықпал ететін жетекшілер арасында ағартушылық жұмыс жүргізу; әйелдер үшін дәстүрлі, сонымен бірге дамушы елдерде де қатыгездіктің көмегінсіз қоғамда әйелдердің «пікірінің» естілуіне жағымды әсер ететін білім беру және кәсіби мүмкіншіліктерін дамытуға жағдай жасау.

Tatyana Dronzina

Professor, Department of Political Science, Kliment Ohridski University of Sofia;

Ph.D (Political Science) (Sofia, Bulgaria)

Female suicide terrorism

This book is about female participation in suicide terrorist acts. There is no doubt that the phenomenon is a growing one: the number of female suicide attackers has risen from 8 during the 1980s to over 60 since 2000. Successful missions have been carried out in Lebanon, Sri Lanka, Turkey, Chechenya/Russia, Israel/Palestine, Iraq, India, Pakistan, Russia, Somalia, Uzbekistan and China. It would be a mistake to think that women as suicide bomber only takes place in traditional war zones or that the perpetrators come only from the poor, disadvantaged and chaotic Third World countries. In the global era, no country can feel completely safe from terrorism, and no society can exclude the danger of human bombs.

In the book, 5 cases are analyzed: Lebanon (1985-87); LTTE in Sri Lanka (1987-2008); PKK in Turkey (1996-1999); Chechenya (2000-2004) and Palestine (2002-2006). In any of them, two main questions are posed: why organizations use women for suicide missions and why some women choose to demolish themselves killing civilians? The author comes to the conclusion that motivation on organizational and individual level are quite different. Radical organizations resort to this form of violence because of relations of competition and cooperation, and in order to achieve goals of the national and organizational agenda. On individual level, revenge motives, loyalty to a charismatic leader, aspirations of a higher status which cannot be achieved during one's life time, damaged identity or social stigma for violation of traditional cultural or religious norms, and, in some cases, "quest to a voice in the public square" motives could be found.

Can something be done against this form of violence? The suggestion of the author are as follows: overcoming of stereotypes like the ones in which women are victims rather than victimizers; changing media discourse representing women as objects rather than subjects of violence; understanding that feminization of nationalistic discourse of organizations practicing female suicide terrorism does not necessarily mean more gender equality; encouraging measures that alleviate negative impact of the globalization on the women; Recognizing the value of identity and especially female identity in its own cultural context; demythologizing leaders who encourage female suicide terrorism; creating more educational and professional opportunities for women in traditional, but developing societies, which would foster their voice in the "public square" without the need to resort to violence.

Татьяна Дронзина

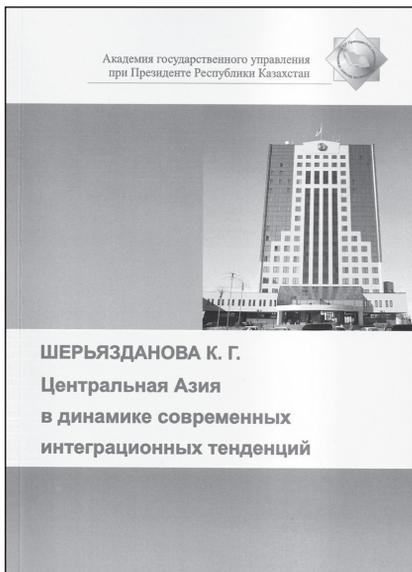
Профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Женский суицидальный терроризм

Данная книга рассказывает об участии женщин в актах суицидального терроризма. Нет и тени сомнения, что данный феномен растет. Число террористов-смертников женского пола выросло с 8, по данным 1980 года до 60 к 2000 году. Миссии такого рода были успешно выполнены в Ливане, Шри-Ланке, Турции, Чечне, Израиле и Палестине, Ираке, Индии, Пакистане, России, Сомали, Узбекистане и Китае. Будет ошибкой считать, что женщины выступают в качестве террористов-смертников только на территории традиционных военных действий, или виновницы являются выходцами только из бедных, неблагополучных и хаотичных стран третьего мира. В век глобализации ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности и ни одно общество не может исключить опасность человеческих бомб.

В книге были анализированы 5 случаев: Ливан (1985-87); Тигры освобождения Тамил-Илама в Шри-Ланке (1987-2008); Рабочая партия Курдистана в Турции (1996-1999); Чечня (2000-2004) и Палестина (2002-2006). В каждом из них были заданы два вопроса: почему данные организации используют женщин для суицидальных миссий и почему некоторые женщины выбирают самоуничтожение с целью убийства мирных жителей? Автор приходит к выводу, что мотивация на организационных и индивидуальных уровнях достаточно разная. Радикальные организации прибегают к таким формам жестокости в связи с соперничеством и сотрудничеством, а также для достижения национальной и организованной цели. На индивидуальном уровне наблюдаются такие мотивы, как месть, верность харизматичному лидеру, стремление к более высокому статусу, которое невозможно достичь в своей жизни, уязвленная личность или социальная самоочувствие по поводу нарушения традиционных, культурных или религиозных норм и в некоторых случаях – просто быть услышанным в обществе.

Что можно предпринять против данной формы жестокости? Предложения автора таковы: преодоление стереотипов, в которых женщина является жертвой, чем мучителем; изменение пропаганды масс-медиа, где женщина является объектом, а не субъектом насилия; понимание, что феминизация правил организаций, которые практикуют женский суицидальный терроризм, не всегда означает более справедливую гендерную политику; способствовать мерам, которые смягчают негативное влияние глобализации на женщин; признание ценности личности, и особенно женской личности, в индивидуальном культурном контексте; переобучение лидеров, которые способствуют суицидальному терроризму среди женщин; формирование и развитие образовательных и профессиональных возможностей женщин в традиционных, но развивающихся обществах, которые будут благоприятствовать их «голосу» в обществе без помощи жестокости.

Шерьязданова Камилла Галимовна

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, сыртқы саясат және дипломатия кафедрасының доценті, доктор (PhD) (Астана, Қазақстан)

Қазіргі заманғы интеграциялық үрдістер динамикасындағы Орталық Азия

Қазіргі заманғы интеграциялық үрдістер динамикасындағы Орталық Азия: Монография. – Астана: – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, 2008. – 349 б. ISBN 9965-797-36- 6

Монографияда қазіргі заманғы әлемдік саясат және экономиканың негізгі тәртіптері ретінде интеграцияның теориялық негіздері, оның тарихы, қалыптасу үдерісі, алғышарттары қарастырылды. Орталық Азия аймағы елдерінің интеграциялық ынтымақтастығының әр түрлі салалары қарастырылып, әлемдік интеграциялық құрылымдардың тәжірибесі талданып, оны аймақтағы интеграциялық доктриналардың қалыптасуына оны қолданудың мүмкін жолдары көрсетілген.

Кітап «Халықаралық қатынастар» мамандығының студенттері мен магистранттарына, аспиранттарға, оқытушыларға, сондай-ақ сыртқы саясат және халықаралық қатынастар мәселелерін зерттейтін ғылыми қызметкерлерге арналған.

Sheryazdanova Kamilla Galimovna

Доцент кафедры внешней политики и дипломатии, доктор PhD, Академия государственного управления при Президенте РК, (Астана, Казахстан).

The Central Asia in the dynamics of modern tendencies of integration

The Central Asia in the dynamics of modern tendencies of integration: Study. – Astana: - Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan 2008. – 349 p. ISBN 9965-797-36- 6

The theoretical basics of integration as one of the important foundations of the modern politics and economics, its history, its development process and factors, has been viewed in the study. Different areas of integration form of cooperation of the Central Asian region has been presented in details. The experience of the global integration has been examined and the possible ways of its implementing in developing integration theories in the region has been offered in the study.

The book is intended to masters and students majoring in International Relations, aspirants, university teachers, science professionals and also to every one who is interested in problems of the foreign policy and international relations.

Шерьязданова Камилла Галимовна

Доцент кафедры внешней политики и дипломатии Академии государственного управления при Президенте РК, доктор PhD (Астана, Казахстан).

Центральная Азия в динамике современных интеграционных тенденций

Центральная Азия в динамике современных интеграционных тенденций: Монография. – Астана: Акад. гос. упр. при Президенте РК, 2008. – 349 с. ISBN 9965-797-36- 6

В монографии рассмотрены теоретические основы интеграции как одного из важнейших устоев современной мировой политики и экономики, ее история, процесс формирования, предпосылки. Подробно представлены различные области интеграционного сотрудничества стран Центрально-Азиатского региона, изучен опыт мировых интеграционных образований и показаны возможные пути его применения в формировании интеграционных доктрин в регионе.

Книга предназначена для магистрантов и студентов специальности «Международные отношения», аспирантов, преподавателей вузов, а также научных работников и всех тех, кто интересуется проблемами внешней политики и международных отношений.

Ядов Владимир Александрович

Философия ғылымдарының докторы, профессор, Гуманитарлық ғылымдар мемлекеттік университетінің әлеуметтану факультетінің деканы, РФА-ның Әлеуметтану институтының құрметті докторы

Қазіргі заманғы теориялық әлеуметтану ресейлік өзгерістерді зерттеудің тұжырымдамалық негізі ретінде

әлеуметтану мамандығы бойынша магистратура студенттері үшін дәріс жинағы (Екінші басылым, толықтырылған және өңделген)

Қазіргі заманғы теориялық әлеуметтану ресейлік өзгерістерді зерттеудің тұжырымдамалық негізі ретінде: әлеуметтану мамандығы бойынша магистратура студенттері үшін дәріс жинағы. Екінші басылым, толықтырылған және өңделген. Спб.: Интерсоцис, 2009. – 138 б. («Социополис»: Қазіргі заманғы социогуманитарлық білім кітапханасы) ISBN 978-5-94348-053-9 http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoriet_sociol_2009_Yadov.pdf

Қазіргі заманғы ресейлік жетекші әлеуметтанушы, КСРО-да жүргізілген эмпирикалық әлеуметтік зерттеулердің бастамашысы,

Ленинград әлеуметтану мектебінің негізін салушылардың бірі, жеке тұлғаның әлеуметтік тәртібін реттеудің диспозициялық тұжырымдамасының авторы және әлеуметтік зерттеулер әдіснамасы бойынша алғашқы отандық оқулықтың авторы В.А.Ядов дәрістер жинағында классикалық әлеуметтанудың негізгі категориялары қарастырылған және Ресей қоғамындағы әлеуметтік өзгерістерді зерттеудегі қазіргі заманғы әрекеттік-белсенділік көзқарасының инструментальды маңызы ашып көрсетілген. Инновациялық, пәнаралық, тәжірибелігі құндылығы жағынан әлеуметтану бойынша оқу әдебиеттерінің арасында ерекше еңбек болып табылады.

Yadov Vladimir Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Professor, Dean of Sociology Faculty of State University of Humanities, Honoured Doctor of IS RAN

Modern theoretical sociology as a conceptual base for researches of Russian transformations

The course of lectures for students of MA courses on sociology (Second edition, revised with additions)

Modern theoretical sociology as a conceptual base for researches of Russian transformations.: The course of lectures for students of MA courses on sociology Second edition, revised with additions. – Saint Petersburg: Entersocis 2009. – 138 pages («Sociopolis»: Library of modern social and humanitarian study) ISBN 978-5-94348-053-9 http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoriet_sociol_2009_Yadov.pdf

Major categories of classical sociology are considered and instrumental significance of modern activist approach to studying of social changes in Russia are disclosure in the course of lectures of V.A. Yadov, the leading modern Russian sociologist, a pioneer of empirical social researches implemented in the USSR, one of the founders of Leningrad social school, the author of dispositional conception of regulation of social behavior of a person and the author of first domestic textbook on methodology of social researches. The peculiarity of the course are its innovativeness, instrumentality, interdisciplinarity, practical value which essentially distinguishes it from growing wave of textbooks of sociology.

Ядов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии Государственного Университета Гуманитарных наук, почетный доктор ИС РАН

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций

курс лекций для студентов магистратуры по социологии (Издание второе, дополненное и переработанное)

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. – Спб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с. («Социополис»: Библиотека современного социогуманитарного знания) ISBN 978-5-94348-053-9 http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoriet_sociol_2009_Yadov.pdf

В курсе лекций В.А. Ядова, ведущего современного российского социолога, пионера проводившихся в СССР эмпирических социологических исследований, одного из создателей ленинградской социологической школы, автора диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности и автора первого отечественного учебника по методологии социологического исследования, – рассматриваются основные категории классической социологии и раскрывается инструментальное значение современного деятельностно-активистского подхода в изучении социальных перемен в российском обществе. Особенность курса состоит в его инновативности, инструментальности, междисциплинарности, практической ценности, что заметно отличает его от растущего вала учебной литературы по социологии.

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

Изучение общественного мнения и маркетинговые исследования в Казахстане и странах Центральной Азии

Ракишева Ботагоз Ислямовна –
директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук

Республика Казахстан
010000 г. Астана
пр. Абая 86 (30), офис 1
Тел/факс: +7 (7172) 32-78-52
e-mail: cessi_kazakhstan@cessi.kz
<http://www.cessi.kz>

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Журнал редакциясы жариялауға мақалалар қабылдайды. Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-15 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қаріпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мынатарғыдағы талаптарды ұстану қажет:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетілуі тиіс. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі керек. Аббревиатуралар түсіндіріледі.
4. Мақала электронды түрде және қағазға басылған түрінде қабылданады. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
5. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне ispr@ispr.kz жиберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает статьи для публикации. При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках должен быть набран 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи необходимо придерживаться следующих правил:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники должны указываться в квадратных скобках постранично. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.
4. Статьи предоставляются в электронной версии и в распечатанном виде.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: ir@ispr.kz

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The magazine staff calls for articles to publish. The articles should meet the following requirements:

1. Text should not be more than 10-15 pages; languages are Kazakh, Russian and English, 14th font, one space interval, Times New Roman, Word for Windows.
2. Articles should contain the following information:
 - *Author's full name;*
 - *Employment information, including position;*
 - *Academic degrees and titles;*
 - *Article's title (in capital letters, in the center, without period);*
 - *Text of the article;*
 - *Contact information (telephone, fax, email)*
3. Sources should be cited in square brackets at each page. Authors must indicate all sources of quotations, figures and other information cited in an article. All abbreviations should be explained.
4. Articles should be submitted in electronic and paper-based forms.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the magazine email: ispr@ispr.kz

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына
www.ispr.kz
сайтынан немесе
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234
телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on
the website:
www.ispr.kz
or by phone
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте
www.ispr.kz
или по телефонам.:
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234.

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал вы можете по почтовому каталогу в любом отделении «Казпочты» (индекс 74270).

Стоимость подписки на год составит:
Алматы, регионы – 1 712,87 тенге
Село, район – 1 716,02 тенге

ПС-1 н.
ПС-1 ф.

М.О./М.П.
оператордың қолы
-подпись оператора

"Казпочта" акционерлік қоғамы Акционерное общество "Казпочта"											
АБОНЕМЕНТ № (басылым аты - наименование издания)						АБОНЕМЕНТ №					
журнал ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика						Басылым индексі Индекс издания 74270					
Ж а з ы л у бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны Кол-во комплектов		
2010 жылға, айларына						2010 год, по месяцам					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Қайда/Куда _____											
почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес											
Кімге/Кому _____											
тегі, аты - фамилия, инициалы											
М.О./М.П. оператордың қолы подпись оператора											
ЖЕТКІЗУ КӘРТІШКЕСІ №						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА №					
			журналға			на журнал			74270		
пв	Орын Место	Литер									
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика											
(басылым аты - наименование издания)											
Ж а з ы л у бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны Кол-во комплектов		
2010 жылға, айларына						2010 год, по месяцам					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Қайда/Куда _____

почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес

Кімге/Кому _____

тегі, аты - фамилия, инициалы

Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000
Astana, Kazakhstan
Tel./fax:
+7(7172) 466 234,
457 002, 457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz
Botagoz Rakisheva –
Program Director
Candidate of Sociological
Sciences

marina.pak@ispr.kz
Marina Pak –
Executive Director
Master of Psychology

www.ispr.kz
ispr@ispr.kz